

Абгар Рубенович Иоаннисян

РЕВОЛЮЦИОННО-КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ во ФРАНЦИИ в 1842-1847 гг.

МОСКВА: «НАУКА». 1986

A. Ioannissian

LE MOUVEMENT COMMUNISTE REVOLUTIONNAIRE EN FRANCE EN 1842—1847

Работа посвящена изучению как идеологии, так и практики революционно-коммунистического движения во Франции в 40-х годах XIX столетия: теоретическим произведениям, пропагандистской литературе, коммунистической прессе тех лет, а также деятельности подпольных коммунистических организаций. Монография написана на основе изучения широкого круга источников, в том числе материалов Национального архива Франции.

Рецензенты: Е.Б. ЧЕРНЯК, М.И. МИХАЙЛОВ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава 1. Разрыв с Кабе Дезами и других революционных коммунистов. «План образцовой коммуны» Велликуса и произведения Брижа. «Политическая и социальная система равных» Валлона. «Фратерните» 1842—1843 гг. «Кодекс общности» Дезами. «Альманах общности» Дезами, Мей и Гея. «Альманах социальной организации», процесс и осуждение Дезами. Его последние произведения.

Глава 2. Подпольная коммунистическая деятельность в 1842—1843 гг. Процессы нелегальных коммунистических организаций. «Дело улицы Пастурель». Процесс тулузских коммунистов. Революционно-коммунистическое движение в Лионе. «Лионские библиотеки».

Глава 3. «Фратерните 1845 г.». Брошюра Алоиза Юбера. «Альманахи-катехизисы» Брэ. Различные новые органы печати в Париже и провинции. Брожение среди левых фурийеристов и их сближение с коммунизмом. Эдуар де Помпери и проспект журнала «Юманите».

Глава 4. Продовольственные волнения 1846—1847 гг. Подпольное коммунистическое движение в последние годы Июльской монархии. Процесс турских коммунистов. «Коммунисты-материалисты». «Дело о бомбах». Антикоммунизм во Франции накануне революции.

Заключение

Указатель имен

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](http://www.vive-liberta.ru) и Век Просвещения, 2010. Расположение авторских ссылок и примечаний изменено

по сравнению с оригиналом. Тематические ссылки даны нами.

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#410334653>

А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции
http://enlightment2005.narod.ru/arc/comm_ioan-1.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.
http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина 19 в.
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_soc2.pdf

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией
<http://enlightment2005.narod.ru/science/volgin5.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм: к 200-летию со дня рождения Гракса Бабефа
http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений / пер. с франц. Е.Успенской под ред и с предисл. М.Зеликмана
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

С.Киясов. Марешаль
<http://narod.ru/disk/10467381000/smarch3.pdf.html>

Х.Момджян. Сильвен Марешаль; вступит.статья к сборнику произведений
<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>

Ф.Буонаппоти. Заговор во имя Равенства / вступит.статья В.П.Волгина, комментарии В.М.Далина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon1.pdf>
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/buon2.pdf>

Теодор Дезами. Кодекс общности / Перевод с франц. Э.А.Желубовской и Ф.Б.Шуваевой). Комментарии В.С.Алексеева-Попова. Вступительная статья В.П.Волгина
http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона / вступит.статья В.П.Волгина
<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть / комм. В.В.Альтмана, вступ.статья В.П.Волгина
<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Другие работы А.Р.Иоаннисяна можно найти в библиотеке, на сводных страницах <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref4.htm#ioanns> или в нашем сообществе <http://www.diary.ru/~vive-liberta/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, предлагаемая вниманию читателей, является непосредственным продолжением предыдущей монографии, опубликованной в 1983 г., «Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг.» [текст см. в нашей библиотеке]. В предисловии к указанной монографии мы отмечали уже, что две работы, специально посвященные революционно-коммунистическому движению в период Июльской монархии и опубликованные еще в начале нашего столетия, — а именно монография Моранжа «Коммунистические идеи в тайных обществах и в прессе в период Июльской монархии» и работа Сансье «Бабувизм после Бабефа»², — не основаны на архивных материалах и в них не использованы даже все печатные источники. К сожалению, мало нового по интересующей нас тематике можно найти и в других многочисленных работах, посвященных истории французского социализма и рабочего движения. В 1981 г. был опубликован коллективный труд под многообещающим заглавием «1848 г. Социальный утопизм. Утопия и действия накануне февральских дней»³. В первом разделе, озаглавленном «Социальная утопия и социальные утописты во Франции к 1848 г.», говорится вперемежку о самых различных представителях социальной мысли, включая фурьеристов, сенсимонистов и даже республиканцев-демократов. Что касается коммунистов, то известный интерес представляют 12 страниц, посвященных руководимому Кабе икаррийскому движению. Относительно же революционного коммунизма здесь нет ничего нового, кроме ссылок на тех же Моранжа и Сансье, причем автор (Жак Валетт) путает даже общеизвестные факты и даты: Бельвильский банкет отнесен к сентябрю 1840 г., Розье, выступавший на этом банкете с тостом, назван Розей и т.п. Во втором разделе говорится о сенсимонистах в период Второй республики, о Леру, о Флоре Тристан, о дискуссии между Прудоном и фурьеристами, о Крессоне, религиозном деятеле, имевшем кое-какое отношение к сенсимонизму. В двух других разделах рассматриваются вопросы об эстетике утопистов и о престиже утопии за границей без ссылки на какие-нибудь новые имена. Таким образом, и эта книга не восполняет пробел в изучении французского революционного коммунизма этой эпохи. Архивные источники имеют столь же большое значение для изучения революционно-коммунистического движения во Франции 1842–1847 гг., как и предшествующих двух лет. К сожалению, их круг значительно сужен из-за следующего обстоятельства. В 1840–1841 гг. дела Дармеса и Кениссе, покушавшихся на короля и его сына герцога Омальского, рассматривались Судом пэров, архив которого полностью сохранился в серии СС Национального архива Франции. Процессы же различных подпольных организаций, действовавших в Париже в 1842–1847 гг., поскольку они не были связаны с такого рода покушениями на представителей верховной власти, рассматривались разными судебными инстанциями департамента Сены. Но весь архив парижских судов сгорел

во время пожара ратуши в мае 1871 г., в дни Парижской Коммуны. Поэтому в Архиве департамента Сены, где в настоящее время хранятся судебные архивы, нет судебных дел периода Июльской монархии. Это, конечно, невосполнимая утрата, поскольку погибли не только протоколы судебных заседаний, но, что гораздо более важно, и материалы предварительного следствия и конфискованные рукописи и печатные документы.

Это не значит, однако, что нет вообще никаких архивных материалов, связанных с упомянутыми выше процессами. Судебные чины вели по этому поводу переписку с министерством юстиции и с министерством внутренних дел, которая сохранилась в Национальном архиве, в серии ВВ. В этой серии мы вообще находим интересные документы и целые досье, относящиеся к революционно-коммунистическому движению этих лет. Таких материалов особенно много в подсериях ВВ18 и ВВ24. В серии ВВ имеются документы не только о революционно-коммунистическом движении в Париже. В ней сохранилась и переписка министерств с местными судебными и полицейскими властями, которые пересылали в Париж соответствующую информацию о различных событиях и судебных процессах и даже копии попавших в их руки документов как и для предыдущих двух лет, большой интерес представляют и ежедневные донесения префекта полиции Делессера, хранящиеся в Национальном архиве в серии F (F7 3890-3893). Эти донесения за 1842-1846 гг. полностью сохранились. Их, к сожалению, по неведомой нам причине нет за 1847 г., за исключением нескольких разрозненных донесений, находящихся в других единицах хранения. Поскольку революционно-коммунистическое движение в последние годы Июльской монархии развивалось на фоне экономического кризиса, то большое значение имеют два фонда — фонд Национального архива, озаглавленный «Волнения, вызванные недостатком продовольствия в 1846–1847 гг.» (ВВ19 37–42), и фонд Военного архива Франции под названием «Беспорядки, вызванные дороговизной хлеба» (Е5 152–159).

Говоря о печатных источниках, следует прежде всего упомянуть о тех, которые восполняют пробел, вызванный утерей материалов судебных процессов, связанных с деятельностью подпольных коммунистических организаций. Это в первую очередь официальная «Газет де трибюно», в которой печатались отчеты о судебных делах. В ней мы находим подробные сообщения и о процессах коммунистов как в Париже, так и в других городах; в них приводятся не только обвинительные заключения, допросы обвиняемых и прения сторон, но иногда и захваченные при обыске документы или хотя бы выдержки из них. Отчеты об этих процессах публиковались и в других газетах и журналах. Здесь прежде всего следует указать на журнал Кабе «Попюлер», в котором также подробно освещались эти судебные дела. Наконец, и сам Кабе печатал специальные брошюры, посвященные некоторым из этих процессов — например, делу тулузских коммунистов в 1843 г. и делу турецких коммунистов в 1847 г., — в которых приводил и документальные материалы, подчас дополняющие данные,

содержащиеся в отчетах «Газет де трибюно». Вообще следует сказать, что, наряду с журналом «Попюлер», все весьма многочисленные публикации Кабе являются важным и совершенно незаменимым источником при изучении истории революционно-коммунистического движения этих лет. В своих брошюрах Кабе, «разоблачая» коммунистов-революционеров, не только приводил много фактов их деятельности, но и предавал гласности очень ценные Документы, в том числе и свою переписку с ними. Такие же материалы мы можем найти и на страницах журнала «Попюлер». Журнал этот, кроме того, широко освещал коммунистическое движение во Франции, приводил подробные выдержки из высказываний прессы и отдельных политических и общественных деятелей о коммунизме, публиковал сведения о преследованиях коммунистов.

К печатным источникам следует отнести и воспоминания непосредственных участников и свидетелей революционно-коммунистического движения 40-х годов. Это прежде всего книга Виктора Бутона «Революционные профили», опубликованная в 1848–1849 гг. Близкий к революционным кругам своего времени, Бутон не только рисует живые портреты многих коммунистов-революционеров, которых он лично знал, не только сообщает о них интересные биографические данные, но и приводит некоторые важные документы. Люсьен де ла Одд в течение всех этих лет входил в руководящий состав Общества новых времен года, хорошо знал все революционное подполье, будучи одновременно платным полицейским осведомителем. Адольф Шеню тоже лично участвовал в подпольной деятельности, был членом тайных коммунистических организаций, но затем стал ренегатом. Поэтому к опубликованным ими после революции, в 1850 г., книгам — воспоминаниям о «тайных обществах» и «заговорщиках» следует относиться с максимальной осторожностью. Но несомненно, что они содержат сведения, которые мы не можем почерпнуть из других источников, и при их критическом использовании и сравнении с имеющимися в нашем распоряжении архивными и иными документальными данными помогают воссоздать многие подробности подпольного революционно-коммунистического движения. Революционно-коммунистическая идеология этих лет находила свое выражение как в теоретических трудах, брошюрах и других аналогичного рода изданиях, так и в периодической печати. Наряду с такими широко известными работами, как «Кодекс общности» Дезами и «Альманах общности», в Национальной библиотеке сохранились (подчас в единственном экземпляре) и такие малоизвестные или совершенно неизвестные публикации, как одна из брошюр Брижа, «Политическая и социальная система равных» Баллона, брошюра Алоиза Юбера, «альманахи-катехизисы» Брэ. В «Фратерните» 1842–1843 гг., перешедшем после ухода Лаотьера в руки революционно настроенных коммунистических деятелей, также пропагандировались революционно-коммунистические идеи. Новый коммунистический печатный орган, публиковавшийся с января 1845 г. до февраля 1848 г. под названием «Фратерните 1845 г.»,

излагал, обосновывал и развивал революционно-коммунистическое мировоззрение.

Источниковедческая база для изучения революционно-коммунистического движения в 1842–1847 гг., как и предыдущих двух лет, разумеется, шире, чем та, на основе которой написана данная работа. В ней не использованы департаментские и коммунальные архивы. В этих архивах, судя по описям, имеются очень ценные материалы о революционно-коммунистическом движении в провинции, особенно в крупных городах. Лишь на местах сохранились комплекты некоторых провинциальных газет и журналов, которых нет в парижских книгохранилищах. Особенно большим пробелом следует признать то, что в работе не использован архив департамента Роны и коммунальный архив г.Лиона. Но, несмотря на это, автор все же решается опубликовать эту работу как первую попытку систематического изложения революционно-коммунистического движения во Франции накануне революции 1848 г.

1 Morange G. Les idees communistes dans les societes secretes et

2 Sans la presse sous la monarchie de Juillet. P., 1905.

3 IRT7 G. Le Babouvisme apres Babeuf, 1830–1848. P., 1912, i «4». Les utopismes sociaux. Utopie et action a la veille des journees de fevrier. P., 1981.

Глава первая

Разрыв с Кабе Дезами и других революционных коммунистов. «План образцовой коммуны» Велликуса и произведения Брижа. «Политическая и социальная система равных» Баллона. «Фратерните» 1842–1843 гг. «Кодекс общности» Дезами. «Альманах общности» Дезами, Мея и Гея. «Альманах социальной организации», процесс и осуждение Дезами. Его последние произведения.

I

События 1840–1841 гг. во Франции наглядно продемонстрировали глубокие и принципиальные противоречия между революционным и икарыйским коммунизмом. Возникшие в эти годы тайные коммунистические общества вели революционную пропаганду, активно участвовали в рабочем движении, в частности во всеобщей стачке в Париже в сентябре 1840 г. и в рабочих волнениях, вспыхнувших в столице год спустя. Идеологи революционного коммунизма Дезами, Пийо, Майер, Нуаре и другие в брошюрах и периодических органах, таких, как «Эгалитер», «Травай», «Коммюотер», «Юманитер», разоблачали классовый характер Июльской монархии, вскрывали непримиримые классовые противоречия между господствующей буржуазией и пролетариатом, между капиталистами и рабочими, призывая последних к низвержению революционным путем эксплуататорского строя. С другой стороны, Кабе все более активно и рьяно нападал на тайные общества, осуждал «мятежи» и выступления

рабочих, любые насильственные действия и призывал добиваться социального преобразования исключительно мирными средствами с помощью той же буржуазии, а не вопреки ей. Разногласия между представителями революционного и икарийского коммунизма отнюдь не носили теоретического характера. Беспощадная расправа правительственных властей с рабочим движением с помощью не только полиции, но и армии, многочисленные судебные процессы коммунистов и членов тайных обществ, присуждение десятков коммунистических деятелей к тюремному заключению — все это наглядно показало истинную суть этих разногласий, пропасть, разделявшую революционных комитетов и Кабе с его «мирным» икарийским коммунизмом. События 1840-1841 гг. не могли поэтому не принести к окончательному размежеванию сил внутри коммунистического движения. Конечно, и в предыдущие два года это размежевание уже существовало. Но в личном плане многие представители революционного коммунизма поддерживали отношения с Кабе, а некоторые, вроде Дезами, даже непосредственно сотрудничали с ним. Подобное сотрудничество, однако, становилось теперь практически невозможным.

Начало 1842 г. ознаменовалось поэтому громогласным и публичным разрывом между Кабе и Дезами, как бы символизировавшим окончательный и бесповоротный разрыв между революционным и икарийским коммунизмом. В июне этого года Дезами опубликовал специальную брошюру, направленную против Кабе, под названием «Клевета и политика г. Кабе»¹. В июле Кабе напечатал свой ответ: «Вся правда народу или опровержение клеветнического памфлета»². Эти две брошюры дают возможность выяснить историю взаимоотношений между Кабе и Дезами вплоть до их окончательного разрыва.

В 1839 г., опубликовав свою первую работу, Дезами послал ее Кабе. Тот на следующий же день пригласил его к себе, и с тех пор они стали часто видаться. Кабе сообщил ему, что он также является коммунистом и даже материалистом, хотя просил не говорить об этом. Правда, Кабе всегда избегал бесед на философские темы, хотя Дезами повторно, один раз даже в присутствии Лаотьера, пытался изложить свои принципы, отрицавшие спиритуализм и противопоставлявшие ему рационализм. Он рассказал откровенно и о своих взглядах на семью. Они часто говорили и о проблеме городов, деревень, ферм. В декабре 1839 г. Дезами устно изложил Кабе план «коммунистического произведения», которое он намерен был опубликовать под названием «Путешествие в Эдем». Кабе был этим неприятно поражен, так как сам в то время намерен был опубликовать свое «Путешествие в Икарию». В конце февраля или начале марта 1840 г. издатель Порнен, владелец типографии в Туре, предложил Дезами напечатать его работу. Узнав об этом, Кабе стал усердно его отговаривать, указывая, что его книга может быть конфискована, а это нанесет большой ущерб их делу, что он сам автор большой книги на эту тему, но принял все необходимые меры, дабы ее издание не привлекло внимания властей, что он намерен вскоре начать публикацию коммунистического журнала, в котором Дезами сможет сотрудничать.

Поддавшись тогда этим доводам, Дезами решил отложить опубликование своего плана общности. В мае он показал Кабе рукописный проспект журнала «Эгалитер». Тот снова начал отговаривать его, но на этот раз Дезами его не послушал. Вскоре между ними произошел конфликт после Бельвильского банкета, на котором Кабе отказался присутствовать. Опубликование отчета об этом банкете привело Кабе в бешенство. «Вы были, — писал по этому поводу Дезами, — с самого начала недовольны, что пролетарии позволили себе самим водрузить коммунистическое знамя, не имея во главе нескольких буржуа, нескольких известных имен». В своих опубликованных в то время брошюрах Кабе всячески стремился подчеркнуть, что лишь он является единственным основателем современного коммунизма³.

Весь изложенный выше рассказ Дезами о первом периоде его сношений с Кабе в 1839—1840 гг., несомненно, соответствует истине. Это видно из того, что в своем ответе на его брошюру Кабе оказался не в состоянии опровергнуть ни одного приведенного там факта. Он старался лишь изобразить дело таким образом, что он покровительствовал в то время Дезами, поскольку тот относился к нему с большим почтением, спрашивал его советов и ему казалось, что он разделяет его принципы, и так как он занимался даже распространением «Путешествия в Икарию»⁴.

Следующий этап взаимоотношений Дезами и Кабе относится к 1841 г., когда последний предпринял издание «Попюлера». По утверждению Дезами, он даже прекратил на втором номере публикацию «Эгалитера» именно потому, что Кабе обещал ему активное участие в этом новом коммунистическом журнале. Нужно сказать, что и до этого Кабе поручал Дезами литературную работу. Он предложил ему совместно написать брошюру, посвященную восточному вопросу. Дезами проделал всю черновую работу, просмотрел около 800 номеров газет и журналов, и написал основной текст, однако Кабе, вопреки своему обещанию, опубликовал эту брошюру только под своим именем. Теперь он стал широко использовать Дезами в «Попюлере». По словам последнего, он часто работал даже ночами, не только у себя на дому, но и в типографии, где печатался «Попюлер» причем для подготовки июньского номера журнала за 1841 г. проработал почти непрерывно 60 часов подряд. Правда, Кабе публиковал в «Попюлере» некоторые статьи Дезами. По его утверждению, то были лишь статьи второстепенного значения. На это Дезами возражал, что это были наиболее трудоемкие работы, посвященные, в частности, обзорам внутренней и внешней политики. Что это было действительно так и что перу Дезами принадлежали и некоторые важные политические статьи, видно из признания самого Кабе, что именно Дезами был автором тех статей, посвященных антикоммунистической кампании в прессе и речи председателя Букли на открытии очередной сессии Королевского суда Парижа, о которых мы говорили в нашей предыдущей книге⁵.

Но вскоре Кабе перестал публиковать статьи Дезами. Последний перечисляет девять своих работ, которые Кабе ему заказал, намереваясь будто бы опубликовать их даже отдельными брошюрами. Среди них были

не только критические обзоры различных книг, но и такие, как «Происхождение современного коммунизма», «Процесс юманитариев», «Опровержение "Ателье"». Несомненно, это было связано с их содержанием и с изложенными в них взглядами, поскольку идейные разногласия между Дезами и Кабе все более обострялись⁶.

18 февраля 1842 г. Дезами направил Кабе письмо с просьбой опубликовать в следующем номере «Попюлера» извещение о том, что он выходит из состава редакции «Попюлера» «в связи с теоретическими разногласиями». По утверждению Кабе, он одновременно попытался организовать «коалицию» против «Попюлера», вступив в этих целях в сговор с «людьми "Юманитера", "Коммюнотера", "Фратерните" и бывшего "Монитёр републикен"»⁷. Действительно ли Дезами пытался сорвать издание «Попюлера» или это было нарочитое измышление Кабе, в точности сказать трудно, по что в начале 1842 г. Дезами еще более сблизился со многими представителями революционного коммунизма, в том числе даже с Меем, до этого сотрудничавшим в «Юманитере», является, как увидим ниже, непреложным фактом.

В то же время Дезами начал издание своего главного теоретического трактата — «Кодекс общности», над которым он работал уже давно. Он стал публиковать свой «Кодекс» отдельными выпусками, выходившими раз в неделю. По мере выхода в свет отдельных выпусков этого произведения отношения Дезами с Кабе все более обострялись. В одном из первых выпусков Дезами, стремясь подчеркнуть беспринципность Кабе, иронически писал: «Автор "Путешествия в Икарию" вначале принял без оговорок систему городов и столиц. В настоящее время Кабе, как видно, отказался от этой иерархической формы. В послесловии ко второму изданию своей книги... он допускает возможность организации строя общности с наличием и без наличия городов и т.д. и т.п. Несомненно, что и некоторые другие пункты своей работы Кабе после нового ее внимательного просмотра постарается изменить в третьем издании, ибо у Кабе нет ничего общего с мелкими, тщеславными людьми, которые не решаются отказаться от своего первоначального мнения даже тогда, когда им становится известно более верное решение. Никто в этом отношении так не уважает здравый смысл Кабе, как я»⁸.

Кабе в апрельском номере «Попюлера» поместил заметку с опровержением этих заявлений Дезами и одновременно в том же апреле 1842 г. опубликовал брошюру «Коммунистическая пропаганда», в которой, не называя Дезами по имени, резко нападал на его взгляды, изложенные в опубликованных уже выпусках «Кодекса общности», обвиняя его, в частности, в том, что в предлагаемых им общинах предусматривается ликвидация семьи⁹. В ответ на этот выпад Дезами в седьмом выпуске «Кодекса общности», в специальном примечании, уже не в завуалированной форме, а прямо и открыто обрушился на Кабе. Опровергая его утверждения, что существуют известные вопросы, которые должны излагаться только для ученых и о которых не следует говорить рабочим, Дезами далее писал: «Пока же я выражаю протест

против всей из ряда вон выходящей лжи, содержащейся в брошюре г.Кабе: искажения, фальсификации, подмена текстов, скрытые намеки и сопоставления и т.д. и т.п. — ничто не упущено в борьбе против "Кодекса общности", только шесть выпусков которого появились пока, но который в глазах г. Кабе имеет ту непростительную вину, что он соперничает с "Путешествием в Икарию!"»¹⁰.

8 мая 1842 г. Кабе в очередном номере «Попюлера» поместил статью, необычайно резко нападавшую на Дезами; публикуя текст его письма от 18 февраля, Кабе громогласно заявлял о своем полном разрыве с ним и пытался «разъяснить ущерб», наносимый коммунистическому движению «Кодексом общности». Это вынудило Дезами после девятого выпуска «Кодекса общности» опубликовать специальную брошюру, разоблачавшую политику Кабе, в ответ на которую последний в июле и напечатал свое «опровержение клеветнического памфлета».

Таким образом, как видим, Кабе с самого начала пытался использовать Дезами в своих интересах, эксплуатировать его в своих личных целях, в то же время всячески препятствуя опубликованию им своих работ, выражавших его самостоятельные суждения. Брошюра Кабе, направленная против Дезами, производит отталкивающее впечатление, поскольку, не имея возможности опровергнуть приведенные Дезами факты, он пытался изобразить себя как благодетеля, всячески подчеркивая тяжелое материальное положение Дезами и ту финансовую помощь, которую он будто бы ему оказывал. На самом же деле, по заявлению Дезами, за 14 месяцев он получил от Кабе всего 400 франков — мизерную сумму по сравнению с сделанной им работой. Следовательно, Кабе поступал не как филантроп и благодетель, а скорее как предприниматель, эксплуатировавший чужой труд.

Но, разумеется, не личные взаимоотношения были причиной разрыва между ними, а глубокие идейные разногласия, на которые указывал Дезами еще в письме от 18 февраля 1842 г. Брошюры, опубликованные как Дезами, так и Кабе, дают возможность точно установить суть этих разногласий. В предисловии к своей брошюре Дезами, перечисляя причины, побудившие его выступить против Кабе, писал: «Глубокое заблуждение полагать, что содействие буржуазии необходимо для торжества Общности... Коммунистическая система является столь непоколебимой, что ее нельзя дробить и подчинять чему бы то ни было. Нельзя поэтому говорить, как это делает г.Кабе... я являюсь французом, затем демократом, затем реформистом, затем коммунистом. Если мы являемся искренне и полностью коммунистами, то этого вполне достаточно, так как общность является суммой всех благ и всего социального совершенства»¹². В другом месте он писал: «Что касается меня, то, повторяю, я прежде всего коммунист; пусть Общность будет осуществлена неважно каким народом, неважно как, неважно какой ценой, я встречу ее с радостью и энтузиазмом»¹³. Дезами обвинял также Кабе в том, что он относился отрицательно «к превосходной работе Буонарроти и не упускал любого предлога, чтобы обвинять Бабефа и

подрывать к нему уважение». «Пролетарии, — писал он в заключение, — это в первую очередь к вам я обращаюсь с этими размышлениями, к вам, которые были тысячу раз преданы, проданы, оклеветаны, истерзаны и поруганы мнимыми спасателями! Если вы вновь погрузитесь в оцепенение вследствие слепого доверия, если вы подчинитесь культу личности, опасайтесь впасть еще раз в жестокие и мучительные иллюзии»¹⁴.

Со своей стороны Кабе так объяснял свое решение «удалить» Дезами. «Я удалил его, так как обнаружил, что он был ультракоммунистом, коммунистом немедленных действий, сторонником тайных обществ и насилия, стремившимся навязать общность силой»¹⁵. «Я удалил его, так как многие лица... предупреждали меня, что он излагал публично в кафе доктрины, которые могли меня скомпрометировать, поскольку все знали о его связи со мной»¹⁶. Называя Дезами «чрезмерным демагогом, льстецом народа, коммунистом немедленных и насильственных действий», он в связи с его заявленным о том, что глубоко ошибочно рассчитывать на содействие буржуазии в осуществлении общности, с негодованием восклицал: «Как! Содействие буржуазии не является необходимым для торжества общности! Как! Пролетарии одни-одинешеньки могут победоносно установить общность, без содействия буржуазии, следовательно, вопреки ей, навязав ее силой, войной и победой!»¹⁷. «Зло, — писал он в другом месте — несравненно значительней и в ином отношении: жалкий клеветник не одинок; он орудие, используемое некоторыми личностями, образовавшими коалицию; эта коалиция состоит из дюжины людей, наиболее деятельных среди ультракоммунистов; это бабувисты и эбертисты, редакторы "Фратерните", "Юманитера" и "Коммюнотера". И они нападают прежде всего на мои принципы, принципы "Путешествия в Икарию" и "Попюлера"; они хотят меня изничтожить, так как я не восторгаюсь ни Эбером, ни Бабефом и не хочу им подражать, так как я неумолимо защищаю семью, так как я хочу достичь общности лишь путем мирной пропаганды, путем обсуждения, силой общественного мнения, потому что я отвергаю насилие, тайные общества, мятежи и покушения»¹⁸.

Думается, что этих цитат более чем достаточно, чтобы уяснить истинную суть разрыва Дезами с Кабе. Если раньше и было в какой-то форме возможно их сотрудничество, то дальнейшее размежевание противоборствующих сил внутри коммунистического движения и полная противоположность идейных позиций Кабе и революционных коммунистов сделали их разрыв совершенно неизбежным. Поэтому с Кабе окончательно порвали не только Дезами, но и другие представители революционного коммунизма, которые до этого поддерживали с ним те или иные отношения.

В конце своей брошюры против Дезами Кабе писал: «Чтобы показать, каким тяжелым оскорблением и гнустностями подвергается человек, преданный делу трудящихся, я хотел поместить здесь письма одного рабочего, одного из наиболее рьяных сторонников памфлетиста (т.е. Дезами. — А.И.), одного из самых мерзких существ, который, хоть и

признавая, что коммунисты должны быть мне благодарны за Икарию, считал возможным заявить, что коммунисты станут теперь меня проклинать»¹⁹. Трудно, конечно, сказать, кого конкретно имел в виду Кабе, но возможно, что это был не кто иной, как Велликюс, которому впоследствии Бутон давал следующую характеристику: «Велликюс является рабочим-портным; человек пылкий, он принадлежит к числу самых последовательных уравнилителей, самых последовательных коммунистов. Как революционер, он монтаньяр самого красного цвета»²⁰. Велликюс, пришедший к коммунизму под влиянием Кабе, перешедший затем на революционные позиции, ставший даже членом подпольного руководящего комитета Общества коммунистов, продолжал, однако, поддерживать связи со своим бывшим учителем.

В другой своей брошюре, «Сорванные маски»²¹, изданной несколько позже, в 1844 г., Кабе сообщает по этому поводу следующие подробности, обозначая Велликюса инициалам X.Y.Z. По его словам, Велликюс ему в свое время рекомендовали двое лиц, одним из которых был Шарль Тест. Велликюс был в Лондоне, когда там находился Кабе, и сблизился с ним. С характерным для него высокомерием Кабе и в данном случае изображает себя великодушным покровителем, не только всячески помогавшим Велликюсу, но и вызволившим его из тюрьмы, когда по обвинению в оскорблении нравов тот был приговорен к трехмесячному заключению. Вскоре Велликюс вернулся с семьей во Францию на деньги, данные ему Кабе. Неудивительно поэтому, что Велликюс, несмотря на свои новые убеждения и свою деятельность в тайных обществах, продолжал поддерживать близкие отношения с Кабе, когда последний также вернулся на родину. «После нашего возвращения из изгнания, — писал Кабе, — он пришел, чтобы выразить нам свою благодарность. Никто не относился к нам с большим почтением, никто не проявлял большего рвения, большей активности в деле вербовки подписчиков и акционеров "Попюлера", в дело распространения нашего "Путешествия в Икарию", наших других произведений, никто не хвалил в большей мере наши работы, никто не казался более искренно преданным»²². Но два года спустя все изменилось. «Трудно представить, с каким бесстыдством этот несчастный опровергает сам себя и отрекается от собственных слов; он говорит и делает все обратное тому, что он говорил и делал в течение двух лет; мы были для него почти богом, а теперь мы являемся дьяволом; ничто не было столь прекрасно, как "Путешествие в Икарию", а теперь это самая плохая книга; ничто не было столь хорошо и полезно, как "Попюлер", теперь ничего нет худшего... Он прилагает всяческие усилия, чтобы нанести смертельный удар "Попюлеру", покрыв нас позором; нет такой клеветы, которой он бы не распространял. Он проявляет дьявольскую активность, бежит повсюду, ходит по мастерским»²³.

Кабе приписывал их разрыв следующему обстоятельству. Возмнив себя автором, Велликюс вознамерился составить «план образцовой коммуны», что и послужило непосредственным поводом их ссоры. Что Велликюс действительно напечатал подобный план в начале 1843 г., мы

знаем из следующего извещения, опубликованного в последнем номере «Фратерните» от марта этого года. «Только что появилась прекрасная литография, изображающая коммуну при строе общности. Этот план размером в 87 сантиметров в ширину и 66 в длину находится у г.Велликюса, его издателя, улица Сент-Оноре, 138»²⁴.

К сожалению, нам не удалось найти это издание в Национальной библиотеке. Поэтому мы можем судить о нем лишь со слов Кабе. По утверждению последнего, еще тогда, когда Велликюс задумал это издание и сообщил о своем намерении «некоторым товарищам», те задали ему вопрос: спросил ли он совета Кабе, на что он ответил отрицательно, заявив, что опасается, что тот его не одобрит. Все же он в конце концов показал этот «план» Кабе, сперва только в виде чертежа, затем в виде красочного плана вместе с соответствующим «описанием». Он попросил поместить о нем извещение в «Попюлере», на что Кабе ответил категорическим отказом, заявив, что это описание он считает по самой своей сути плохим. Таким образом, основной причиной отказа Кабе было его враждебное отношение к идеям, изложенным в пояснениях к «плану образцовой коммуны». Когда Велликюс продолжал настаивать, Кабе предложил ему написать соответствующее письмо, которое он брался опубликовать в «Попюлере», однако с условием, чтобы тут же была опубликована статья, осуждающая его «план». Велликюс отказался, разумеется, от этого предложения.

Несколько дней спустя Кабе пригласил его явиться на заседание существовавшей тогда при «Попюлере» «большой комиссии», с тем чтобы она рассмотрела его проект. Велликюс не явился на это заседание, прислав письмо, помеченное 7 февраля 1843 г., которое Кабе приводит полностью в своей брошюре²⁵. Велликюс писал, что, зная мнение Кабе о его «плане образцовой коммуны», он не счел нужным предстать перед комиссией: «К чему представлять вам план, который ваш руководитель считает вредным». В этой связи он приводил в своем письме следующую деталь: когда в декабре он показал Кабе оттиск чертежа, тот подал ему надежду, что поместит о нем объявление, после того как ознакомится с объяснительным текстом, который должен был быть напечатан под этой литографией. Это еще раз свидетельствует о том, что гнев Кабе вызвал как раз этот печатный текст, т.е. изложенные в нем идеи «образцовой коммуны». В постскрипуме Велликюс писал: «Что касается раскола, который, как полагают, может вызвать мой план, то пусть мной больше не занимаются, как я не буду заниматься другими». Кабе опубликовал письмо Велликюса с вполне определенной целью, чтобы высмеять его безграмотность. Это письмо было действительно написано малограмотно, с грубыми орфографическими ошибками, но вряд ли было пристойно Кабе издеваться на этом основании над простым рабочим, что, однако, было его обычным методом полемики. Комментируя это письмо, Кабе называл Велликюса «ослом», возмущался тем, что тот имел «наглость» претендовать, чтобы он рекомендовал «работу... жалкую во всех отношениях», заявлял, что, если бы тот явился на заседание комиссии, ему бы «доказали, что этот план был плохим, вредным», что они были

тысячу раз правы, «не одобряя его». Интересно, однако, утверждение Кабе, что хотя Велликюс говорит о «своем» плане, однако дело обстоит иначе: «Мы недавно узнали, что он не является автором плана, что его автором является Брэ... что помещенное в нем описание дословно взято из одной работы Бри...»²⁶.

Окончательный разрыв между Кабе и Велликюсом произошел несколько позже, чем между ним и Дезами.

Вряд ли можно сомневаться, что и в этом случае основную роль сыграли идейные разногласия. Именно печатный текст, помещенный в представленном Велликюсом «плане», вызвал осуждение Кабе, объявившим его «вредным», что и привело к полному разрыву между

После решительного отказа Кабе опубликовать сообщение об этом «плане» в «Попюлере» Велликюс и поместил вышеприведенное извещение в «Фратерните». Необходимо подчеркнуть, что в этом извещении он называет себя лишь издателем этого «плана». Истина, очевидно, заключалась в том, что, хотя он и задумал опубликование подобного «плана образцовой коммуны» и, быть может, сам и составил соответствующий чертеж, разъяснительный текст заимствовал из произведения, упомянутого Бри... с идеями которого был согласен.

В топ же брошюре Кабе упоминал и о ряде других лиц, раньше бывших его почитателями, а теперь объединившихся с Велликюсом, которых Кабе также предавал анафеме. Среди них он упоминает Вольфа, Легре и Леграна, но следует иметь в виду, что то были не подлинные имена, а псевдонимы. Вольф, по его словам, долгое время являлся в Париже представителем «коммунистов Руана», В нашей предшествующей работе мы уже говорили подробно об этой группе руанских коммунистов, стоявшей в целом на позициях революционного коммунизма²⁷. Но, как Дезами и Велликюс, Вольф в 1840—1841 гг. поддерживал связи и с Кабе. 17 марта 1841 г. он вручил ему даже письмо, подписанное 17 лицами, в котором те заверяли его в своем уважении в связи с его самоотверженной деятельностью. Сам Вольф распространил большое число экземпляров «Путешествия в Икарию» и называл Кабе знаменем коммунизма. «Теперь же, — писал далее Кабе, — завлеченный Х.У.З. (Велликюсом); он утверждает, что наше "Путешествие в Икарию" нас погубило, что все разумные коммунисты от нас удалились и что мы всеми покинуты». Легре также в свое время одобрял его произведения и даже вербовал подписчиков для «Попюлера». Однако теперь «вдруг сразу, завлеченный Х.У.З. (Велликюсом), он восстал против нашего мирного пути и стал одним из наших самых ярых врагов»²⁸. Далее Кабе подробно останавливается на деятельности Леграна. Ниже мы увидим, что под псевдонимом Легран он подразумевал одного из видных представителей революционно-коммунистического движения, виноторговца и владельца меблированных комнат Жана Кофино. «Легран, — пишет он, — связанный какими-то дьявольскими узами с Х.У.З. (Велликюсом), ведет ожесточенную войну против нас и "Попюлера"». Он один из основателей «Юманитера»; он является «откровенным материалистом», близким к ультракоммунистам.

Из рассказа Кабе выясняется, однако, что до этого Кафино был акционером «Попюлера», т.е. на первых порах поддерживал этот журнал, но затем порвал с ним и потребовал возратить стоимость двух акций, принадлежавших ему и его брату. «С тех пор нет такой клеветы и таких средств, которых он не использовал бы против "Попюлера" и нас самих». В этих целях он предпринимает теперь вместе с Велликусом шаги, чтобы основать новый журнал. «Говорят, что он намерен издать несколько номеров вместе с Бри... и бегаёт в этих целях повсюду, чтобы распространить акции, стоимостью в два франка каждая»²⁹.

Разоблачая всех этих «ультракоммунистов», Кабе в заключение писал: «Они не только хотят основать журнал и помешать подписке на "Попюлер", чтобы убить его... но ещё они стремятся распространять работу Бри... (Основа права равенства) и знаменитый план X.Y.Z., противопоставляя эту работу и этот план нашему "Путешествию в Икарию" и нашим другим произведениям. Так банда ультракоммунистов в Париже и горсточка ультракоммунистов в Лионе и Тулузе, как и разносчики на юге страны, восхваляют работу и план Бри... и столь же рьяно стараются нанести удар по "Путешествию в Икарию" и "Попюлеру"»³⁰.

Но кто же был этот Бри..., с которым были столь тесно связаны Велликус, Кафино и другие революционные коммунисты, распространявшие его работы не только в Париже, но и в провинции, и который был автором объяснительного текста «плана образцовой коммуны», опубликованного Велликусом? То был Бриж (Brige). Виктор Бутон сообщает о нём следующее: «Бриж в различных работах, которые он опубликовал, никогда не **изимеют** достаточно, и это порождает глубокую анархию, которая будет существовать до тех пор, пока не будут изменены основы общества (3–4). Деятели Французской революции не имели возможности осуществить большие перемены. Все осталось попрежнему: некоторые, обладающие богатством, живут, ничего не делая; другие, и это основная масса, работают чересчур много. Ничего не изменилось и в отношении питания, одежды, жилища, образования (6–7). Их отцы провозгласили принципы: братство, свобода, равенство. Но они в ту эпоху не могли создать общественную организацию, в условиях которой эти принципы могли бы быть применены. Теперь настало время осуществить эти принципы на практике (8–10). Причина всех общественных несчастий — это золото, это деньги. В настоящее время золото является средством власти и могущества. Оно даёт право избирать, право быть депутатом; оно даёт возможность держать в зависимости трудящихся, оно превращает тех, кто им обладает, в воров, присваивающих благосостояние других, в то время как в хорошо организованном обществе каждый должен был бы иметь равное право на общее благосостояние (14–15).

Далее следует изложение плана нового общественного строя в виде регламента, состоящего из 15 разделов, разбитых, в свою очередь, на отдельные пункты (15–26). Основное право человека — это право на существование. Поэтому новый общественный строй должен основываться на следующих принципах. Каждый член общества должен

быть за счёт общего производства обеспечен всем необходимым — пищей, жилищем, одеждой и всеми удобствами. Все должны пользоваться свободой и равенством. Все дети получают одинаковое воспитание и образование. Администраторы избираются всеми гражданами. Все мужчины и женщины работают, и лишь больные и слабые освобождены от работы. Не обязаны работать также лица, достигшие 50 лет, причем в дальнейшем этот предельный возраст будет снижен до 45 лет. Весь продукт труда принадлежит обществу. Так как все производится всеми трудящимися, то и все должно равномерно распределяться между ними. Каждый в равной мере пользуется всеми благами.

В регламенте подробно конкретизируются эти основные положения. Не вдаваясь в подробности, отметим лишь следующее. Определённое число трудящихся составляют одно объединение (reunion) как для совместной работы в одном и том же месте, так и в случае если работа ведётся ими раздельно, в разных местах. Во главе каждого объединения стоит надзиратель, в обязанности которого входит руководство работой. За деятельностью надзирателей следят, в свою очередь, инспектора, назначенные «общей администрацией». Функции этой «общей администрации» выполняет «общее собрание», избираемое всеми трудящимися, имеющими право в случае необходимости отзывать своих представителей. Это «общее собрание» назначает различных «директоров», занимающихся как внутренними, так и внешними делами. Местными делами ведают «комиссии», соответствующие теперешним мэриям. Именно председатели этих комиссий и назначают надзирателей из числа кандидатов, избранных отдельными «собраниями». Во главе департаментов стоят префекты, непосредственно подчиняющиеся «общему собранию». Все жилища являются неотчуждаемыми и считаются собственностью всего общества. Одновременно имеются и «общие здания». Это обширные помещения со всеми удобствами для всех времен года, где постоянно проживает определённое число лиц и где могут также останавливаться путешественники. В этих общих домах и готовится пища. Каждый может там питаться, но может также, если пожелает, брать еду и относить себе домой. Так будет, однако, только в первое время, дабы не нарушать сложившихся привычек; в будущем же все будут питаться вместе. Местные «комиссии» предоставляют каждому мебель, а также бельё и одежду. Одежда должна быть простой и варьироваться лишь сообразно времени года и возрасту.

Далее следует раздел, озаглавленный «Вопросы относительно новой системы равенства и ответы на них» (26–34), где разъясняются отдельные положения регламента. В связи с проблемой питания говорится, что не все предоставляется в неограниченном количестве. На те продукты питания и напитки, расточительство которых нецелесообразно, будут выдаваться месячные жетоны; это относится, в частности, к вину. Далее указывается, что в «общинных зданиях» люди будут жить как братья. Там будет все необходимое, чтобы сделать жизнь счастливой. Зимой там будет жить приятнее, чем в домах теперешних

богачей. Летом там также будет отрадно, благодаря окружающим эти дома садам, рощам, фонтанам; однако это не исключает того, что, если пожелает большинство, близ коммуны могут иметься и дачи.

В конце книжки излагаются преимущества нового общественного строя по сравнению с теперешним. В будущем обществе будет существовать реальная свобода, а не мнимая свобода, как в настоящее время. Люди теперь, хотя формально свободны, но вынуждены, чтобы прокормить себя, выполнять тяжелую работу до конца своих дней. Столь же смехотворно и формальное равенство, провозглашенное в условиях общественного неравенства; подлинное равенство будет существовать лишь в новом обществе (36–39). При новых общественных порядках не будет больше «коммерческих кризисов», никто не сможет обогащаться за счет другого. Теперь, когда источником существования является обмен труда на деньги, развитие машинного производства, лишая рабочих работы, ведет к общественному бедствию. Но если при современной общественной системе машины – страшный бич, то при новой системе они станут огромным благодеянием, поскольку дадут возможность сократить рабочее время, облегчить труд (39–42).

Таков проект коммунистического общества, изложенный Брижем³³. Конечно проект не блещет оригинальностью. Это план коммунистического переустройства общества на базе отдельных коммун. Хотя автор и предусматривает на первых порах, наряду с обобществлением всех индивидуальных жилищ, создание центральных «общинных зданий», из его изложения ясно, что в будущем он намечал не только совместное питание членов коммуны, но и их совместное там проживание. Очевидно, в других, не дошедших до нас произведениях Бриж еще более детально описывал подобную коммунистическую общину, что и дало возможность Велликюсу взять дословно его текст для пояснительных комментариев к изложенному им «плану образцовой коммуны». Следует однако сказать, что Бриж представлял себе эти коммуны как изолированные единицы, а как составные ячейки единого хозяйственного комплекса в масштабе всей Франции.

При рассмотрении плана Брижа сразу бросается в глаза одна характерная черта. Критикуя существующий общественный строй, он говорит исключительно о рабочих, обменивающих свой труд на деньги, и в этом плане рассматривает и проблему развития машинного производства. Говоря о будущем, он предусматривает создание «объединений» трудящихся, как работающих совместно в одном и том же месте, так и работающих раздельно, т.е. как работающих на промышленных предприятиях, так и занятых в ремесленном производстве. Нигде ни единым словом он не упоминает работников умственного труда, не говорит ни о науке, ни об искусстве. Отсюда – и грубо уравнильные черты, характерные для его проекта, предусматривающего даже единую стандартную одежду. Бриж принадлежал к тем деятелям коммунистического движения того времени, которых Энгельс в 1843 г. в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте» называл «довольно-таки

«грубоватыми людьми»», которые «хотели превратить мир в общину рабочих»³⁴.

Но легко можно понять, почему публикации Брижа имели несомненный успех и распространялись не только в Париже, но и в провинции и даже противопоставлялись работам Кабе. Бриж совершенно недвусмысленно стоял на позициях революционного коммунизма. Так, в дошедшем до нас произведении, отвечая на вопрос, как и когда может быть осуществлена новая общественная система, он писал: «Когда же они (народы. – А.И.) выйдут из несчастного состояния, в условиях которого они томятся? Это будет не тогда, когда все люди этого захотят, так как всегда будут среди них заинтересованные и упрямые, которые этого не пожелают; но это будет, когда лица, составляющие массу трудящихся, этого захотят и когда их индивидуальные воли объединятся: без этого – ничего, с этим - все». Лишь в условиях нового общественного строя не будет больше революций, теперь же они неизбежны³⁵. Вот почему коммунисты-революционеры, с которыми он поддерживал и личные связи, распространяли работы Брижа. Вот почему Велликюс намечал вместе с ним издание нового коммунистического журнала в противовес «Попюлеру» Кабе. Это было тем более понятно, что Бриж уже до этого занимался публицистической деятельностью, принимая в 1842–1843 гг. активное участие в издании журнала «Фратерните».

III

Лаотьер, предпринявший в мае 1841 г. издание коммунистического журнала «Фратерните», недолго оставался его редактором. Он выпустил лишь первые шесть номеров. После этого ответственными издателями журнала были Пийо (ноябрьский номер 1841 г.), Вуазен (с декабря 1841 по октябрь 1842 г.) и, наконец, Гийар (с ноября 1842 по март 1843 г.). В последнем номере, опубликованном в марте 1843 г., редакторы «Фратерните» следующим образом излагали обстоятельства, связанные с изданием этого журнала. «В конце 1841 г. журнал "Фратерните", основанный не нами, был накануне гибели. Мы, однако, сочли, что было бы хорошо, что было бы даже необходимо, чтобы этот орган коммунистической доктрины не исчез в момент, когда этой доктрине, скомпрометированной в глазах публики ошибками некоторых ее сторонников и сознательной клеветой властей, требовалось быть лучше понятой... Издание "Фратерните" было, таким образом, продолжено. Восемь друзей, издавна связанных взаимной симпатией и одинаковыми принципами, посвятили свое свободное время и имевшиеся в их распоряжении средства для продолжения его публикации... они собирались, сколь часто это было возможно, для обсуждения и определения основного содержания статей, подлежащих опубликованию». Их совместная деятельность продолжалась до самого последнего времени и продолжалась бы и дальше, если бы не непредвиденные обстоятельства. «Вынужденные настоятельными причинами – по состоянию здоровья или ради обеспечения средств к существованию – покинуть Париж, большая часть наших друзей и сотрудников постепенно удалились, и редакция "Фратерните", лишившись

большей части своих членов, оказалась перед необходимостью или отказаться от взятого на себя бремени, или привлечь новых сотрудников, принципы которых ей недостаточно известны». Редакция избрала первый путь, т.е. решила прекратить выпуск журнала. Кабе касаясь истории «Фратерните», несколько иначе излагал причины, приведшие к прекращению его издания в марте 1843 г. Прежде всего следует отменить что Кабе, писавший в 1845 г., говорит не о двух журналах, издававшихся под этим названием, как это обычно делают, т.е. о «Фратерните» 1841–1843 гг. и «Фратерните» 1845 г., а о трех «Фратерните»: 1841, 1842–1843 и 1845 г. По-видимому, подобная характеристика является более точной. Излагая историю создания «Фратерните», Кабе далее писал: «Эта первая "Фратерните", родившаяся в мае (1841 г. — А.И.), прекратила свое существование в октябре после шести номеров, когда восемь лиц устроили складчину, чтобы продолжить издание журнала, скрывая, однако, свои имена. Но вскоре редакторы разошлись во мнениях, в их среду проник католицизм, и в марте 1843 г., после семнадцати номеров, вторая "Фратерните" также перестала выходить в свет из-за отсутствия согласия и единства»³⁷. Итак, согласно Кабе, издание второй «Фратерните» было прекращено не из-за отъезда некоторых членов редакционной коллегии из Парижа, а из-за идейных разногласий среди редакторов журнала.

Бутон, со своей стороны, упоминая о «Фратерните», сообщает следующее: «Вскоре Лаотьер покинул "Фратерните"... После Лаотьера этот журнал был поочередно то деистическим, то материалистическим. Деистическим — в духе Шарля Теста, когда во главе стоял Баллон, затем материалистическим при Бриже, затем снова стал религиозным при Савари и своих прежних редакторах»³⁸. Последняя фраза о Савари относится уже к «Фратерните 1845 г.». Говоря о Баллоне, Бутон указывает, что он пришел к коммунизму еще в 1839 г., и пишет далее следующее: «Передовые идеи, которые он исповедовал, дали ему возможность принять участие в 1840 г. (опечатка, должно быть 1841 г. — А.И.) после Лаотьера в редактировании социалистического журнала "Фратерните", который мужественно поддерживали вместе с ним Шарассен и Пьер Мартен»³⁹. В другом месте Бутон заявляет: «Те, кто завладел "Фратерните" под руководством Брижа, зашли в тупик, куда их загнали люди Бюше и журнала "Ателье". "Фратерните" вынуждена была притихнуть»⁴⁰. Итак, по словам Бутона, в «Фратерните» 1842–1843 гг. сперва руководящую роль играл Баллон, разделявший деистическое мировоззрение, а затем Бриж, бывший материалистом. Нельзя, однако, понимать слова Бутона в том смысле, что в эти годы в «Фратерните» произошла какая-то смена редакции. Мы знаем, что за все полтора года после ухода Лаотьера редакция журнала состояла из одних и тех же восьми лиц.

Следовательно, речь могла идти лишь о том, что вначале главенствующую роль среди них играл Баллон, а затем Бриж.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные дают возможность установить личность пяти или даже семи лиц из числа восьми редакторов

«Фратерните». Кроме Брижа и Баллона, в их число, несомненно, входили Пино, Вуазон и Гийар, последовательно подписывавшие журнал как ответственные издатели. Если точны сведения Бутона, то в редактировании журнала принимали также участие Шарассен и Пьер Мартен.

О некоторых из этих лиц нам придется говорить в дальнейшем. Кто такой был Бриж, мы уже знаем. Здесь следует сказать несколько слов об Артуре Баллоне, который, наряду с Брижем, играл, видимо, руководящую роль в новой редакции «Фратерните». Говоря о нем и его участии в издании этого журнала, Бутон продолжает: «В период публикации журнала Баллон составил краткое изложение книги Буонарроти под названием "Политическая и социальная система равных"... Именно по его изложению можно лучше всего оценить коммунизм, избавленный от бесконечных словесных нагромождений, в которых другие главы секты топят систему... Баллон является также автором биографии Буонарроти»⁴¹. Написанная Баллоном биография Буонарроти, по-видимому, не сохранилась, но в Национальной библиотеке имеется составленное им краткое изложение «Заговора во имя равенства» под названием «Политическая и социальная система равных», в 1842 г.⁴² Сам текст книги состоит из основного раздела «Анализ системы» (13-53), систематического изложения воззрений «равных», составленного на основе как текста книги Буонарроти, так и опубликованных в приложении к ней материалов, в первую очередь «экономического декрета». Далее следует ответ Бабефа на статью Антонеллы (68-92). Книгу завершает раздел под названием «О возможности осуществить эту систему», составленный опять-таки на основе текста книги Буонарроти.

Но Баллон, публикуя «Политическую и социальную систему равных», не ограничился только отдельными примечаниями. Он написал и введение под названием «Предварительное изложение» (3–12). Многочисленные писатели, указывал он, превозносили существующий общественный строй, основанный на неравенстве, на неограниченной свободе промышленной деятельности и сделок. «Во всех социальных системах этого рода подавляющее большинство граждан, постоянно закабаленных тяжелым трудом, осуждены изнемогать в нужде, невежестве, рабстве. Большое число наемных тружеников и малое число нанимателей неизбежно обуславливают нужду первых». Этому строю эгоизма или аристократии издавна противопоставлялся иной общественный строй, который защищали и Платон, и Ликург, и Христос, и Томас Мор, и Мабли. За установление этого строя и боролись участники «заговора равных». Они Пришли к убеждению, что в основе общественных неурядиц лежит частная собственность. История революции убедила их, «что вся политика аристократов заключалась в том, чтобы разорять, разделять, запугивать и угнетать трудящийся класс». Необходимо было устранить общественное неравенство. Некоторые, вроде Амара, предлагали в этих целях обложение налогами богатых и реквизиции. Другие предлагали раздел земель, законы против роскоши и прогрессивный налог. Но «равные» видели выход лишь в

установлении общности имуществ и труда. Тайная директория, подготовлявшая восстание, разработала основные принципы нового общественного строя и наметила необходимые для его установления переходные мероприятия.

Итак, Валлон, подобно Брижу, стоял на позициях революционного коммунизма. Его разногласия с Брижем касались общеполитических вопросов, связанных с обоснованием и пропагандой коммунистических идей. Он был деистом, или «спиритуалистом», как тогда выражались (недаром в числе провозвестников идеала общности он упоминал и Христа), в то время как Бриж был материалистом. Разногласия в новой редакционной коллегии «Фратерните» шли, таким образом, только по этой линии.

Это, по существу, признает и Бутон. «Журнал "Фратерните", — пишет он, — перешедший из рук Лаотьера в руки нескольких последователей Буонарроти... изложил резюме (коммунистической. — А.И.) доктрины, которую он очистил от преувеличений, характерных для эпохи Бабефа». «Изложение этой системы, — утверждает Бутон, — занимало умы в течение целого года. Имели место своего рода совещания, на которых присутствовало менее 20 лиц, где происходили оживленные дискуссии». Далее Бутон очень подробно излагает итоги этих коллективных обсуждений. Индивидуальная собственность, являясь не естественным, а гражданским законом, может быть упразднена. Собственность на все имущества, находящиеся на национальной территории, принадлежит народу в целом. Вместо права собственности каждый человек имеет право на существование, одинаково благополучное для всех членов общества. Труд является общим и обязательным для всех. Наиважнейшие занятия те, которые обеспечивают продукты питания, одежду и жилища. Люди не могут одновременно заниматься различными работами. Поэтому необходимо распределять их по сериям, каждой из которой поручен определенный вид труда согласно потребностям общества. Продолжительность труда должна быть определена законом, причем должна поощряться наивозможно большая активность. Труд людей будет облегчен изобретением новых машин и усовершенствованием прежних. Вся сельскохозяйственная и промышленная продукция поступает в общественные магазины, откуда она равномерно распределяется между гражданами. Верховная магистратура с помощью своих агентов осуществляет это распределение, перебрасывая отдельные продукты из одних районов в другие. Коммерческие связи с другими странами являются прерогативой республики в целом. Таким образом, при строе общности вся собственность принадлежит ей, а граждане имеют лишь право пользования; Заодних не приводит к порабощению других; Упраздняются роскошь и безделье. По мере развития этого нового общественного строя постепенно исчезают большие города, являющиеся в настоящее время центрами испорченности, страна покрывается большими поселениями, расположенными в удобных местах и связанными друг с другом каналами и железными дорогами. При эгалитарной системе не будет больше замков, но будут хотя и простые,

но удобные, чистые и приятные жилища, простая, но хорошая мебель и одежда. Свободное от продуктивного труда время используется для занятия физическими упражнениями, для умственного развития, для обучения молодежи, для публичных игр, для усовершенствования полезных искусств и т.п. Государству необходима постоянная законодательная власть, и она должна принадлежать народу в целом. Народ осуществляет эту власть путем публичных собраний, в которых принимают участие все совершеннолетние. Имеется четыре рода собраний. Первое занимается обсуждением текущих вопросов, второе рассматривает военные проблемы, третье ведает вопросами обучения и образования, четвертое организует народные празднества, народные игры и спектакли, отмечает годовщины знаменательных событий. В каждом округе республики также созывается общее собрание граждан и имеется сенат из пожилых людей. Наконец, существует центральное законодательное собрание, состоящее из избранных народом делегатов, разрабатывающее законы и контролирующее деятельность правительства. Следует при этом учитывать, что парод без частной собственности и, следовательно, без порождаемых ею пороков и преступлений, без торговли, без налогов, без финансов, без гражданских процессов и без бедности нуждается лишь в очень небольшом числе законов. Во главе исполнительной власти стоит исполнительный совет, которому подчиняются различные должностные лица, руководящие, в частности, организацией производства и распределения. Образование является национальным, всеобщим и равным. Дети сперва воспитываются матерями, а затем в национальных школах. Девочек также заставляют заниматься тяжелым трудом, чтобы их закалить и ослабить их склонность к кокетству. Печатное слово играет большую роль в деле просвещения народа. Но никто не имеет права выражать мнения, противоречащие принципам равенства и суверенитета народа. Нельзя надеяться установить равенство на следующий же день после революции: оно может быть установлено лишь постепенно. Собственность национальной общины должна на первых порах состоять из национальных имуществ, имущества врагов революции, коммунальных и благотворительных имуществ, из жилищ богачей, из имуществ лиц, обогатившихся на общественных должностях. Должны быть аннулированы все деньги, а право наследования отменено⁴³.

Таковы были, если верить Бутону, итоги обсуждения «доктрины» на специальных совещаниях, имевших место в период, когда после ухода Лаотьера «Фратерните» перешла в руки «нескольких последователей Буонарроти». Действительно, документ, приводимый Бутоном, носит ярко выраженный бабувистский характер. Установление строя общности в нем связывается с революцией, причем предусматриваются характерные для бабувистского учения переходные мероприятия: создание национальной общины на базе имеющихся общественных имуществ и собственности, конфискованной у врагов революции, отмена права наследования и т.п. Сам коммунистический строй будущего носит явные черты свойственной бабувизму грубой уравнительности: упразднение любой «роскоши»,

простая одежда, простая мебель, простые жилища, вплоть до искоренения кокетства среди женщин. Конечно, в условиях XIX в. большое значение уделялось техническому прогрессу, развитию машинного производства и сети железных дорог. Но это не меняет бабуистской сути приводимой Бутоном «доктрины». Она лишь еще раз подтверждает, что в составе редакции «Фратерните» преобладали теперь сторонники революционного коммунизма. Среди них были и деисты и материалисты, что и приводило к острым между ними разногласиям. Отголоски этих двойственных настроений мы находим и в документе, приводимом Бутоном. Там, с одной стороны, предусматривается провозглашение бессмертия души и культа Верховного существа, а с другой — объявляется запрет на устную или печатную проповедь любых «откровений», т.е. религиозных учений.

Мы не намерены рассматривать здесь подробно семнадцать номеров «Фратерните», изданных после ухода Лаотьера с ноября 1841 г. по март 1843 г. его новой редакционной коллегией. Мы не намерены, в частности, анализировать его различные, подчас противоречивые высказывания, связанные с «спиритуалистическими» или материалистическими концепциями. Нет необходимости также подробно пересказывать его статьи, посвященные пропаганде общих принципов коммунизма, поскольку они не содержат ничего существенно нового. Мы хотим лишь, исходя из нашей темы, коснуться некоторых идеи революционного коммунизма, которые мы можем найти на страницах «второго» «Фратерните» после вхождения в состав его редакции ряда сторонников революционного мировоззрения.

С этой точки зрения большой интерес представляет статья «Необходимость переходного режима до установления Общности», опубликованная в январском номере 1842 г.⁴⁴ Статья так формулирует главную проблему грядущей революции: «К числу вопросов, столь основных, что сторонники коммунистической доктрины должны их глубоко рассмотреть и найти их решение, относится следующий: в случае если благодаря какому-нибудь событию — произойдет ли это завтра или через двадцать лет — революция передаст власть в руки демократии, нужно ли будет требовать немедленного установления общественного строя, основанного на Общности». Большая часть коммунистов отвечают на этот вопрос отрицательно. Имеются, однако, и сторонники противоположного мнения. Они считают, что без общности нельзя исцелить все страдания, обеспечить все интересы. Все это, конечно, правильно, по тем не менее нельзя согласиться с требованием о немедленном установлении общности. Для этого люди должны быть соответствующим образом подготовлены, и нужно прежде преодолеть целый ряд трудностей. Одно дело — сменить правительство, другое дело — установить общность. Этого нельзя сделать без активного содействия подавляющего большинства народа. Если взглянуть на сегодняшнюю Францию, которую надлежит превратить в коммунистическое общество, то вряд ли можно надеяться на внезапную метаморфозу. Большинство французов, согбенных под игом оупляющего труда, но имеют даже

представления о своих правах, верят во всякую ерунду, которую им внушают префект и кюре, и боятся этих новшеств, начиная с метрической системы и кончая прививкой от оспы. Сейчас нельзя даже похвалить Конвент, самую лучшую и полезную власть, чья деятельность достойна вечного восхищения и признания со стороны народа; одиозно даже имя Робеспьера, который вместе со своими коллегами спас Францию. Народ более или менее пассивно терпел и Консульство, и Империю и обе Реставрации, а теперь терпит политическую систему, при которой двести тысяч имущих избирателей навязывают ему законодателей. Конечно, ни одна нация не обладает таким энтузиазмом и таким рвением, как французская, но одного энтузиазма недостаточно. Нельзя забывать уроков июльской революции 1830 г. и восстаний 1832, 1834 и 1839 гг. «Признаем же, что стремиться ускорить установление Общности было бы весьма неосторожным поступком, в котором не должны быть повинны ее добросовестные сторонники; не нужно забывать, что неудача... будет почти неизбежной, если мы будем настаивать на осуществлении нашей доктрины сразу же после победы над деспотизмом и коррупцией. Да, опыт демократического правления должен предшествовать установлению Общности». Коммунисты должны неустанно пропагандировать свои принципы, выдвигать некоторые непосредственные требования, например суверенитет народа, единое образование, ограничение продолжительности рабочего дня. Коммунисты должны быть заинтересованы, чтобы революция не была преждевременной, была бы тщательно и своевременно подготовлена, дабы не могло быть попятного движения. Они должны убедить и демократов, что нетайная деятельность обществ, организованных для борьбы, не имеет никакого шанса на успех. Проповедуя свое учение, коммунисты должны настолько усилить свое влияние, чтобы в случае надобности, т.е. революции, облечь властью своих единомышленников или лиц, наиболее близких к их мировоззрению. «Переходный режим, однажды установленный, сможет лишь смягчить бедствия народа, но не излечить их. Коммунисты тем не менее должны поддержать его, так как он установит демократические принципы и тем самым неизбежно подготовит торжество общности. Народ научится пользоваться своим суверенитетом... народный разум под непрерывным воздействием прессы и устного слова получит желательное развитие; общественные и частные нравы преобразятся. И так как все равно будут иметься несчастные, и так как общественное положение в целом еще далеко не будет столь удовлетворительным, как оно могло бы быть, народ сам сделает последний шаг, который приведет его к Общности, и ее торжество не будет подлежать сомнению».

В апрельском номере 1842 г. «О власти»^{**} выдвигаю следующие положения. Власть всегда должна существовать но, разумеется, не та власть, которая существует в настоящее время. «Народу нечего опасаться власти, которую он может лишить ее полномочий, как только эта власть перестанет пользоваться его доверием. Мы, коммунисты, стремящиеся к новой политической и социальной организации... должны предоставить широкое поле деятельности для власти, но при условии ее

серьезной ответственности, и нам надлежит хорошо помнить, что самой свободной нацией является отнюдь не та, где масса является всем, а власть ничем».

В том же номере помещена и другая очень интересная статья, озаглавленная «О лучшем способе пропаганды коммунистической доктрины»⁴⁶. Из этой статьи мы узнаем прежде всего следующий немаловажный факт. Оказывается, за подписью «рационалисты» в 1842 г. распространялись публикации, как за год до этого — листовки за подписью «друзья народа», исходившие от тайных обществ. Об одном из таких «анонимных памфлетов» и идет речь в упомянутой статье. В нем содержалось утверждение, что пропаганда коммунистических идей с помощью легальных журналов является несвоевременной. В настоящее время, когда идеи равенства еще сравнительно мало распространены, когда правительство препятствует их распространению и когда для их пропаганды приходится преподносить их в завуалированной форме, предпочтительнее распространять их нелегально, не подвергаясь судебным преследованиям. Далее приводился пример различных публиковавшихся до этого органов коммунистической прессы, а в отношении «Фратерните» утверждалось следующее: «"Фратерните" перешла в другие руки, и новые редакторы уже поняли, что совершили ошибку, и хотели бы, чтобы они не начинали этого», т.е. не издавали бы этот журнал. Автор статьи от имени редакции решительно выступал против этого утверждения. Он указывал, что «Фратерните» начал издаваться тогда, когда против идей коммунизма была развернута яростная кампания. «Коммунизм изображался в пародийном виде, его сторонники были злобно оклеветаны: явной целью его ярых врагов было использовать все средства, лживые интерпретации, ложные обвинения, чтобы его задушить... Мы начали четкое и ясное изложение коммунистической системы так, как мы ее понимаем... Мы будем продолжать это, если даже нам будут снова угрожать; и если даже направление нашей газеты будет вменено нам в вину на суде присяжных, мы с удвоенной энергией будем защищать шаг за шагом священное право мужественного и убежденного человека открыто обсуждать социальную теорию, в которую он верит». Коммунистическая пропаганда должна вестись именно публично, и ее не могут заменить подпольные издания, распространение которых связано с огромным риском и которые компрометируют тех, кто их получает, поскольку обладание подпольным изданием само по себе рассматривается властями как преступление. В этой связи в статье высказывались следующие соображения о роли тайных обществ и легальной пропаганды и об их взаимосвязи. «Тайные общества также полезны: они существовали во все времена и будут существовать, очевидно, пока человек будет бороться за те или иные права; но мы совершенно иначе, чем автор памфлета, понимаем основную суть их деятельности. Когда при Реставрации карбонарии были тайно объединены, их усилия прежде всего сосредоточивались не на том, чтобы дать понять, что власть того времени была ненавистной, а на подготовке восстания, на вербовке людей, на которых можно было бы

положиться для свержения этой власти. Дело в том, что тайная ассоциация действительно очень подходит для того, чтобы замыслить действие, чтобы содействовать вспышке восстания среди нации, подготовленной к этому; но она гораздо менее пригодна, чтобы распространять неизвестную до этого доктрину. Как можно помышлять требовать от страны реализации теории, которая до этого никогда не была ни обнародована, ни открыто обсуждена и которая была внезапно извлечена из тайников секретных обществ! Признаем же, что, поскольку обсуждение коммунистических идей в прессе является в настоящее время реальным фактом, все сторонники этих идей должны публично их защищать и их разъяснять».

В майском номере 1842 г. в статье «Нравственность коммунистической доктрины»⁴⁷ читаем: «Принимая славное наследие наших отцов и желая его развивать, мы принадлежим в самом широком смысле слова к демократической, эгалитарной и философско-революционной школе. Мы верим в прогресс, в скорое торжество Демократии, в ее постепенное и поступательное развитие, ведущее к всеобщему применению великих принципов Свободы, Равенства и Братства. Так, для нас суверенитет народа является по сути дела коммунистической догмой, способом организации общности, и лишь он один может дать возможность осуществить ее полностью и искренне».

В другой статье, опубликованной в том же номере, «Цивилизация prepares торжество Общности»⁴⁸, проводилась мысль, что развитие общества происходит посредством революций. Несправедливость и порочность общественных установлений порождает недовольство и сопротивление. Народ ропщет, стремится сбросить нестерпимое иго, борется, чтобы завоевать независимость и получить свою долю жизненных благ, а это приводит к революциям, устанавливающим несколько большее гражданское, политическое и социальное равенство. Именно такую роль сыграла Французская революция. «Заклучим же из всего сказанного, что общества тем дальше находятся от Общности, чем ближе они к своей колыбели; что каждый шаг цивилизации является продвижением к осуществлению этого социального порядка и что цивилизованные народы... обладают всеми необходимыми данными для установления Общности».

В статье «О науках и искусствах» в июньском номере 1842 г.⁴⁹ говорилось, что неправы те, кто считает, что в коммунистическом обществе необходимо упразднить науки и искусства, дабы не возродилось общественное неравенство. «Признаем же, что науки и искусства не только не были вредны обществу, но, наоборот, были одним из наиболее активных факторов прогресса и цивилизации и являются одной из главных баз грядущего социального строя».

В сентябрьском номере журнала была помещена статья «Следствия политического безразличия»⁵⁰, в которой содержался призыв к народу, к рабочим активно включиться в политическую борьбу. «Если народы хотят, чтобы был положен конец состоянию нужды и политического илотизма, в котором они пребывают, они должны... искать решение

больших социальных проблем, от которых зависит будущее человечества; особенно пусть они пренебрегают коварными советами тех людей, которые приходят под лживой маской друзей рабочих советовать им не заниматься политикой».

К приведенным выше выдержкам из статей «Фратерните» можно добавить следующее. В ряде номеров журнала было помещено набранное крупным шрифтом объявление: «В конторе "Фратерните" имеется в продаже "Социальная и политическая система равных"». Действительно, работа Баллона распространялась именно этим журналом, членом редакционной коллегии которого он являлся, что видно и из соответствующего упоминания на титульном листе этой книги. Мы уже знаем также, что в последнем номере «Фратерните» была помещена реклама только что вышедшего «плана образцовой коммуны» Велликюса с объяснительным текстом другого члена редакционной коллегии журнала, Брижа. Наконец, необходимо также отметить, что в июньском номере 1842 г. помещено объявление и о «Кодексе общности» Дезами⁵¹.

Итак, совершенно несомненно, что на страницах «второго» «Фратерните» находили уже откровенное выражение идеи революционного коммунизма. Открыто говорилось о грядущей демократической революции, которая одна лишь могла создать необходимые предпосылки для установления нового общественного строя. Именно поэтому журнал призывал народ, рабочих не стоять в стороне от политики, а активно включиться в политическую борьбу. Коммунисты должны не только принять активное участие в революции, но и стремиться ввести в состав нового, демократического правительства возможно большее число своих единомышленников, потому что и после революции власть, как таковая, не должна быть упразднена, а, наоборот, необходима новая сильная власть. Поскольку Общность не может быть установлена немедленно после революции, коммунисты на первых порах должны бороться за осуществление некоторых непосредственных требований, вроде ограничения продолжительности рабочего дня, всеобщего образования, суверенитета народа. Но в конечном счете торжество народного суверенитета народной власти неизбежно приведет к установлению нового, коммунистического общественного строя. Очень интересно отношение журнала к деятельности тайных обществ. Если в статье «Необходимость переходного режима для установления Общности» их полезность как будто подвергалась сомнению, то в статье «О лучшем способе пропаганды коммунистической доктрины» подробно рассматривался вопрос о сочетании легальной и нелегальной деятельности в целях подготовки революции. Легальная пропаганда коммунистической доктрины, в частности посредством коммунистической печати, совершенно необходима. Но тайные общества также полезны и необходимы, так как именно они должны вести непосредственную подготовку к восстанию. В этой статье, носившей своего рода программный характер, нашли свое наиболее яркое выражение взгляды и политические установки новой редакционной коллегии «Фратерните», пропагандировавшей революционно-коммунистические идеи не только на

страницах журнала, но и путем распространения книги Баллона и рекламы таких публикаций, как «План образцовой коммуны» Велликюса и «Кодекс общности» Дезами.

III

Когда в июне 1842 г. Дезами опубликовал свою брошюру против Кабе, вышли в свет всего девять выпусков «Кодекса общности». Однако вскоре издание этого произведения было завершено. Поэтому, хотя на некоторых его экземплярах на титульном листе стоит дата «Париж 1843», но фактически эта работа была опубликована еженедельными выпусками еще в 1842 г.

«Кодекс общности», безусловно, основное теоретическое произведение Дезами; в нем в завершенном виде изложена его общественная система, которую, по его словам, он разрабатывал в течение четырех лет. По чтобы понять ее зарождение и ее суть, необходимо обратиться к его первой работе, опубликованной еще в 1839 г. Она составлена в форме ответа на вопрос, предложенный Академией моральных и политических наук: «Нации более практической в знаниях и просвещении, чем в практической морали. Выяснить причины этого различия в их прогрессе и указать средства для его преодоления»⁵². Работа эта свидетельствует, что уже в то время Дезами стоял на коммунистических позициях. «О вы, несчастные пролетарии, несчастные жертвы варварской цивилизации! — восклицал он. — О вы, которые заблуждаетесь, следуя по стопам Бюше и Ру, Фурье и Сен-Симона... вернитесь в лоно эгалитарной церкви, вне которой нет спасения»⁵³. При этом он совершенно недвусмысленно указывал, кого он считает основоположниками теории общности. «Я не боюсь многократно повторять, что нужно прежде всего изменить социальную среду, и я не знаю никого, кто лучше проложил для нас дорогу к этому, чем Роберт Оуэн и Филипп Буонарроти». И тут же в примечании он писал: «Система Фурье также заслуживает внимания социалиста, но к ней нужен дифференцированный подход. Я того мнения, что ее следует расчленить и, приняв все то, что имеет отношение к экономической стороне, провозгласить полностью эгалитарное социальное учение. Но избрать в качестве главной опоры фаланстера аристократию и привилегии — значит странным образом неправильно судить о человеческом сердце и подорвать дело в самой его основе»⁵⁴. В первом номере «Эгалитера», в статье о современных общественных течениях, особо выделялась «система Бабефа и Оуэна, или общности», причем в примечании указывалось: «Обычно называют Бабефа и Оуэна, потому что они были первыми, кто пытался осуществить эту теорию»⁵⁵.

Итак, с самого начала Дезами отождествлял теорию общности не только с бабуизмом, но и с оуэнизмом. Если в 30-х годах XIX столетия коммунистическая мысль во Франции развивалась параллельно двумя путями — путем распространения идей бабуизма и путем распространения идей оуэнизма, то Дезами первым попытался объединить эти два направления коммунистической мысли. Революционные традиции и коммунистические идеалы бабуизма он

синтезировал с проектом коммунистического общества, построенного на принципах общинного коммунизма Оуэна. Но при описании коммун, составляющих основу будущего коммунистического общества, он использовал некоторые идеи Фурье и его терминологию. В этом Дезами не был оригинален. Для французских оуэнистов как раз и было характерно стремление почерпнуть из фурьеристского учения, из детального описания Фурье фаланг и фаланстеров все то, что не противоречило идеалам коммунистического равенства⁵⁶. Таким образом, учение Дезами — синтез бабуизма и оуэнизма в его французском варианте.

Такова основа «системы», подробно развитой Дезами в его главном произведении — «Кодекс общности»⁵⁷. «Кодекс общности» состоит из двух десятков глав, посвященных самым различным сюжетам. Но суть «системы» Дезами изложена в «кратком резюме органической части этой книги», где в виде отдельных пунктов сформулированы основные ее положения (431—440). Важнейшие из них нижеследующие: «Мир разделен на коммуны, территории которых должны быть наиболее равными, наиболее правильными, возможно более объединенными. Все коммуны связываются между собой так, чтобы образовать сначала первый центр управления, называемый национальной общностью, затем второй, называемый всечеловеческой общностью... При строе общности существует одно-единственное владение... Центральное управление владением будет следить с большой заботливостью за тем, чтобы все коммуны постоянно имели равное изобилие. Все продукты, все богатства коммуны будут находиться в распоряжении всех. Каждый может широко и вполне свободно на всем протяжении владения черпать из него то, в чем он нуждается, т.е. необходимое, полезное и приятное. Все работы, имеющие целью общественную пользу, являются общественными обязанностями. Коммуна объявляет их одинаково почетными... Работы будут производиться в общих мастерских по способу разделения труда. При строе общности будут непрерывно совершенствовать машины и изобретать новые, с тем чтобы сократить тяжелый труд и все более и более облегчить его, оздоровить, сделать привлекательным... Подобные же мероприятия будут предприняты и в отношении полевых работ... Раздробленное хозяйство заменяется общим хозяйством. Каждая коммуна имеет только одну-единственную кухню. Еда, работа, обучение, игры происходят вместе. Каждый взрослый человек (женщина или мужчина) имеет отдельное жилище. Дети будут спать в общих дортуарах... Между обоими полами будет полное равенство. Никакие другие узы, кроме взаимной любви, не смогут связывать друг с другом мужчину и женщину... Коммуна образует только одну-единственную семью, одно-единственное хозяйство. Она будет в равной мере непрерывно заботиться о всех своих членах... Воспитание будет общим, равным, последовательным, производственным и сельскохозяйственным... В каждой коммуне будет политическая ассамблея для управления действиями, входящими в круг ведения коммуны. Каждая нация будет иметь ассамблею для управления

действиями, входящими в круг ведения всей нации. Наконец, большой общечеловеческий конгресс будет управлять общими действиями на всем земном шаре... По всей земле будут созданы промышленные армии для проведения огромных работ по обработке почвы, по лесонасаждению, повсеместной ирригации, по проведению каналов, железных дорог, запружению потоков и рек и т.д. и т.п.».

Полагая, что и слишком маленькая, и слишком большая община имеют свои неудобства, Дезами считает, что каждая коммуна должна состоять примерно из десяти тысяч человек (117—118). В «Кодексе общности» самым детальным образом описывается эта основная ячейка нового коммунистического общества, план которой приложен к книге. Нет надобности подробно останавливаться на этом описании, на дворце коммуны, где проживают ее члены, на его жилых помещениях, столовых для общих трапез, различного рода залах, музеях, клубах, на окружающих этот дворец сельскохозяйственных угодьях, фруктовых садах, огородах, парках, на крытых улицах-галереях и т.п. Все это не представляет, по существу, ничего оригинального, и Дезами выступает здесь как типичный утопист. Скажем лишь, что он подчас впадает в явные противоречия. Так, с одной стороны, он, полемизируя с Руссо, превозносит науку и изящные искусства, считая, что они не только будут существовать в коммунистическом обществе, но и станут общим достоянием (356); он решительно выступает против примитивной уравнительности, ликвидации всякой роскоши и изысканности, считая, что коммуна должна обеспечить всем не только необходимое и полезное, но и приятное, заявляя даже, что «никому, без сомнения, не придет голову, что коммунисты будут вынуждены устранить из обихода все то, что действительно служит украшением — драгоценности, цветы, духи». С другой стороны, он предусматривает, например, «одинаковую одежду» для членов коммуны, правда «с различием форм и цветов» (142—143). Следует также отметить, что, заимствуя у Фурье идею промышленных армий для осуществления крупных общественных работ, он, следуя его примеру, впадает в явные фантазии относительно преобразования земного климата, предотвращения землетрясений и других стихийных бедствий и т.п. Наконец, нельзя не указать и на то, что, говоря о «режиме переходного периода», он фактически не предусматривает никаких переходных мероприятий в собственном смысле этого слова, а требует сразу же ликвидировать собственность и деньги, «сконцентрировать и централизовать в общественных магазинах все богатства, все продукты, организовать общие трапезы», лишь не упраздняя немедленно крупные города до организации соответствующих коммун (458—474). Справедливость требует сказать, что в этом вопросе Дезами стоит ниже не только бабуистов с их планом создания национальной коммуны наряду с временным сохранением частных хозяйств, но и критикуемого им Кабе, проявлявшего гораздо больший реализм. В философских вопросах Дезами защищал позиции материализма, основные принципы которого он излагает и на страницах «Кодекса природы» (421—431). В этом, несомненно, сильная сторона его

системы. Но его материализм был, разумеется, метафизическим материализмом XVIII в. В обосновании же своего коммунистического идеала Дезами был таким же рационалистом, как и другие предшествующие и современные ему утописты. «Повторяю, — писал он, ссылаясь на свои прежние произведения, — мой критерий, мое достоверное правило — это наука о человеческом организме, иными словами — знание человеческих потребностей, способностей и страстей» (78). Именно «природа человека» служит ему основным аргументом во всех его рассуждениях о преимуществах коммунистического общественного строя. Социальное равенство и абсолютная общность — это, по его мнению, вечные законы природы и равенства (90). Столь же неоригинален Дезами и в своих ссылках на исторические примеры различного рода коммунистических обществ и общин. Это традиционные примеры (в подавляющем большинстве случаев, разумеется, неправильные), приводимые всеми коммунистическими идеологами начиная с XVIII в. Это и первоначальные христианские общины, и ессеи, и альбигойцы, и анабаптисты, и гуситы, и квакеры; это и общественный строй Крита и Спарты, древних германцев и американских индейцев, это и иезуитское государство в Парагвае, это и знаменитые моравские общины. К числу коммунистов он причисляет, наряду с Мором, Кампанеллой, Морелли, Мабли, также Пифагора, Моисея, Миноса, Ликурга, Платона, Иисуса. Фенелона, Гельвеция, Руссо и многих других (451—452). Почему же, несмотря на все это, «Кодекс общности» является одним из самых выдающихся произведений утопического коммунизма XIX столетия? Это объясняется двумя обстоятельствами: тем, что в центре внимания Дезами постоянно находится пролетариат, и тем, что установление коммунистического строя он недвусмысленно связывает с грядущей социальной революцией. Конечно, термин «пролетариат» он понимает в весьма широком смысле. «Государство, — указывает он, — в равной степени состоит из имущих, и из пролетариев, из нанимателей и наемных рабочих...» (392). Характеризуя положение человека труда, «пролетария», при современном «промышленном режиме», он пишет: «Грязный, зловонный, открытый ветрам длинный коридор, ворох грязной, гнилой соломы — вот где в XIX столетии людям труда приходится отдыхать от жесточайшей усталости и дожидаться, когда настанет их черед вновь начать свой убийственный подневольный труд! Пока они в состоянии держаться на ногах, они все работают и работают и изнашиваются от труда так же, как машины, с которыми они имеют дело; и когда в конце концов их силы иссякли от чрезмерного труда и от болезней, когда их члены изувечены в результате одного из тех несчастных случаев, увы, столь многочисленных, и т.д. и т.п., филантропия их хозяев сводится к тому, что они облагают себя иной раз налогом в пользу бедных, чтобы бросить их в мрачные больницы для бедняков или в дома призрения нищих, которые для этих несчастных жертв служат как бы входом в новую свалку!.. До чего все это гнусно и ужасно! Страшно смотреть, страшно подумать! И когда уму становится непостижимой такая гнусность, разве не появляется желание обрести сто

миллионов голосов, чтобы постоянно кричать, обращаясь к этой варварской цивилизации: проклятие и еще раз проклятие!!!» 150, 152). Чиновники также, подобно вампирам, впиваются в государственную казну, «каплю за каплей высасывают из нее пот и кровь неимущего пролетария») (168). «Какой прок пролетарию от того, что наши роскошные магазины завалены самыми элегантными, самыми великолепными одеждами, когда ему нечего надеть? Какое ему дело до того, что урожаи обильны, раз цена на съестные припасы не снижается, что подвалы и погреба собственника, что склады стали слишком тесными, если он осужден на то, чтобы пить лишь одну воду?» (196). «У пролетариата меньше уверенности в средствах для своего существования, чем у дикаря, у него больше забот о завтрашнем дне, чем у дикаря. Его ограниченное образование служит ему лишь для того, чтобы оценить свои несчастья, увеличить силу своего воображения» (360).

Освобождение пролетариата может принести лишь новая, социальная революция. Французская революция сыграла в свое время большую историческую роль, но она окончилась неудачей, так как не смогла довести дело до конца, установить наряду с политическим равенством и равенство социальное. Величественная, полная энтузиазма революция 1793 г. потерпела крах, так как реформаторы того времени «не сумели решительно запечатлеть и закрепить в первых же законах своей республиканской конституции нерушимую догму равенства, действительного и совершенного равенства») (368). «Преобразовательные усилия пролетариата и пуританской части Конвента были парализованы; на каждом шагу французская революция встречала препятствия и подвергалась нападкам; она наконец была приостановлена в своем восходящем шествии. Почему? Потому, что она не посмела вырвать самые опасные корни дерева феодализма и монополии... потому, что если Конституция II года провозгласила политическое единство, то для построения здания равенства недоставало еще социального единства» (391—392); «если бы вместо стольких насильственных, хлопотливых, беспокойных мероприятий, опасных почти для всех, правительство 93 года осмелилось открыто поднять знамя коммунизма, организовать повсюду общие мастерские, поставить повсюду общие столы... у революции, несомненно, было бы совершенно другой исход» (462-463).

В настоящее время слышны призывы вести борьбу за всеобщее избирательное право. Но оно неспособно изменить положение пролетариата. «Некоторые лица утверждают, что аристократия погибнет, если будет введено всеобщее избирательное право. Разве аристократия, обладая властью, не имеет тысячу средств отнять одной рукой то, что она дает другой?» «Честно говоря, где найти более убедительное доказательство всей ненормальности и обмана, которые кроются в этом странном спаривании политического права и социального рабства!» «Что произошло бы в самой Франции после декретирования всеобщего избирательного права? Тотчас же закутанные в якобинские плащи, переодетые Брутами интриганы кучами повалили бы на форум. Там они будут на стороне пролетариев, расточая им самые соблазнительные

обещания. Многие ли из этих лицемерных друзей будут выдвинуты в депутаты? Этого можно опасаться, потому что, во-первых, почти одни они находятся на виду, одни они достаточно богаты для того, чтобы взять на себя издержки на представительство; во-вторых, у народа нет ни достаточного образования, ни времени, чтобы разыскивать в толпе своих истинных друзей; в-третьих, он еще раб голода» (415–416).

Рисуя эту реалистическую картину, как бы предвосхищавшую историческую действительность 1848 г., Дезами приходит к следующему заключению: «Пусть враги коммунизма борются между собой за господство... Но если пролетарии, если друзья равенства приняли бы участие в этой борьбе, если бы они исчерпали свою энергию для какой-либо из соперничающих когорт, безразлично для какой, хотя бы то была когорта наших радикалов, ведущих исключительно политическую борьбу, — это было бы в моих глазах очевидным доказательством того, что они плохо понимают свои истинные интересы» (407). «Но говорят, что политическая реформа, в свою очередь, является средством реформировать устройство общества. На это я отвечаю: это возможно, когда народ делает революцию и когда он получает для нее сильный импульс; но и в таком случае победа пролетариата весьма сомнительна» (413).

Мысль Дезами совершенно ясна. Общественное переустройство возможно лишь в результате такой революции, в которой победу одержит пролетариат. А такая социальная революция и стоит в порядке дня. Среди пролетариата царит брожение, он не хочет больше мириться с существующим положением. «Я чувствую, — провозглашает Дезами, — приближение бури и уже слышу, как трещит до основания ветхое здание...» Проблема переустройства общества близка к разрешению. «Свидетельством тому является великое и прекрасное интеллектуальное кипение, которым в настоящее время охвачены народные массы» (75). Описывая тяжелое положение пролетариата, он восклицает: «Можно ли удивляться после этого, что столько уязвленных сердец изливают проклятие на социальный порядок, который словно находит удовольствие в том, чтобы обходиться с ними, как с отверженными; что иной раз даже эти несчастные (вплоть до самых робких граждан), выведенные из оцепенения нуждой и отчаянием, неистово потрясают своими тяжелыми цепями и грозно возвышают голос: жить, работая, или умереть, сражаясь» (151). «Почему вы так удивляетесь, — вопрошает он, — что пролетарии помышляют иногда противодействовать социальному порядку, обрекающему их на терзания голода и на отчаяние?» (408). «Вот почему история прославилась такой девиз: "Лучше бурная свобода, чем спокойное рабство!" (410). И он обращается к пролетариям со следующим призывом: «Пролетарии, для своего возрождения народы имеют иногда один лишь час в столетие! Когда этот час придет, остерегайтесь пропустить его в спорах и междоусобицах! Уже сейчас подумайте о том, что только изучение социальных вопросов даст вам возможность использовать его!» (417). Залогом грядущей победы социальной революции является бурный рост «народной партии». «Эта народная

партия, еще столь неуверенная и малочисленная в 1830 г., подвергавшаяся позднее стольким гонениям, до такой степени разобщенная и распыленная, что одно время ее считали уничтоженной... эта народная партия вскоре пробудилась, полная сил и жизни. Подобно сказочному великану, ей достаточно было коснуться земли подлинного равенства, чтобы восстановить свои силы! Сегодня, повторяю, она более сильна, чем когда-либо, ибо в ее руках находятся судьбы будущего, ибо, наконец, она несет действенное исцеление человеческим терзаниям» (244). Совершенно ясно, что под выражением «народная партия» Дезами понимал коммунистов, которые и должны возглавить грядущую социальную революцию. «Социальная революция» — термин самого Дезами. Говоря о «режиме переходного периода», он перечисляет мероприятия, которые должно осуществить «новое правительство» «на следующий день после социальной революции» (474).

В произведении Дезами, как и в произведениях других революционных коммунистов тех лет, можно, конечно, встретить заявления, что при существующем общественном строе даже праздные люди не чувствуют себя счастливыми, что в конечном счете жертвами этого «ненормального и братоубийственного порядка» являются все аристократы и привилегированные, что если они не будут больше настаивать «на опасной монополии богатств», то и они станут равноправными членами нового, коммунистического общества (см., напр., 88, 146, 473–474). Но и у Дезами подобные заявления объясняются стремлением доказать преимущество коммунистического общественного строя, способного обеспечить истинное счастье всем людям. Меньше всего он строил иллюзии о возможности мирного установления коммунистических порядков с помощью господствующих классов. Ведь недаром в своей полемике с Кабе он называл «глубоким заблуждением» мнение, «что содействие буржуазии необходимо для торжества общности». Свои общественные воззрения он сам называл «революционной философией» (257). Он мечтал о грядущей «социальной революции», осуществить которую он и призывал «пролетариев». И как раз в этом, а не в детальных, подчас фантастических и притом не всегда оригинальных описаниях коммунистического общества и заключается основное историческое значение «Кодекса общности» Дезами как произведения, ярко выражавшего идеологию французского революционного коммунизма 40-х годов XIX столетия.

В том же 1842 г. Дезами опубликовал и другую книгу под названием «Альманах общности на 1843 год, составленный различными коммунистическими писателями»⁵⁸. Что этот «Альманах...» был опубликован еще в 1842 г., параллельно с «Кодексом общности», видно не только из даты, стоящей на титульном листе. В одном из последних выпусков «Кодекса общности», посвященном ответам на возможные возражения, было помещено следующее примечание: «Несколько других возражений было опровергнуто... в "Альманахе общности"»⁵⁹. Из этого следует, что «Альманах...» вышел в свет одновременно с опубликованием последних выпусков «Кодекса общности». Как увидим

ниже, сам Дезами сообщал в одном письме, что опубликовал «Альманах общности» в декабре 1842 г.

«Альманах...», который по замыслу Дезами должен был выходить ежегодно, не принадлежал исключительно его перу. Помещенные в нем статьи и материалы подписаны тремя авторами — Т.Дезами, Ж.Геом и Ж.-Ж.Навелем. Ими подписано и предисловие к «Альманаху...». Кто такие Дезами и Геом, мы знаем. Но имя Навеля встречается впервые и больше нигде не упоминается. Поэтому в одной из наших предыдущих работ мы высказали следующее предположение: «Кстати сказать, имя Навеля встречается лишь в одном альманахе. Мы не имеем о нем абсолютно никаких сведений. Невольно возникает вопрос: не было ли это имя чьим-либо псевдонимом, хотя бы того же Ж.Мея, подвергнутого к тому времени судебным преследованиям?»⁶⁰

Это предположение полностью подтверждается архивными документами. 17 октября 1843 г. товарищ министра внутренних дел отправил министру юстиции письмо по поводу переиздания «Альманаха общности» под новым названием. В письме этом он указывал: «Этот памфлет... по сведениям, которые мне сообщил г.префект полиции, является произведением господ Дезами, Геом и Мея, выступающего под псевдонимом Ж.-Ж.Навеля». В заключение письма говорится: «Господа Мея и Дезами известны уже давно: оба примыкающие к тайным обществам и сторонники самого абсолютного коммунизма, они не переставали пропагандировать свои доктрины всеми доступными им способами. Мея, который был приговорен 16 мая 1840 г. уголовным трибуналом Сены к тюремному заключению сроком на один год и к последующему двухлетнему надзору за изготовление боевых припасов, после отбытия наказания укрывался в Англии, откуда он посылал братьям Шаравэ статьи для их журнала "Юманитер", посвященные защите ультракоммунистических утопий. Что касается Дезами, то после участия в мае и июне 1840 г. в редактировании журнала "Эгалитер" он опубликовал в прошлом году работу, озаглавленную "Кодекс общности", работу, в которой содержится самая неистовая критика существующего социального строя»⁶¹. Итак, не вызывает никакого сомнения, что под псевдонимом Ж.-Ж.Навель выступал не кто иной, как Ж.-Ж.Мея.

Таким образом, в 1842 г. возникает тесное сотрудничество между Дезами, Геом и Меем. В этой связи интересно следующее свидетельство Геом. В книге, опубликованной им на склоне лет, в которой он, наряду с обоснованием своих общественных идеалов, излагает и свои воспоминания, он пишет, что в годы, предшествовавшие революции 1848 г., «некоторые передовые умы... исследовали социальные вопросы более тщательно, чем это делали до этого. Некоторые из этих превосходных умов уже умерли: упомянем прежде всего наших старых друзей Мея и Дезами»⁶². Как видим, по утверждению Геом, которому у нас нет оснований не верить, он, Дезами и Мея были в свое время близкими друзьями.

Как же возникло их сближение, приведшее к тесному сотрудничеству в 1842 г., когда они совместно подготовили «Альманах

общности»? Дезами, окончательно порвавший в этом году с Кабе и его журналом «Попюлер» и публиковавший отдельными выпусками свой «Кодекс общности», естественно, искал сближения с теми представителями коммунистической мысли, которые стояли на близких к нему идейных позициях. Что касается Геом, то сближение с ним Дезами вполне понятно и легко объяснимо. С самого начала своей деятельности, еще с 1839 г., Дезами пытался сочетать идеи бабуизма с общественной системой Оуэна. А в 30-х годах XIX столетия главой французских оуэнистов был Жюль Геом. Именно он завершил дело, начатое Жозефом Реом, — разработку французского варианта оуэнизма. Еще в 1835—1836 гг. он опубликовал в оуэнистском журнале «Новый моральный мир» изложение своего плана общественного переустройства. План этот, основанный на объединении населения не только Франции, но и всего земного шара, в отдельные коммуны, общины, причем общины не маленькие, как у Оуэна и Фурье, а большие, насчитывающие не менее 12 тыс. человек, весьма напоминает общественное устройство, изложенное в «Кодексе общности» Дезами. Для Геом, как и для Дезами, было также характерно стремление почерпнуть из детального описания Фурье фаланг и фаланстеров все то, что не противоречило идеям коммунистического равенства. Мы не знаем точно, когда произошло знакомство Геом с Дезами. Возможно, что они знали друг друга еще до 1842 г. Во всяком случае, их представления о будущем коммунистическом обществе были столь идентичными, что не вызывает никакого удивления их тесное сотрудничество в период издания «Альманаха общности».

Несколько сложнее обстоит дело с Меем. Ведь еще за год до этого, летом 1841 г., он сотрудничал в «Юманитере» и написал для его двух вышедших номеров «теоретические статьи». А мы ведь знаем, как резко выступал Дезами против «юманитариев» во время публичных дискуссий, в частности в связи с их пропагандой мимолетных половых связей для избежания возникновения каких-либо «индивидуальных привязанностей»⁶³. Но не следует забывать, что Мея жил уже в то время в Лондоне, что его участие в «Юманитере» ограничилось лишь этими двумя «теоретическими» статьями. После разгрома движения «юманитариев», в котором он практического участия не принимал, он, видимо, не настаивал больше на некоторых их «основных принципах», что и сделало возможным его сближение в 1842 г., после возвращения во Францию, с Геом и Дезами. По другим же вопросам он не имел с ними никаких принципиальных разногласий, поскольку, исходя из идей общинного коммунизма, также представлял себе будущее общество как сумму отдельных коммун, а по своему мировоззрению тоже был материалистом.

«Альманаху общности» предпослано набранное крупным шрифтом предисловие (IX—XII), подписанное Дезами, Меем и Геом. «Мы публикуем эту маленькую книгу, — говорилось в нем, — чтобы распространить социальную науку. Она содержит в виде резюме план организации всеобщей общности». Тем, кто уже знаком с этой доктриной, она дает дополнительные аргументы, чтобы вести борьбу с противниками

коммунизма. Тех же, кто с ней еще не знаком, она должна побудить усвоить ее принципы и стать ее ревностными пропагандистами. «В противоположность почти всем политикам и моралистам коммунистическая школа берет за основу лишь реальности и позитивные доказательства». Для торжества предлагаемой системы отнюдь не требуется большое потрясение или кровавая катастрофа. Она может быть осуществлена, как только общественное мнение убедится в ее справедливости и превосходстве. В последнее время появились разные работы, посвященные коммунистической теории. Ряд писателей высказали в этой связи мысли или расплывчатые, или слишком ограниченные, или ложные, или несовершенные, или абсурдные. Сами же они считают, что лучшей работой на эту тему является в настоящее время «Кодекс общности», единственная работа, которая в логической последовательности описывает предлагаемую социальную организацию и четко определяет ее принципы.

Итак, предисловие к «Альманаху общности», открыто провозглашая трактат Дезами высшим достижением коммунистической теории, стремится в то же время заверить читателей, что осуществление коммунистического общественного строя отнюдь не связано с «большим потрясением» и «кровавой катастрофой». Аналогичные заявления можно встретить и в различных статьях «Альманаха». Но, что это делалось явно из цензурных соображений и что на самом деле его авторы отнюдь не стояли на позициях «мирного» коммунизма, видно из самих этих статей.

Уже следующая за предисловием статья, озаглавленная «Обращение к трудящимся» и подписанная Наведом, т.е. Меем (13–22), является красноречивым тому свидетельством. Рабочие, наши братья, восклицает автор, вокруг вас все улучшается и совершенствуется: с каждым днем развиваются науки и искусства, делаются новые изобретения, создаются новые машины. Все это увеличивает общественное богатство, дает возможность постоянно повышать благосостояние всех. «Однако ваше положение никак не улучшается: наоборот, со дня на день растут ваша нужда и ваши страдания». Но это отнюдь не является неизбежной частью. «Сумейте только захотеть, выйдите из состояния трусливого и преступного безразличия, изучайте, познавайте, предъявляйте и отстаивайте свои права, и тогда вскоре исчезнут бесчисленные бедствия, вас отягощающие». «Пролетарии, мы разъясним вам, почему везде и всегда вы были рабами и эксплуатируемы: тогда вы легко поймете, что, если вы этого захотите, возможно положить конец этому прискорбному состоянию». «Пролетарии, проникнитесь следующей истиной: причина вашего тяжелого положения проистекает прежде всего из того, что во все времена вы всегда были устранены от какого-либо участия в управлении общими делами, и из вашего незнания социальных принципов... Что нужно сделать, чтобы излечить ваши беды? Знать свои права, решиться добиться их торжества, изучить социальную организацию, затем взять в свои руки принадлежащую вам долю участия в управлении и администрации». До сих пор имевшие место революции благоприятствовали другим классам. Революция 1789 г. служила лишь

интересам буржуазии, в то время как трудящиеся «были только пассивными инструментами, с помощью которых буржуазия решила завоевать свое освобождение». И она действительно одержала полную победу над дворянством. «Почему же она добилась этих огромных преимуществ, в то время как вы, несчастные пролетарии, добились лишь незначительных результатов? Это произошло потому, что она взяла в свои руки бразды правления и получила возможность управлять по своему усмотрению». Революция 1830 г. была точным повторением революции 1789 г. «Мы ограничиваемся лишь этим единственным примером, так как все революции, происходившие на земном шаре, были абсолютно идентичными: всюду активный, интригующий и дерзкий класс, который подготавливает и провоцирует движения, и рядом — рабочий класс со своим невежеством, легковерием и безграничной доверчивостью, который великодушно жертвует своей жизнью и является пассивным инструментом в руках первого класса». Если это всегда было так, то только потому, что этот наиболее многочисленный класс, класс трудящихся, никогда не предъявлял своих прав, не защищал своих интересов и не принимал активного участия в установлении новых общественных институтов. Не следует строить иллюзий относительно частичных реформ. Необходима полная реорганизация общества. «Если до настоящего времени вас всегда обманывали, то это, как видим, происходило лишь потому, что вы никогда не участвовали в государственном управлении». Однако следует иметь в виду следующее: «недостаточно быть у правительственного руля, держать в своих руках верховную власть, надо также иметь представление, какими общественными институтами нужно заменить те, которые признаны бессильными и порочными». Эти новые общественные институты должны базироваться на эгалитарной ситуации и общности имущества.

Мы изложили столь подробно это «Обращение к трудящимся», чтобы правильно уяснить его суть. Дело в том, что в этом же обращении говорится, что его авторы отнюдь не призывают к мятежу, к изготовлению боевых припасов, к «изолированным заговорам», что они отнюдь не проповедуют ненависть между отдельными классами общества, хотя и знают, что аристократы с безразличием взирают на страдания трудящихся. Мы видим, однако, что все эти оговорки, связанные, несомненно, с цензурными соображениями, являются лишь внешним прикрытием истинной цели этого обращения. Характерно прежде всего, что оно адресовано не всем; членам общества, как «бедным», так и «богатым», а исключительно «трудящимся», «рабочим», «пролетариям». Его истинная суть заключается в повторном обосновании следующей мысли. Рабочий класс во всех предыдущих революциях был линией, орудием в руках стремившейся к господству буржуазии. Пролетарии никогда не стояли у власти. Им нужно завоевать эту власть, взять в свои руки бразды правления. Но они должны это сделать, лишь ясно сознавая, что необходима полная реорганизация общества, установление нового общественного строя, основанного на общности имущества.

Изложению основных принципов этого нового общественного строя посвящена следующая статья «Альманаха», озаглавленная «Об эгалитарной ситуации и общности» (22–47). Ей предпослано своего рода вступление, подписанное Меем. Оно не содержит каких-либо новых, оригинальных мыслей и в известной мере является повторением положений, изложенных им в его «теоретических статьях» в «Юманитере». Социальная наука исходит из изучения человека, из изучения его потребностей. Ее цель — найти такой общественный строй, который давал бы всем членам общества равную возможность самосохранения и использования своих способностей. Он должен быть основан на принципе единства. «Единство — это общность имуществ, совместное потребление, концентрация общественных сил, совпадение усилий всех». Поскольку собственность неотделима от накопления и присвоения, она несовместима с благосостоянием всех членов общества, так как накопление может происходить лишь за счет ограбления других. Вслед за этим вступлением на 20 страницах приведена полностью первая часть XVIII главы «Кодекса природы», и которой изложены основные выводы этого трактата, прежде всего 41 тезисов, обосновывающих материалистическое мировоззрение, а затем краткое резюме описанного в «Кодексе» общественного строя. В виде заключения Мей указывал, что и «Кодексе общности» не только развиты все эти «органические законы», но в нем содержится и беспощадная критика существующего строя неравенства.

Следующая статья, озаглавленная «Вопрос о браке и индивидуальной семье» (47-02), была написана Геем. В ней говорилось, что вопрос взаимоотношения полов является одним из основных общественных вопросов. Из-за нежелания принять теорию коммунистов три четверти современных социалистов поочередно потерпели неудачу. В плачевное заблуждение впадают также те коммунисты, которые считают возможным сохранить почти в неизменном виде современные брачные отношения. В коммунистическом обществе, представляющем единую семью, не может быть частных семей. Ведь в коммунистическом обществе не будет частной собственности и к тому же воспитание детей будет носить общественный характер. А если не будет индивидуальных семей, то к чему же публичное празднование брака, что является грубой и бесстыдной формой провозглашения союза двух уважающих и любящих друг друга лиц, а также публичное провозглашение развода, что является для них тягостным и унижительным. При системе общности мужчина будет компаньоном, братом, другом и возлюбленным, но не будет больше хозяином женщины. В результате любовные связи будут более постоянными и длительными, чем в настоящее время. Сторонники общности отнюдь не хотят ликвидировать личные привязанности, а, наоборот, хотят, чтобы в силу лучшей организации общества все люди имели возможность заключать еще более совершенные союзы. Хотя дети и не будут больше собственностью родителей, никто не будет запрещать родителям общаться со своими детьми.

Эта статья Гея как бы развивала положения, изложенные им в его

письме к Шаравэ от 7 сентября 1841 г., в котором он критиковал концепцию «юманитариев», стремившихся предотвратить какие-либо «индивидуальные привязанности»⁶⁴. В то же время он осуждал и Кабе, считавшего возможным сохранить семью лишь в несколько измененном виде. Взгляды, изложенные Геем в этой статье, по вопросу о браке и семье полностью гармонизировали с точкой зрения Дезами, изложенной в «Кодексе общности», а также многих других представителей революционного коммунизма, вроде, скажем, Майера и его журнала «Коммюотер». Отвергая воззрения Кабе и одновременно «основные принципы» «юманитариев», они считали, что в будущем коммунистическом обществе хотя и не будет семьи в современном смысле слова, но будут существовать длительные и прочные брачные союзы, основанные исключительно на взаимной любви.

Из других материалов, помещенных в «Альманахе общности» и посвященных теоретическим вопросам, следует отметить и написанную Дезами заметку «Определение слов "пролетарий" и "буржуа"» (69–80). Она интересна тем, что еще раз свидетельствует, в сколь широком смысле Дезами понимал термин «пролетариат». Он считал, что пролетарием является всякий гражданин, не имеющий никаких доходов или чьи доходы не обеспечивают ему самого необходимого. Поэтому он полагал, что во Франции насчитывается 22 миллиона пролетариев, составляющих подавляющее большинство нации.

Но «Альманах общности» отнюдь не состоял лишь из теоретических статей. В нем были опубликованы и многочисленные другие материалы, посвященные текущим вопросам и проблемам современности. В написанной Меем статье «Коалиция Фюльпилона» (130–138) указывалось, что, в связи с проектом таможенной унии с Бельгией, в палате депутатов возникла мощная оппозиция, выступающая против этого предложения. Эта оппозиция оформилась организационно, избрав председателем депутата Фюльпилона, а также заместителя председателя, секретаря и т.д. Следовательно, возникла коалиция, создана ассоциация. Почему же ее не преследуют, как преследуют в судебном порядке коалиции рабочих, как преследуют различного рода ассоциации? Разве закон не един для всех? Или, быть может, иронически вопрошает автор, правительство решило теперь разрешить коалиции и ассоциации? Следует ли из этого заключить, что, подобно Фюльпину и его многочисленным коллегам, можно впредь свободно собираться, чтобы дискутировать и рассуждать о доктрине общности, сговариваться и улаиваться о средствах и действиях, необходимых для ее торжества?

Подписанная Дезами заметка «Закон о детском труде в мануфактурах» (138–142) разоблачает ограниченность и лицемерие этого принятого в 1841 г. закона. Его действие распространяется лишь на крупные предприятия, которых в Париже, например, насчитывается всего 300, хотя в столице имеется до 50000 различного рода мастерских. Далее, закон этот не дает ответа на основной вопрос: если промышленники, недовольные им, просто-напросто уволят работающих у них детей, то кто же обеспечит им пропитание?

Дезами принадлежит и другая заметка: «Удержат ли Алжир?» (142–149). Он гневно осуждает бесчинства французской армии и администрации в Алжире. Разве можно удивляться сопротивлению арабов? «Какое зрелище представляет за последние десять лет наше управление в Алжире! Налоговая система, мошенничество, произвол, жадность, продажность, коррупция! Прибавим к этому бесчисленные притеснения и насилия со стороны наших солдат в отношении туземцев, которых по прискорбному предубеждению они не могут привыкнуть рассматривать как людей». В стихотворении «Портрет эгоизма» (149–150) Дезами осуждал чудовищный эгоизм богачей. В заметке «Статистика уголовной юстиции» (155–160), основываясь на статистических данных, показывающих непрерывный рост преступности (а также числа самоубийств), он указывал, что это объясняется социальными условиями и что никакие репрессивные законы тут не помогут, так как причины этого явления коренятся «в социальной организации».

В конце «Альманаха» вновь помещены отдельные статьи и заметки, связанные с коммунистической теорией. В заметке «Макиавеллизм и аморальность» (164–166) Дезами разоблачал лицемерный софизм, утверждающий, что народ еще не созрел для равенства, что предварительно его нужно просветить и внушить ему соответствующую мораль. Ведь это значит попасть в порочный круг, так как современный общественный строй как раз и препятствует этому. В маленькой статье «Спартак» (168–171), описывая восстание Спартака, он указывал, что причиной поражения рабов и пролетариев было отсутствие у них конкретной социальной программы. «Какой вывод надлежит сделать из этого исторического события? А вот какой: революционеры, проповедующие лишь принципы политической реформы, всегда были и всегда останутся бессильными консолидировать какую-то бы то ни было революцию... Лишь располагая хорошо разработанной и обстоятельной системой социальной организации, можно закрепить победу и воспользоваться всеми ее плодами».

Касаясь утверждения, что «общность приводит к неподвижности», Мей в «Ответе на одно возражение» (179–181) доказывал, что это отнюдь не так. Общность — это единство, но в то же время и разнообразие, так как каждый добровольно и свободно выполняет определенное задание сообразно своим вкусам и личным возможностям. «Это также постоянное развитие человеческих способностей; поскольку внешний мир непрерывно меняется, человек должен будет постоянно изучать новые факты, а общество должно будет непрерывно пересматривать отдельные детали».

В другом аналогичном ответе на возражения (182–186) — без подписи — опровергается следующее утверждение: «Коммунизм не имеет исторических традиций; система общности нигде не была осуществлена на практике». Прежде всего все имеет свое начало. Смешно требовать, чтобы все новое, например новые открытия в области науки и техники, имели бы свои исторические традиции. К тому же как философская идея коммунизм имеет глубокие корни еще с древности. Имеются и

практические традиции коммунизма, начиная с Крита и Спарты и кончая общественным строем, установленным иезуитами в Парагвае, не говоря уже о различных коммунистических общинах, хотя все эти общины были еще несовершенно и порочными. Поэтому сегодня в условиях бурного развития всех наук строй общности, основанной на равенстве, свободе, братстве, рационализме, неоспоримо добился бы подлинных чудес.

Как это историческое обоснование строя общности, так и его рационалистическое обоснование свойствами и потребностями человека наглядно свидетельствуют, что «Альманах», как и «Кодекс общности», исходил из трафаретных установок утопического коммунизма. Но его оригинальность заключалась в том, что он пытался в различных формах популяризировать коммунистическое мировоззрение в том виде, как оно было изложено в «Кодексе» Дезами. «Альманах» не только касался теоретических вопросов, но и откликался на текущие события, разоблачая законы, направленные против рабочих коалиций и ассоциаций, лицемерный закон о детском труде, разъясняя социальные причины роста преступности.

Осуждая бесчинства французских колонизаторов в Алжире. Несмотря на многочисленные оговорки, вызванные, несомненно, цензурными соображениями, «Альманах...», как и «Кодекс общности», стоял на позициях не «мирного», а революционного коммунизма. Он внушал мысль о необходимости не только политической, но и социальной революции. Он призывал трудящихся, рабочих, пролетариев к завоеванию политической власти в целях построения нового, коммунистического общества, единственно способного положить конец их эксплуатации.

IV

Уже само название «Альманах общности на 1843 г.» свидетельствовало, что Дезами намерен был превратить его в ежегодное издание. Он, действительно, предпринял попытку выпустить этот альманах и на 1844 г. под другим заглавием — «Альманах социальной организации». Но лучше предоставим по этому поводу слово самому Дезами. В письме па имя министра юстиции он писал следующее: «В декабре 1842 г. я опубликовал маленькую книжку под названием "Альманах общности". Эта публикация состояла из чисто теоретических и философских статей, которые даже сентябрьские законы не считают подлежащими судебному преследованию. Таким образом, в течение более десяти месяцев не возникал вопрос о привлечении к ответственности за это издание. В октябре 1843 г., когда все сроки конфискации этого издания уже прошли, для экземпляров, которые еще нужно было сбыть, были напечатаны новые обложки с заглавием "Альманах социальной организации". Следовательно, "Альманах социальной организации" был на самом деле той же работой, что и "Альманах общности". Не было ничего ни добавлено, ни изъято, ни изменено, ни перепечатано, было лишь заменено заглавие»⁶⁵.

Сравнение единственного экземпляра «Альманаха социальной организации», сохранившегося лишь в Национальном архиве, с

«Альманахом общности» показывает, что Дезами сообщал чистую правду. Точнее сказать, были заново напечатаны первые восемь страниц: вместо табель-календаря на 1843 г. был теперь напечатан табель-календарь на 1844 г.; весь же остальной текст был без всяких изменений текстом «Альманаха общности». На первой странице новой обложки значилось: «Annee 1844. Almanach de l'organisation sociale. Prix 501 c. Paris». На последней странице была напечатана следующая реклама: «После того как наберется 500 подписчиков, выйдет в свет второе издание "Кодекса общности". Эта работа была тщательно пересмотрена и исправлена, а также значительно расширена. 2 тома in 8 с прекрасным цветным планом. Цена 15 фр.».

Несмотря на то, что речь шла фактически об одной и той же книге, после выпуска «Альманаха социальной организации» дело приняло иной оборот. К тому времени репрессии против распространения коммунистической идеологии еще более усилились; то, что можно было публиковать легально в предыдущие два-три года, подвергалось теперь суровым преследованиям. «Альманах социальной организации» был конфискован, а его издатель Дезами привлечен к судебной ответственности.

27 октября 1843 г. товарищ министра внутренних дел от имени министра отправил министру юстиции письмо, в котором указывал, что «та фракция коммунистической партии, которая мечтает о немедленном осуществлении эгалитарной системы, только что опубликовала под названием "Альманах социальной организации на 1844 г." своего рода руководство, в котором она развивает подрывные доктрины, призывая рабочий класс, которому эта маленькая книжка специально предназначена, изучить и усвоить их». Далее в письме сообщались приведенные уже нами выше данные, что книга эта была составлена Дезами, Геом и Меем, выступающим под псевдонимом Навеля. В письме утверждалось, что в этом издании проповедуется атеизм и материализм, а что касается брака, то она содержит «самые возмутительные аморальности», в доказательство чего приводились выдержки из «Обращения к трудящимся» и статья Гея, причем указывалось, что «ряд глав этого сборника был взят из пасквиля, опубликованного в прошлом году господами Меем и Дезами под заглавием "Альманах общности на 1843 г."». В заключение сообщалось, что префект полиции передал «Альманах социальной организации» на рассмотрение королевского прокурора⁶⁶.

На следующий день, 28 октября, министр юстиции направил министру внутренних дел ответное письмо, в котором писал относительно этого «альманаха»: «Я согласен с вами, что он содержит опасные и подрывные доктрины и что он может быть подвергнут судебному преследованию за следующие правонарушения: оскорбление общественной и религиозной морали, нападки на собственность и провоцирование ненависти между различными классами общества»⁶⁷. Как видим, многочисленные оговорки, сделанные в «Альманахе» явно из цензурных соображений, не достигли своей цели и не смогли ввести в

заблуждение власти. Ведь его авторы специально заверяли, что они отнюдь не хотят возбуждать ненависть между отдельными классами общества. Это не помешало, однако, министру юстиции уяснить истинную сущность «Альманаха», противопоставлявшего буржуазии трудящихся, пролетариев, рабочих и призывавшего их к защите своих прав. В этом смысле власти были безусловно правы, видя в «Альманахе» «подрывное издание», адресованное прежде всего рабочему классу.

Завертелась судебная машина. 28 марта 1844 г. суд присяжных департамента Сены приговорил Дезами к четырехмесячному тюремному заключению и к штрафу в 200 франков. Еще находясь в тюрьме Сен-Пелажи, Дезами направил 22 сентября вышеупомянутое письмо министру юстиции. Указывая на идентичность «Альманаха социальной организации» и «Альманаха общности», который не повлек за собой никаких судебных преследований, Дезами подчеркивал, что он не был единоличным автором этого «Альманаха», и перечислял явные правонарушения в связи с конфискацией «Альманаха социальной организации». В заключение — и в этом была цель его обращения — Дезами писал: «Исходя из всех этих соображений, господин министр, я имею честь просить вас не об исправлении допущенной судебной ошибки, но об ее смягчении, освободив меня от выплаты денежного штрафа, чего я лишен возможности сделать»⁶⁸. На письме Дезами имеется пометка для сведения министра, что срок его тюремного заключения истек 10 октября.

16 октября 1844 г. генеральный прокурор направил министру юстиции письмо в ответ на его запрос от 28 сентября по поводу обращения Дезами. «Г-ну Дезами, — писал он, — 35 лет. Он был преподавателем в департаменте Вандея. Затем он перебрался в Париж, где стал одним из писателей, не имеющих другой цели, как нападать на существующие законы, на право собственности, на общественную и религиозную мораль. Опубликованная им книга под заглавием "Альманах общности", затем под заглавием "Альманах социальной организации" содержит резюме отвратительных принципов, которыми он руководствуется. Если суд присяжных проявил в отношении него некоторую снисходительность, то только потому, что, как он правильно это утверждал, первое издание этой книги не дало повода к судебному преследованию». Однако, по мнению генерального прокурора, не следовало еще более смягчать этот приговор, освободив Дезами от штрафа⁶⁹.

20 декабря того же года министр внутренних дел, запрошенный по этому поводу министром юстиции, писал ему следующее: «Сведения, которые я получил с некоторым запозданием об этом человеке (Дезами. — А.И.), характеризуют его как одержимого идеями коммунизма, которые он и излагает в осужденной книге. Однако добавляют, что он находится в весьма плачевном положении и не имеет других средств к существованию, кроме уроков, которые он дает в одном пансионе». Поскольку Дезами уже отбыл четырехмесячное тюремное заключение и поскольку «он, по-видимому, абсолютно не в состоянии выплатить 200

фр. штрафа, а также судебные издержки», министр считал возможным если не полностью, то хотя бы частично освободить его от выплаты этих сумм⁷⁰.

19 января 1845 г. министру юстиции, был представлен доклад, обобщавший всю приведенную выше переписку. В нем излагались обстоятельства дела Дезами и указывалось, что генеральный прокурор не считает возможным ввиду опасности доктрины, проповедуемой осужденным, освободить его от штрафа, в то время как министр внутренних дел склонен ввиду его полной неплатежеспособности удовлетворить его просьбу. Автор доклада (подпись неразборчива) заявлял, что он разделяет мнение министра. Однако на этом документе имеются две приписки, сделанные на полях (подписи тоже неразборчивы), рекомендовавшие отвергнуть просьбу Дезами⁷¹.

Все приведенные документы интересны с двух точек зрения. Они свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении Дезами, который по выходе из тюрьмы не имел никаких средств к существованию, кроме уроков в каком-то пансионе. С другой стороны, мы видим, с какой лютой ненавистью относились власти к коммунистической идеологии, поскольку, несмотря на бедственное положение Дезами, генеральный прокурор и некоторые другие лица, не удовлетворяясь тюремным заключением, настаивали на уплате им штрафа только и исключительно потому, что он пропагандировал коммунистические идеалы.

Четырехмесячное тюремное заключение, безусловно, нанесло Дезами большую травму. Он на собственном горьком опыте убедился, с какими невероятными трудностями была сопряжена теперь пропаганда идей революционного коммунизма. Его крайне тяжелое материальное положение еще больше содействовало развитию пессимистических настроений. Для справедливости следует указать, что разочарование некоторыми формами деятельности, которые до этого он поддерживал, сказывалось у него и раньше. Об этом свидетельствует одно очень интересное примечание в его статье о Спартаке, напечатанной в «Альманахе общности». В этой статье, как мы видели, он настаивал на сочетании политической революции с революцией социальной. В примечании он солидаризировался с тостом Гийома Розье на Бельвильском банкете, говорившего об опасности тирании буржуазных революционеров, которые расстреливали бы пролетариев, опираясь на псевдodemократическую конституцию. Все эти высказывания соответствовали основным установкам представителей революционного коммунизма. Но тут же он писал: «Я добавляю, что, по моему мнению, тайные общества в нашу эпоху имеют не менее пагубные последствия, так как они являются для социального единства и коммунистической пропаганды помехой и отвлечением. Истинные революционеры, по моему... те, кто открыто проповедует ассоциацию»⁷².

Итак, уже в 1842 г. Дезами выражал сомнение в целесообразности деятельности тайных обществ, с которыми он сам прежде поддерживал тесную связь. Это и понятно. Авантюристическая тактика «трудящихся-эгалитариев» особенно ярко проявившаяся в событиях, связанных с по-

кушением Кениссе, вызвала не у него одного разочарование деятельностью тайных обществ, возможностью достижения ими каких-либо практических целей. Теперь же, после тюремного заключения, он стал сомневаться в эффективности одной лишь пропаганды конечных коммунистических идеалов. По выходе из тюрьмы Дезами не покинул политическую арену и не ушел в частную жизнь. Он возобновил свою литературно-политическую деятельность, но она носила теперь несколько иной характер. Хотя хронологически она выходит за рамки этой главы, но, дабы покончить с этой темой, следует здесь же рассмотреть последующие произведения Дезами.

Дезами вышел из тюрьмы в октябре 1844 г., а уже в 1845 г. опубликовал анонимно брошюру в 35 страниц под названием «Критический анализ восьми речей о католицизме и философии, произнесенных в декабре 1844 г. и январе 1845 г. в Соборе парижской богородицы г. аббатом Лакордером»⁷³. Аббат Лакордер был в свое время близок к Ламенне и сотрудничал в его журнале «Авенир». Хотя после осуждения Ламенне папской курией он, подобно Монталамберу, и подчинился ее решениям, но продолжал в своих проповедях стремиться в какой-то мере оживить религиозную пропаганду, затрагивая и некоторые насущные социальные проблемы. Именно поэтому власти и раньше пристально следили за его выступлениями. Ежедневные донесения префекта полиции Делессера еще в конце 1843 и начале 1844 г. полны сообщений о проповедях Лакордера в Соборе парижской богородицы, собиравших большую аудиторию⁷⁴. Но именно поэтому проповеди Лакордера привлекали внимание и прогрессивных деятелей, понимавших всю опасность подобной не столь обычной религиозной пропаганды, преследовавшей в конечном итоге цель укрепления и увековечения существующего общественно-политического строя. Очевидно, именно по этим соображениям Дезами счел нужным выступить с ответом Лакордеру. Как видно из титульного листа, он предполагал опубликовать 10 брошюр, причем в первых семи намерен был рассматривать одну за другой проповеди Лакордера и опровергать их.

В единственной опубликованной им брошюре Дезами рассматривает лишь первую проповедь Лакордера, произнесенную им 1 декабря 1844 г. Он приводит длинные выдержки из этой проповеди и свои возражения, резко осуждая, в частности, основную догму католицизма о непротивлении злу. Нужно исходить из природы человека. Человек имеет многочисленные потребности. «Изолированный, он остается слабым, бессильным и боязливым... объединение составляет силу» (7). «Я хорошо знаю, что сегодня себялюбие очень часто порождает многочисленные пороки и чудовищные поступки. Но эти прискорбные явления отнюдь не закон природы... они просто-напросто следствие несовершенства социальной организации, порождающей антагонизм между потребностями и интересами людей. Решение проблемы заключается в том, чтобы проложить дорогу, обеспечивающую одновременно и личное благосостояние, и общее счастье» (8). «Какое значение для человечества имеет чья-либо жертва, если она не имеет своим результатом моральное

возрождение всей массы людей и подлинное общественное благосостояние?» (13). «Ваша религия смирения и самоотречения, презрения и безразличия к земным вещам запрещает, мешает вам противопоставлять жадности и угнетению то решительное, энергичное, упорное сопротивление, которое противопоставил бы им физиолог (материалист. — А.И.). «Добродетель не состоит в самопожертвовании; она не что иное, как полное соответствие между личным интересом и желанием и общественным интересом... Истина обладает сама по себе достаточной силой, чтобы привести все человечество к счастью» (18). Чувство смирения, проповедуемое католицизмом, «обезоруживает нас, в то время как мы должны бороться» (27).

Рассмотренная брошюра Дезами представляет большой интерес. Она свидетельствует, что по выходе из тюрьмы, несмотря на все им пережитое, он не отрекся от своих убеждений — ни от своего материалистического мировоззрения, ни от своих коммунистических идеалов. Более того, он продолжал считать, что нужно сопротивляться угнетению, что нужно бороться, чтобы обеспечить «общее счастье», и с этой точки зрения осуждал католическую доктрину смирения и непротivления злу. Эта брошюра Дезами очень важна для правильного понимания и оценки его последующих произведений.

В том же 1845 г. Дезами опубликовал — уже под своим именем — новую работу: «Иезуитизм, побежденный и уничтоженный социализмом, или установления иезуитов и их секретные инструкции в сравнении с одним проектом организации труда»⁷⁵. Сперва автор подробно излагает организацию и руководящие принципы иезуитов, разоблачая их макиавеллизм. Им он противопоставляет «социетарные доктрины». «Положение трудящихся классов, — пишет он, — становится все более ненадежным и ужасным... Трудящиеся вследствие своей изолированности находятся во власти капиталиста, предпринимателя и всех своих различных хозяев» (133). «Трудящиеся, — восклицает он, — соединимся! Объединение — это жизнь... Трудящиеся, соединимся! Объединение — это сила» (134). «Трудящиеся, Объединение! Объединение!.. Сумеем возвести здание нашего общего довольства... сумеем сделать так, чтобы всеобщее счастье проистекало от совпадения личных интересов всех. Объединение! Объединение — это единственный способ победы» (136). «Нужно искать богатства и благосостояния не путем эксплуатации людей, а путем эксплуатации земли и индустрии» (142).

После этих общих рассуждений Дезами излагает свой проект «Общества внутренней и внешней колонизации». Этот проект, состоящий из 57 пунктов, является планом производительно-потребительской промышленно-сельско-хозяйственной ассоциации, организованной в условиях существующего общественного строя на кооперативных началах (145—158). Доходы в подобной ассоциации должны распределяться равными долями между всеми ее членами. Треть предоставляется непосредственно каждому из них для личных расходов вне пределов общины (так как каждый имеет в месяц двухдневный отпуск), две трети

записываются на их лицевой счет. Что касается вкладчиков, т.е. тех членов ассоциации, которые внесли денежные вклады для ее организации, то каждый из них получает свою долю дивиденда пропорционально вложенным им средствам. Все члены ассоциации имеют равное право на потребление, пользование и все общественные преимущества. Все одинаково хорошо питаются, одеваются, проживают в одинаково хороших помещениях, получают одинаковое обслуживание во время болезней. Общим правилом является, что каждый получает пропорционально своим нуждам, а силы, способности и таланты каждого учитываются при распределении работ.

Дезами не скрывает, каким примером он вдохновлялся, излагая свой проект. «Другая причина, — писал он, — умножает наше рвение, а именно все возрастающий и заслуженный успех в Англии общества, совершенно аналогичного тому, план которого мы изложили. Мы имеем в виду общество взаимной кооперации Гармони-Хола, основанное почтенным г.Оуэном» (144). Действительно, план, изложенный Дезами в своем новом произведении, гораздо ближе к кооперативным проектам Оуэна, чем, скажем, к фалангам Фурье. Правда, он гарантирует выплату соответствующих дивидендов вкладчикам, предоставившим необходимые средства для организации ассоциации. По внутри этой ассоциации, в противоположность фурьеристским фалангам, предусматривалось абсолютное равенство всех ее членов во всем, начиная с питания и кончая жилыми помещениями.

Мы знаем, что с самого начала своей деятельности Дезами находился под непосредственным влиянием учения Оуэна, которое он пытался сочетать с революционными традициями бабуизма. Но как для самого Оуэна его кооперативные проекты, разработанные им во второй период его деятельности, являлись не самоцелью, а лишь средством подготовки полного преобразования общества на коммунистических началах, так и для Дезами выдвинутый им теперь проект вовсе не означал отказ от его конечного общественного идеала. «Эти статуты, — писал он, — если только рассматривать их в целом, блестяще опровергают тех, кто считает, что наша социетарная доктрина не соответствует реальным возможностям, что она является лишь чистой утопией. Мы не претендуем искоренить завтра же все пороки, все бедствия, все страдания и сразу же привести человечество к избытку счастья; это чудо может совершить лишь всеобъемлющая ассоциация. Но разве между этим идеалом и тягостями теперешнего положения невозможно никакое улучшение?

Неужели нет никакого средства организовать труд, физически и морально эмансипировать трудящиеся классы. Мы не хотим этому верить. Разве не полезно для человечества, осуществив на практике принципы объединения и взаимности, пробудить эти идеи, склонить общественное мнение к достижению этой цели и подготовить его к этому путем соответствующего опыта? Конечно, мы предпочитали бы, чтобы правительство само взяло на себя инициативу и руководство реформой или, точнее сказать, полной и всеобщей организацией; но в ожидании

этого предложить средства, чтобы те, кто страдает, запаслись терпением... положить конец без революции или сильного потрясения теперешней нужде и зависимости большинства из них, предложить средство, чтобы обеспечить всем не только хлеб насущный, но и сносную жизнь... это, смеем сказать, счастливая идея... Я спрашиваю у читателя, разве устав, им прочитанный, хотя он не выходит за пределы основ и законов теперешнего общества, не является обширным планом ассоциации? Не открывает ли он широкий простор всем улучшениям, всему возможному прогрессу?» (159–160).

В последней части работы Дезами опровергает не только «возражения против самого принципа ассоциации» (163–206), но и возражения против возможных последствий социализма (207–212). Характерно, что при этом он дважды цитирует Жозефа Рея (188, 209), первого французского оуэниста, опубликовавшего еще в 1828 г. свои «Письма о системе взаимной кооперации и общности всех имуществ, согласно плану г. Оуэна». В конце он пишет: «Я отсылаю читателя к моему Кодексу социальной организации (т.е. «Кодексу общности». — А.И.), где я подробно рассмотрел эту тему».

Как видим из всего вышеизложенного, ссылка Дезами на «Кодекс общности» отнюдь не была случайной. И в этой новой работе он отнюдь не отрекался от своего конечного общественного идеала. Он вновь говорил о тяжелом положении трудящихся и обращался к ним с призывом к объединению. Выдвигаемый им новый проект кооперативных общин, организуемых в условиях существующего общественного строя, он рассматривал не как самоцель, а лишь как средство облегчения участи трудящихся до полной реорганизации общества.

Год спустя, в 1846 г., Дезами опубликовал еще одну книгу — «Организация свободы и всеобщего благосостояния»⁷⁶. Мы не станем подробно пересказывать ее содержание. Скажем лишь, что Дезами выдвигал в ней проекты различного рода новых общественных организаций, названия которых он перечислял в оглавлении: Земельный банк — Банк сельского хозяйства и индустрии — Банк труда — Склады и базары — Касса взаимного страхования от болезней, инвалидности, сиротства и т.д. — Дом для инвалидов индустрии. Наиболее интересный из этих проектов — Банк труда, предоставляющий рабочим кредиты на приобретение орудий труда, в частности машин и необходимого сырья, а также на питание, жилище, одежду с тем, чтобы рабочие сдавали всю свою продукцию байку, который организует ее продажу как через свои собственные магазины, так и иным способом.

Дезами следующим образом обосновывает выгоду и преимущество всех этих новых экономических учреждений: «Интересы всех — и собственников, и промышленников, и пролетариев — были бы обеспеченными и, смею думать, насколько это только возможно, согласованными. Ценность владений первых значительно повысилась бы, и их доходы возросли бы вдвое. Вторые избавились бы от продажи в убыток и промышленных кризисов. Что касается третьих, то им не только была бы обеспечена лучше оплачиваемая работа, они не только получили

бы возможность перейти от наемного труда к свободному труду, но кроме того, они могли бы застраховать себя и свои семьи от последствий повседневных жизненных невзгод: болезней, инвалидности, сиротства, вдовства и т.д. и т.д.» (111–112).

В введении он так характеризует свои общественные взгляды и принципы, побудившие его выдвинуть эти новые предложения и проекты, повторяя почти дословно некоторые формулировки своей предыдущей работы: «Я не считаю, что можно завтра же искоренить все пороки, все бедствия и сразу же привести человечество к полному счастью. Но между этим идеалом и тяготами теперешнего положения разве невозможно никакое улучшение? Я не хочу этому верить. Наша система кредита и гарантизма имеет целью показать, что можно без революции или сильного потрясения немедленно положить конец состоянию нужды и зависимости большинства людей, что можно обеспечить всем не только хлеб насущный, но и сносную жизнь и тем самым изгнать из всех сердец кошмар страха, опасения за завтрашний день, что это лучший способ повести атаку на самые глубокие корни порока и преступлений» (X–XI).

Итак, как видим, Дезами отнюдь не отрекался от своего коммунистического идеала. Об этом свидетельствует и то, что в самом заглавии своего нового произведения он открыто провозглашал себя автором «Кодекса общности». Но, как и в своей предыдущей работе, он считал возможным и необходимым до претворения в жизнь коммунистического идеала наметить пути для немедленного улучшения существующего положения вещей. Что представляли собой предлагаемые им новые общественные институты, проекты, которые он подробно излагал в своей книге, видно из его же собственных слов. Он называл предлагаемую им систему системой кредита и гарантизма. Первая глава книги — «О срочной необходимости институтов гарантии». В конце этой главы мы читаем: «Пролетариям нужна не благотворительность, им нужны орудия труда, сырье, институты гарантии, им, кроме того, нужны блага образования и политической эмансипации» (26). Таким образом, Дезами сам называл предлагаемые им новые общественно-экономические учреждения — все эти «банки», «склады», «базары», «кассы» — «институтами гарантии», а их совокупность обозначал как «систему гарантизма».

Известно, что между современным общественным строем, периодом «цивилизации», и новым идеальным строем «гармонии» Фурье предусматривал два переходных периода — гарантизм и социантизм. Название периода гарантизма объясняется тем, что это «режим солидных гарантий», что это «эпоха коллективной солидарности» в противоположность существующей анархии и всеобщей небезопасности⁷⁷. Дезами, хорошо знакомый с работами Фурье, заимствовал, несомненно, у него эту идею, т.е. идею создания новых общественных организаций и учреждений, предназначенных обеспечить всем слоям населения «солидные гарантии» от всех жизненных невзгод — разорения, отсутствия работы, нищенского существования, внушить им уверенность в завтрашнем дне.

Он даже использовал и некоторые термины Фурье. Так, например, он предусматривал создание особых «складов» (entrepots), а эти самые entrepots играют важную роль среди учреждений, намечаемых Фурье для периода гарантизма. Не следует, однако, полагать, что Дезами заимствовал у Фурье все предлагаемые им новые общественные организации. Такого, например, учреждения, Как «Банк труда», нет у Фурье и в помине. Даже предлагая свои проекты частичных реформ, Дезами думал прежде всего о рабочих, о снабжении их орудиями труда и сырьем, чтобы подготовить переход «от наемного труда к свободному труду».

Итак, не вызывает никаких сомнений, что и по выходе из тюрьмы Дезами оставался верным своему коммунистическому идеалу⁷⁸. Однако теперь под влиянием предыдущего опыта, не только своего личного, но и безуспешной деятельности тайных обществ, в которых он, видимо, окончательно разочаровался еще в 1842 г., он не считал перспективу социальной революции столь близкой, как думал раньше. В ожидании грядущей социальной революции он полагал теперь необходимым осуществить хотя бы некоторые частичные реформы, дабы в первую очередь улучшить положение трудящихся и подготовить в какой-то мере радикальное переустройство общества. В этих целях он в своих новых произведениях предлагал под влиянием идей Оуэна различные кооперативные проекты (к ним относятся и «базары», упоминаемые им в последней работе), а также «систему гарантизма», идею которой он, несомненно, заимствовал у Фурье,

1 Dezamy T. Calomnies et politique de M.Cabet, Refutation par ctes taitis et par sa biographie. Paris, 1842. - Bibliotheque National (далее: BN), Ln27, 3312. Что эта брошюра была опубликована в конце мая или в июне, видно из того, что в ней имеется

2 ссылка на статью в «Попюлере» от 8 мая этого года.

baonet t, route la verito au peuple on refutation d'un pamphlet calommateur. P., 1842, juill. - BN,8° R, 18074(14).

3 Dezamy t.Op.cit, p.5—9.

4 Cabet E. Toute la verite au peuple..., p.19.

5 Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-1841 гг. М., 1983, с. 257-258.

6 p. 19-ВД 50Р' CH" P'911; Cabet * T° Ute 1a v6vm au

7 Cabet E. Toute la verite au peuple. p.31.

8 Дезами Т. Кодекс общности. М., 1950, с. 116.

9 Cabet E. Propagande communiste, ou questions a discuter et a soutenir on a ecarter. P.. 1842, Avril. — BN,8° R. 18074(13).

10 Дезами Т. Указ.соч., с.222—223.

11 Dezamy T. Op.cit., p.10.

12 Ibid., p.4.

13 Ibid., p.36.

14 Ibid., p.47.

15 Cabet E. Touto la verite au peuple..., p.29.

16 Ibid., p.30.

17 Ibid., p.20.

18 Ibid., p. 6.

19 Ibid., P. Ю9.

20 Bouton v.Profils revolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848—1849, p.151.

21 Cabet E. Les masques arraches. P., 1844, p.65—73. — BN, Lb51. 3979.

22 Ibid., p.68.

23 Ibid., p.65,72.

24 La Fraternite: Journal moral et politique, 1843, mars, p.139.

25 Cabet E. Les masques arraches, p.69—70.

26 Ibid., p.71.

27 Иоаннисян А.Р. Указ.соч., с.140—156.

28 Cabet E. Les masques arraches, p.81.

29 Ibid., p.81-84.

30 Ibid., p.102.

33 Вышеизложенный проект свидетельствует, что конечным идеалом Брижа был коммунизм. Мы знаем также, что воплощение зла современного ему общества он видел в деньгах и поэтому, разумеется, не предусматривал и не мог предусматривать каких-либо элементов денежного хозяйства при будущем общественном строе. Мы не знаем, откуда Бутон взял «краткое резюме доктрин» Брижа и насколько точно он его излагает. В этом тексте, наряду с требованием обобществления земли и всего производства, одновременно говорится о равной заработной плате для всех трудящихся и об особом вознаграждении за опасные и отталкивающие профессии, а также за общественные заслуги. Речь, следовательно, идет о сохранении денежного хозяйства. Быть может, конечно, Бриж излагал и планы переходных общественных установлений, но никаких других конкретных данных на этот счет мы не имеем.

35 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 1, с 530.

Bnge. Op. cit., p.33-34.

ra;FraiCrnite' N 23' 1843' mars' P- ш-

r? «SallTpaairulli011 ou ruine Par la division. P., 1845, nov.

p. 11-12.-BN,8° R, 18074(30). 38 Bouton v.Op. cit., p.58

39 Ibid., p.30.

40 Ibid., p.164.

41 Ibid., p.30.

42 tlltT PoliAiqe et social des eñaux- Extrait du livre de Ph. Buon*v ВД7П U bureau du journal la Fraternite. P., 1842. - BN. Ы. dU7U (далее ссылка в тексте).

43 Bouton V. Op.cit., p.153—156.

44 d'Utn 1ST 4a'nttor,oa7ant l'etablissement de la Com-mmurate. — La Fratermte, N9, 1842, janv., p.24—26.

45 Du ЁС"1? Pra*ern"6- 1842, N 12, avr., p.45-46.

46 Ibid p' 48 propagande de la doctrine communiste. -

47 Moralite de la doctrine eommuniste. — La Fraternite, N 12, 1842, mai, p.53—55.

48 La civilisation prepare l'avenement de la Commnnaute. — Ibid., w p.55-56.

49 Des sciences et des arts. — La Fraternite, N 14, 1842, juin, p.61-63.

50 Effets de Indifference politique. — La Fraternite, N 17, 1842, sept., p.85-86.

51 La Fraternite, N 14, 1842, juin, p.68.

52 Dezamy T. Question proposee par l'Academie des sciences morales et politiques. Les Nations avancent plus en Connaissances, en Lumiere, qu'en Morale pratique. Rechercher la cause de cette difference dans leurs progres et indiquer le remede. Depose au secretariat de l'Academie le 27 decembre 1838. P., 1839. — BN. N 33676.

53 Ibid., p.64-65.

54 Ibid., p.66-67.

55 L'Egalitaire. Journal de l'organisation sociale, 1840, N 1, p.5,

56 Подробно см. об этом: Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. Очерк третий: Жюль Гей и пути развития французского утопического коммунизма в 30–40-х годах XIX в. Dezamy T. Code de la communaute. P., 1842. Мы приводим цитаты по вышеуказанному русскому переводу: Дезами Т. Кодекс общности (далее ссылки в тексте).

58 Almanach de la Communaute. Annee, 1843. Par divers ecrivains communistes. p.1842. — BN, N 26338 (далее ссылки в тексте).

59 Дезами Т. Кодекс общности, с.457.

60 Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма..., с.150, примеч.

61 Archives Nationales, BB18, 1399, N 4058.

62 Gay J. Le socialisme rationnel et le socialisme autoritaire. Geneve, 1868, p.34.

63 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение..., с.231–233.

64 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение, с. 238–239.

65 Archives Nationales, BB24, 251–285, N 1307. Письмо Дезами министру юстиции от 22 сентября 1844 г.

66 Ibid., BB18, 1399, N 4052. Именно приложенный к этому письму экземпляр «Альманаха социальной организации» и является единственным сохранившимся экземпляром этого издания.

67 Ibid.

68 Ibid., BB24, 251-255, N 1307.

69 Ibid.

70 Ibid.

71 Ibid.

72 Almanach de la Communaute, p.171–172,

73 Examen critique des huit discours sur le catholicisme et la philosophie, prononces a Notre-Dame en decembre 1814 et jantier 1845 par l'abbé Lacordaire. Par M*** d'après 1er principes de philosophie naturelle. P., s. d. 18451. — BN, D 34051 (nivin ссылки в тексте).

74 Archives Nationales, F7, 3892. В частности, донесения префекта полиции 13, 17 декабря 1843 г. и 21 января 1844 г.

75 Dezamy T. Le jésuitisme vaincu et anéanti par le socialisme, ou les constitutions des jésuites et leurs instructions secretes en parallelo avec un projet d'organisation du travail. p.1885. — VS-T.d39782 (далее ссылки даны в тексте).

76 Dezamy T. Organisation de la liberte et du bien-etre universel par t.Dezamy, auteur du Jesuitisme vaincu et du Code de reorganisation sociale. P., 1846. — BN, N 33675 (далее ссылки в тексте).

77 Подробно о периоде гарантизма и его общественных учреждениях см.: Иоаннисян А.Р. Генезис общественного идеала Фурье. М.; Л., 1939, с.47–72.

78 На это справедливо указывала С.М.Назарова в статье «Проблема социальной революции в трудах Т.Дезами» (Французский ежегодник, 1975. М., 1977). К сожалению, она ограничилась лишь этим общим заявлением, не анализируя работ Дезами, опубликованных в 1845–1846 гг.

Глава вторая

Подпольная коммунистическая деятельность в 1842–1843 гг. Процессы нелегальных коммунистических организаций. «Дело улицы Пастурель». Процесс тулузских коммунистов. Революционно-коммунистическое движение в Лионе. «Лионские библиотеки».

I

Сразу же после Февральской революции 1848 г. заключенный Луи-Жан Крузе, осужденный в предыдущем году по делу «коммунистов-материалистов», обратился к министру юстиции с просьбой освободить его из тюрьмы. В его обращении содержится одно очень интересное утверждение. Излагая свою биографию и сообщая, в частности, что он в свое время был членом Общества трудящихся-эгалитариев, Крузе далее писал о том, что произошло после «добровольного роспуска трудящихся-эгалитариев»¹. Во время процесса «коммунистов-материалистов» два других обвиняемых по этому делу, Шабан и Готье, также утверждали, что Общество трудящихся-эгалитариев просуществовало до 1843 г.² Если верить Крузе, оно добровольно самораспустилось. Так ли это было? В этом, разумеется, можно сомневаться. Дело в том, что по обеим фракциям прежнего Общества трудящихся-эгалитариев — и «коммунистам» и «эгалитариям» — в 1840 г. и особенно в 1841 г. были нанесены чувствительные удары. После ряда процессов коммунистов, после большого процесса, организованного властями в связи с покушением Кениссе, почти все их вожди и активисты были арестованы и находились в тюрьмах. Именно этим, очевидно, и следует объяснить, что уже с 1842 г. мы не встречаем никакого упоминания об Обществе коммунистов, а организация эгалитариев, сохранившая прежнее название Общества трудящихся-эгалитариев, в 1843 г. также окончательно распалась и прекратила свое существование.

Чтобы составить себе представление о подпольной коммунистической деятельности в 1842–1843 гг., необходимо привести хотя бы некоторые выдержки из ежедневных донесений префекта полиции Делессера за эти годы³. 11 января 1842 г. «В Париже царит полное спокойствие; положительные результаты процесса Кениссе становятся все более ощутимыми». 13 января 1842 г. «Общественное мнение, несомненно, значительно улучшилось за последние два месяца... тайные общества в достаточной мере обеспокоены и запуганы». 21 января 1842 г. «Тайные общества, очень напуганные, все же ведут разговоры о своей реорганизации». 23 января 1842 г. «Тайные общества, очень напуганные, очень дезорганизованные, имеют фанатиков лишь среди коммунистов, которые... остаются еще достаточно многочисленными и по-прежнему весьма экзальтированными». 30 января

1842 г. «Несколько вожаков тайных обществ имели встречу и надеются реорганизовать свою партию, за последнее время весьма напуганную и весьма пошатнувшуюся». 27 февраля 1842 г. «Продолжаются собрания вожаков тайных обществ, которые ищут способ, чтобы осуществить реорганизацию». 20 марта 1842 г. «Сегодня ночной дозор в квартале Тампля арестовал на месте преступления лиц, расклеивавших афиши поджигательного характера и оскорбительные для особы короля; эти люди, принадлежащие к рабочему классу, были переданы в руки правосудия». 25 марта 1842 г. «Реформисты и коммунисты очень дезорганизованы, и им очень трудно вновь объединиться». 15 апреля, 1842 г. «Лица, примыкающие к тайным обществам, пытаются объединиться и склонить своих сторонников к прежним проектам беспорядков». 18 апреля 1842 г. «Продолжаются собрания коммунистов и других членов республиканских обществ; они продолжают пытаться провести реорганизацию, воздействовать на рабочий класс и подстрекать к волнениям». 24 апреля 1842 г. «Тайные общества продолжают стремиться к реорганизации, но не могут достигнуть этой цели; на этих днях в различных группах была зачитана директива, призывающая к слиянию различных течений и объединению фракций». 29 апреля 1842 г. «Тайные общества вновь собрались и выпустили новую директиву в связи с первым маем; этот свирепый и поджигательный документ преследует цель сплотить различные фракции этих обществ». 19 мая 1842 г. «Тайные общества непрерывно суетятся, чтобы добиться реорганизации, но не могут достичь этого». 26 июня 1842 г. «За последние дни тайные общества собираются чаще и по-прежнему стремятся объединиться. До настоящего времени в атом отношении пет ничего внушающего беспокойство». 2 июля 1842 г. «У виноторговцев и среди групп, состоящих из лиц низших классов, теперь больше говорят о политике». 12 сентября 1842 г. «Лица, входящие в состав тайных обществ, продолжают собираться и обдумывать пагубные проекты, которые, однако, не вызывают беспокойства». 28 сентября 1842 г. «За последние дни состоялось несколько собраний тайных обществ, на которых присутствовал делегат от департамента Изер. Эти собрания преследовали цель договориться об отдаленном будущем, поскольку теперешнее состояние упадка этих обществ не дает им никакого шанса предпринять что-либо в настоящее время». 5 октября 1842 г. «Снова начинают распространять среди рабочего класса очень опасные сочинения, содержащие нападки па собственность, и подрывные идеи, направленные против существующего общественного строя». 14 октября 1842 г. «Тайные общества продолжают время от времени устраивать собрания, на которых обсуждают проекты анархии и беспорядков». 1 ноября 1842 г. «Среди тайных обществ вновь наблюдается оживление; они реорганизуются и разрабатывают пагубные проекты». 28 ноября 1842 г. «Снова наблюдается значительное возбуждение среди тайных обществ, ведущих активную пропаганду как в Париже, так и в департаментах». 6 декабря 1842 г. «Вожак тайных обществ продолжают собираться довольно часто и намечать зловещие планы». 14 декабря 1842 г.

«Значительное количество зловредных сочинений распространяется среди низших классов, которых хотят увлечь анархическими идеями». 19 января 1843 г. «Тайные общества по-прежнему стремятся реорганизоваться и вербовать новых последователей». 29 января 1843 г. «Лица, принадлежащие к тайным обществам, продолжают видаться и проявляют большую ненависть к общественному строю в том виде, в каком он существует». 6 февраля 1843 г. «По-прежнему происходят частые собрания коммунистов, активно занимающихся вербовкой новых членов в свои тайные общества и подстрекающих их к анархии и фанатической преданности идеям беспорядка и ниспровержения». 15 апреля 1843 г. «За последние пятнадцать дней тайные общества проявляют необычайную активность; собрания стали более частыми; увеличился прием новых членов». 17 апреля 1843 г. «Сегодня утром определенное число лиц, принадлежащих к тайным обществам, должны были собраться около Менильмонтана на банкет, имевший целью воодушевить их последователей; их обнаружили и за ними последовали, так что они вынуждены были рассеяться до того, как им удалось собраться». 26 апреля 1843 г. «Различные фракции тайных обществ продолжают общаться». 13 июня 1843 г. «По-прежнему замыслы беспорядков и анархии среди тайных обществ, поддерживающих сношения со своими единомышленниками в департаментах». 18 июня 1843 г. «Большое возбуждение наблюдается среди лиц, входящих в состав тайных обществ, вожаки которых стремятся их объединить». 21 июня 1843 г. «Существует также скрытое возбуждение среди тайных обществ; за последние дни главные руководители видятся более часто и рекомендуют своим приверженцам держаться организованно». 26 августа 1843 г. «Несколько краснобаев, проповедующих Общность, собирались в последние вечера на Жеврской набережной: они были легко рассеяны несколькими полицейскими». 14 сентября 1843 г. «Тайные общества продолжают активно подстрекать низшие классы и вести пропаганду среди рабочих; коммунизм распространяется среди значительного числа рабочих». 20 октября 1843 г. «Дурные страсти, однако, существуют и проявляют себя, пытаясь возбудить низшие классы, обещая им лучшую участь после социального переворота».

Рассматривая все эти выдержки, нельзя не заметить их весьма абстрактный характер — в них говорится о тайных обществах вообще, без какого-либо их обозначения, не называются имена их «вожаков». Это объясняется не только тем, что в своих ежедневных сводках Делессер давал лишь обобщенные сведения, но, очевидно, и тем, что он и сам подчас не располагал более конкретной информацией. Нельзя также не учитывать и того, что под тайными обществами власти подразумевали не только коммунистические, но и различного рода республиканские нелегальные организации. Все же донесения префекта полиции рисуют примерно следующую картину. В первые месяцы 1842 г. тайные общества переживали кризис и были дезорганизованы. Но уже со второй половины этого года их деятельность вновь оживляется, а в 1843 г. принимает довольно широкие масштабы, причем вожаки парижских нелегальных

организаций вновь устанавливают связь со своими единомышленниками в департаментах. Возобновляется и коммунистическая пропаганда. Уже в октябре 1842 г. Делессер отмечал, что среди рабочих вновь распространяются сочинения, содержащие нападки на собственность и существующий общественный строй. В 1843 г. он уже констатировал широкое распространение коммунистических идеи «среди значительного числа рабочих» в связи с активной пропагандой тайных обществ. Среди рабочих не только распространялись различные «подрывные публикации», но и снова велась устная пропаганда: вновь на Жеврской площади, где обычно по вечерам собирались рабочие, выступали «краснобаи», проповедовавшие общность. К этому следует добавить, что из приведенной в предыдущей главе статьи «Фратерните» «О лучшем способе пропаганды коммунистической доктрины» мы знаем, что уже в 1842 г. тайные общества снова распространяли различные листовки за подписью «рационалисты».

Донесения Делессера свидетельствуют, однако, что хотя различные подпольные группы и сносились друг с другом и их «вожаки» встречались, чтобы добиться объединения многочисленных фракций, но все эти попытки воссоздания какой-либо сплоченной организации не дали никаких положительных результатов. В этой связи следует сказать следующее. Еще с 1839 г., после разгрома Общества времен года, была, пользуясь терминологией де ла Одда, создана новая «большая ассоциация» под названием Новое общество времен года во главе с Дурилем. Именно на базе этой «большой ассоциации» и возникло Общество трудящихся-эгалитариев. Видимо, однако, это общество, носившее коммунистический характер, никогда полностью не совпадало с «большой ассоциацией», тем более после оформления двух его «фракций», а вернее, двух, фактически друг от друга независимых тайных обществ — «эгалитариев» и «коммунистов». Это видно хотя бы из того, что эти общества насчитывали вместе всего 450–500 членов, в то время как в «большую ассоциацию» в целом входило до 1500 человек. Эта «большая ассоциация» формально продолжала существовать как своего рода конгломерат различных коммунистических и республиканских подпольных группировок.

По утверждению де ла Одда, в конце 1842 г. Дуриль, решивший отказаться от активной политической деятельности, покинул свой пост, и руководство «большой ассоциации» перешло в руки четырех революционных агентов, одним из которых был он сам⁴. В руководящий состав «Нового общества времен года» входили как коммунисты, так и республиканцы-демократы, что видно хотя бы из того, что вскоре в ее руководящий комитет в качестве итого члена вошел не кто иной, как известный мелкобуржуазный демократ Флокон. Главное же заключалось том, что эта «большая ассоциация» никогда, а тем более теперь, не являлась единой, монолитной организацией. Фактически существовали многочисленные «фракции», многочисленные подпольные группы, как реформистские, так и коммунистические. Такова была реальная картина сложившегося положения, которая и нашла свое отражение в донесениях

Делессера.

О деятельности подпольных коммунистических групп мы можем судить по имевшим место в эти годы арестам и судебным процессам. В номере от 11 сентября 1842 г. «Попюлер» под заголовком «Обвинение в принадлежности к тайному обществу» сообщал следующее: «В начале июня полицией был произведен обыск на квартирах 12 или 14 рабочих; полиция изъяла книги и брошюры и арестовала некоторых из них. Их обвиняли в принадлежности к тайным коммунистическим обществам, и предлогом для этого обвинения было то, что полицейские агенты, переодетые в рабочих и буржуа, видели, как они вели устную пропаганду на набережных, поблизости от Гревской площади. Допрошенные следователем, некоторые отрицали, а другие сознались в этом (т.е. в ведении устной пропаганды. — А.И.), как и в том, что они являются коммунистами; но все утверждали, что они не принадлежали к какому-либо тайному обществу и что ни тот факт, что они коммунисты, ни найденные у них коммунистические книги, ни их беседы на коммунистические темы со своими товарищами не доказывают обвинения в ассоциации». Отсутствие прямых улик, подтверждающих принадлежность арестованных к тайному обществу, вынудило в конце июля соответствующую судебную инстанцию отказаться от привлечения их к судебной ответственности⁵.

Однако еще до этого были произведены и другие аресты, в результате которых был организован довольно большой судебный процесс. Еще 4 мая полиция произвела обыск на квартирах портного Ори, портнихи Мерар, каретника Фере, виноторговца Ламбрена, трактирщика Консидера, Бленвилена, слесаря Гредаша и ряда других лиц. У Ори были найдены порох, пули и воспламеняющиеся вещества, у девицы Мерар — порох, пули, патроны и два пистолета, у Фере — порох. Все они были арестованы, как и свыше 20 других лиц, включая жену Ори, жену Гредаша, а также Консидера. После длительного предварительного заключения, от 61 до 97 дней, многие из арестованных, в частности женщины, содержавшиеся в тюрьме в кошмарных условиях, среди проституток и воровок, были выпущены на свободу, другие же преданы суду. Суд первой инстанции приговорил 24 августа Ори и Фере к 18-месячному тюремному заключению и 3000 франков штрафа, а Бленвилена — к двухлетнему тюремному заключению и штрафу в 1000 франков⁶; 6 и 7 октября 1842 г. Королевский суд в Париже рассмотрел в кассационном порядке дела пяти лиц: портного Ори, 35 лет, каретника Фере, по прозвищу Мустах, 38 лет, сапожника Понселе, 38 лет, девицы Апполин Мерар. 21 года, Бленвилена, называемого Муре. Все они обвинялись в изготовлении пороха и хранении оружия. Из отчета об этом процессе, опубликованного в «Газет де трибюно»⁷, мы узнаем прежде всего, как полиция напала на след обвиняемых. «Фужерэ, связанный с покушением 13 сентября 1841 г., заявил, что он имеет сведения об обществе, учрежденном с целью разжигать беспорядки и организовывать восстания, нападая на казармы... Фужерэ заявил, что он узнал о существовании этого общества от своего сообщаемого Консидера».

Итак, обыски у Ори и других лиц были произведены по доносу Фужерэ, члена общества «эгалитариев», одного из обвиняемых по делу Кениссе. Далее из этого отчета мы узнаем и следующее. Мерар открыто заявила на допросе, что она коммунистка. У Ори была найдена коммунистическая литература, в том числе брошюры Пийо, и он вынужден был признать, что присутствовал на коммунистическом банкете в Бельвиле. У Фере (Мусташа) также была найдена коммунистическая литература, и он также принимал участие в Бельвильском банкете. Таким образом, совершенно несомненно, что обвиняемые по этому делу были коммунистами и что мы имеем дело с одной из коммунистических подпольных групп. Недаром она была раскрыта по доносу Фужерэ, и недаром в этой связи был арестован и старый подпольщик Консидер, привлекавшийся к судебной ответственности еще по делу Дармеса. В 1843 г. властям вновь удалось раскрыть подпольную коммунистическую организацию в связи с так называемым «делом улицы Пастурель». Первые сообщения об этом деле мы находим в донесениях префекта полиции. 16 сентября 1843 г. Делессер в своей ежедневной сводке писал: «Получив сведения, что несколько лиц, принадлежащих к одной из фракций тайных обществ, должны были собраться вчера вечером на улице Пастурель у одного виноторговца и что там должна была быть зачитана анархическая директива, мы дали приказ об их аресте. Действительно, когда в 10 часов вечера комиссары полиции и полицейские проникли в указанное помещение, они нашли там несколько лиц, принадлежащих к рабочему классу, которые читали печатную директиву; во время их ареста была захвачена и эта бумага, а в результате обысков у этих лиц были изъяты различные списки, письма, оружие, боеприпасы, которые были переданы органам правосудия. Все арестованные, числом 15 человек, являются членами тайных обществ. Среди них некоторые уже привлекались к ответственности в связи с делами аналогичного рода». Пять дней спустя, 21 сентября, Делессер сообщал: «Получив сведения, что у одного лица имеется подпольный печатный станок, используемый для печатания директив тайных обществ, мы приняли меры, чтобы его захватить; эта операция полностью удалась, и мы передали в руки правосудия человека, печатавшего эти директивы, а также печатный станок и многочисленные шрифты, печатную форму с набранной директивой и ряд отпечатанных директив, зачитанных в течение последних месяцев на собраниях различных фракций тайных обществ»⁹.

18 сентября 1843 г. прокурор департамента Сены направил генеральному прокурору письмо с подробным изложением «дела улицы Пастурель». Сообщая, что поскольку префект полиции имел сведения, что ряд лиц, принадлежащих к тайным обществам, собираются у виноторговца Паризо на улице Пастурель, и поэтому 25 сентября были приняты меры для их ареста, он далее продолжал: «Три комиссара полиции отправились в заведение Паризо, и в одной комнате, расположенной в глубине лавки, они застали шесть человек, сидевших за столом: один из них держал в руке бумагу, которую он скомкал и бросил

под стол, когда увидел, что вошли представители власти; те поспешили поднять эту бумагу и увидели, что это была нелегально напечатанная директива тайных обществ... Эти шесть индивидуумов были тотчас арестованы, и первые же допросы показали, что они уже несколько раз собирались в той же таверне, что обычно их бывало больше и что в этот день ожидался приход еще других лиц». Арестованы были следующие участники собрания: Адольф Шеню, 27 лет, сапожник; Альфонс-Батист Кателье, 47 лет, бывший военный; Шарль-Эжен Детис, 26 лет, рабочий-ювелир; Николя-Франсуа-Эдуар Детис, 27 лет, щеточный мастер; Луи Пиро, 28 лет, рабочий-жестяник; Огюст Лот, 26 лет, шляпник. Вместе с ними был арестован и Паризо. «Адольф Шеню, который сперва отказался назвать свое имя, был тем самым лицом, который держал в руках директиву. На его квартире немедленно был произведен обыск, в результате которого были изъяты три пистолета, сабля, некоторое количество пороха, пуль и пистонов, а также знамя со следующей надписью: "Республика. Свобода. Равенство. Общее счастье". У него нашли также в потайном выдвижном ящике еще одну директиву тайных обществ, два письма, написанных Кателье: одно — самому Шеню, другое — члену комитета; формуляр приема в общество, изложенный приблизительно в тех же выражениях, как и те, которые уже известны, и, наконец, список, состоящий из 16 имен, среди которых фигурируют имена всех шести лиц, арестованных у Паризо». Все лица, перечисленные в этом списке, были также арестованы, и у всех был произведен обыск. «У многих нашли журналы, брошюры, песни, рукописи, свидетельствующие о характере их идей и их политических пристрастий». У Кателье были найдены также и боеприпасы. «Цель общества, некоторые члены которого только что арестованы, та же, как и у других ассоциаций такого рода, которые возникли одна за другой, начиная с Общества прав человека, к которому Шеню принадлежал, еще будучи отроком, — а именно «Опровержение правительства насилием, с помощью оружия». Прокурор выражал также опасение, что заговорщики замыслили и покушение на короля»¹⁰.

Относительно подпольной типографии, печатавшей директивы тайных обществ, мы находим в Национальном архиве письмо на имя министра юстиции от 22 сентября 1843 г.¹¹ из которого выясняется, что владельцем этой типографии был Пьер-Феликс Бекер, проживавший по улице Сен-Дени, № 328. Сама же типография помещалась на улице Герен-Буассо, № 41. Немедленно арестованный Бекер признал, что он печатал эти «анархические пасквили» начиная с июля 1842 г., но категорически отказывался назвать лиц, с которыми он в этой связи поддерживал контакт.

Нам известен также текст директивы, которую зачитывал Шеню в момент ареста, и найденного у него «формуляра» приема в общество, поскольку эти два документа были опубликованы в «Газет де трибюно» в отчете о судебном процессе¹². Директива, датированная 29 августа 1843 г., была посвящена актуальному в те дни вопросу о регентстве. После смерти наследника престола герцога Орлеанского будущим регентом, в

случае смерти короля, до совершеннолетия его внука, графа Парижского, был назначен палатой депутатов другой сын Луи-Филиппа, герцог Немурский, не пользовавшийся во Франции никакой популярностью. В директиве указывалось, что молодой человек, которого депутаты хотят поставить у власти после смерти тирана, был известен до настоящего времени своей спесью и высокомерием. Теперь, чтобы снизить себе популярность, он отправился в поездку по западным департаментам. Там ему был организован торжественный прием. «Бесстыдные куртизаны бросились навстречу королевскому празднующемуся и не дали ему увидеть за своими радостными лицами мрачные взоры народа, за своими позолоченными одеждами — печальные лохмотья нищеты. Впрочем, если бы даже ему были бы выставлены напоказ страдания народа, разве он облегчил бы их? Не поспешил бы он вдыхать муниципальный фимиам, чтобы не чувствовать запах нищеты, и укрыться в каком-нибудь позолоченном дворце, чтобы не видеть ужасных лачуг людей труда?» Предсказывая грядущую бурю, которая сметет всех тиранов, директива заканчивалась следующими словами: «Граждане, в ожидании великого часа освобождения и социального возрождения, сохраните то же рвение, дисциплину и доверие... Революционная армия растет ежеминутно... да здравствует республика!» «Формуляр» приема в общество состоял из 16 вопросов и ответов. Наряду с обычными клятвами посвятить всю свою жизнь борьбе за святое дело народа, выйти сражаться по первому же зову, ничего не разглашать и тому подобное, мы находим там и следующие вопросы и ответы. «Являешься ли ты республиканцем? — Да». «Ты хочешь содействовать лишь политической революции? — Нет, я хочу также, чтобы была осуществлена радикальная и эгалитарная социальная реформа».

Между тем аресты продолжались; 27 сентября «Газет де трибюно» сообщила в хронике: «Полиция произвела новый арест, связанный с коммунистическим заговором. Арестован Жан-Батист-Анри Дуриль, литератор»¹³. Следует, однако, сказать, что полиция, арестовывая лиц по косвенным уликам, так и не смогла до конца раскрыть!, всех подлинных участников обнаруженной подпольной организации. Мы имеем основание сделать этот вывод, исходя из следующего факта. Адольф Шеню в книге, опубликованной в 1850 г., рассказывая о «деле улицы Пастурель», сообщает, что он в то время общался с Альбером, Дютертом и Луи Гере и что именно последний принес к нему на дом на хранение мешок с оружием и боеприпасами, который и был найден у него во время обыска¹⁴. Все трое лиц, перечисленных Шеню, были старыми членами тайных обществ, а Дютерт и Луи Гере входили в 1840 г. в состав подпольного руководящего комитета Общества коммунистов. Но полиция так ничего и не узнала об их связи с Шеню, и никто из них не был арестован.

Пресса сразу же широко откликнулась на новое дело: 1 октября «Попюлер» опубликовал большую статью под заглавием «Измышления о новом коммунистическом заговоре в Париже»¹⁵.

Рассказывая об имевших место арестах и обысках, газета подчеркивала стремление властей раздуть это дело и приводила даже слухи о намерении передать его на рассмотрение суда пэров. В этой связи газета заявляла: «Нам кажется очевидным, даже судя по официальным сообщениям, что не было никакого заговора или заранее принятого решения действовать и что лучшим случае речь может идти о тайном обществе». Несомненно также, что полиция знала о существовании этого общества и могла бы еще раньше арестовать его членов, но нарочно держала их как бы в клетке, чтобы взять их в удобное для нее время.

Далее газета полемизировала с высказываниями ряда органов печати. Так, сообщая о произведенных арестах, «Газет де трибюно» писала: «Все эти лица принадлежат к рабочему классу: большинство из них не имеет средств к существованию и давно отказывается работать, что может объяснить их приверженность принципам коммунизма, которые все они, по-видимому, исповедуют». Итак, заявлял «Попюлер», по мнению «Газет де трибюно», чтобы быть коммунистом, нужно быть нищим и бездельником. «Вот как клеветают на трудящиеся классы Франции и Европы, на коммунизм». Столь же резко в статье осуждались высказывания издававшейся в Нанте влиятельной провинциальной газеты «Националь де л'Уэст», называвшей заговорщиков «людьми без средств и без интеллекта, преследующих цель, ведущую лишь к нелепости», и утверждавшей, что поэтому нечего опасаться секты коммунистов. «Кто дает кому-либо право трактовать цель коммунизма как нелепость?.. Вот как обманывают относительно коммунизма Францию и Европу».

Следствие по «делу улицы Пастурель» заняло свыше двух месяцев. Лишь 30 ноября прокурор известил министра юстиции о предании суду по обвинению в участии в нелегальной ассоциации, хранении оружия и владении подпольной типографией Дуриля, Бекера, Шеню и их соучастников¹⁶. Процесс состоялся 12–19 декабря в восьмой палате Уголовного трибунала Парижа¹⁷. Перед судом предстало 11 человек: Дуриль, Эжен Детис, Никола Детис, Сиро, Кателье, Шеню, Л'От, Жарески, Бирле, Бекер, Паризо.

Допросы обвиняемых и свидетелей установили следующие дополнительные факты. Прежде всего выяснилось, что Бекер печатал «директивы» только с июля 1842 по февраль 1843 г. и что, следовательно, последняя «директива», помеченная 29 августа 1843 г., которую зачитывал Шеню в момент ареста, была отпечатана в каком-то другом месте. Далее, эксперты полагали, что рукописные поправки на корректуре одной директивы, найденной у Бекера, написаны рукой Дуриля, хотя последний и отрицал это. В этой связи интересно и выступление адвоката Дуриля Эманюэля Араго. Свою защиту он строил на том, что Дуриль не является коммунистом и, следовательно, не может быть автором напечатанных Бекером директив. «Действительно, — указывал он, — если Дуриль не является коммунистом, он не может быть автором вменяемых ему в вину директив, которые носят эгалитарный и коммунистический характер». Это заявление интересно по следующей причине. У Бекера было найдено 9 из 13–14 отпечатанных им директив,

которые до нас не дошли. Из заявления Араго ясно, однако, что все эти директивы выражали коммунистическую идеологию, были составлены в коммунистическом духе.

В своей обвинительной речи прокурор витиевато разглагольствовал о врагах существующего общества, заинтересованных в новой революции, проповедующих «самые абсурдные теории», отрывающих обманутых ими людей от их мирного труда, чтобы превратить их в заговорщиков; он утверждал, что рабочий класс начинает видеть западню, которую ему расставляют, и призывал судей «защитить рабочих от анархического прозелетизма». Суд охотно пошел навстречу домогательствам прокурора. Трибунал счел установленным, исходя из текстов захваченных у Бекера директив, наличие нелегальной политической ассоциации, руководимой комитетом и разделенной на секции или группы, которых было не менее 20, собиравшихся не реже одного раза в месяц и знакомившихся с очередными директивами и приказами. Суд приговорил Шеню и Кателье к двухлетнему тюремному заключению, Дуриля и Бекера — к одному году тюрьмы, Л'Ота, Сиро. Николя и Эжена Детисов — к двухмесячному заключению; лишь Паризо, Бирле и Жарески были оправданы.

Если исходить из приговора трибунала, раскрытая группа была лишь одной из секций более обширной нелегальной политической организации. Действительно, печатные директивы, очевидно, исходили от продолжавшей существовать «большой ассоциации», которую Дуриль возглавлял до конца 1842 г. Именно поэтому он и был привлечен к судебной ответственности. Заключение экспертов, что поправки на одной из директив были сделаны рукой Дуриля, возможно, было вполне справедливым. То обстоятельство, что все эти директивы носили, по словам Араго, «эгалитарный и коммунистический характер», отнюдь не исключает его участия в их составлении. В нашей предыдущей работе мы уже отмечали, что общественно-политическое лицо Дуриля было в достаточной мере неопределенным. Многие, как и Араго, считали его просто-напросто реформистом. Но факт остается фактом, что именно на базе возглавляемого им тайного общества «Новые времена года» было создано в 1840 г. Общество трудящихся-эгалитариев с чисто коммунистической программой и что он сам подчас открыто высказывался за социальное равенство, о чем свидетельствовал, например, его тост на демократическом банкете в 11-м округе Парижа. Поэтому и в 1842 г., и даже еще в 1843 г., после ухода Дуриля, директивы «большой ассоциации» продолжали связывать грядущую политическую революцию с переустройством общества на основе равенства. Даже в директиве от 29 августа 1843 г. говорилось о «великом часе освобождения и социального возрождения». В найденном «формуляре» прямо указывалось на необходимость не только политической революции, но и радикальной, эгалитарной социальной реформы.

Во всяком случае, раскрытая в связи с «делом улицы Пастураль» подпольная группа носила коммунистический характер. Недаром на ее знамени было начертано не только «Республика. Свобода. Равенство», но

и коммунистический лозунг «Общее счастье». Поэтому вся пресса рассматривала «дело улицы Пастураль» как новый «коммунистический заговор» и вновь обсуждала причины распространения коммунизма среди рабочего класса, а прокурор призывал «защищать рабочих» от проповедуемых «самых абсурдных теорий». Более того. Если верить составленному четыре года спустя, в 1847 г., обвинительному заключению по делу «коммунистов-материалистов», именно ликвидация подпольной коммунистической группы, связанной с «делом улицы Пастурель», и привела к окончательному распаду Общества трудящихся-эгалитариев, под которым явно подразумевалось не первоначальное общество, а тайное общество «эгалитариев», сохранившее прежнее название. В этом документе на основании показаний Шабана утверждалось, что Общество трудящихся-эгалитариев «было распущено в конце 1843 г. в результате ареста одной из его секций у виноторговца на улице Пастурель и приговоров, вынесенных его главным членом»¹⁸. Судя по этому, подпольная коммунистическая группа, арестованная в связи с «делом улицы Пастурель», была одной из секций «трудящихся-эгалитариев», разгром которой и привел к окончательному распаду или, если верить Крузе, «добровольному роспуску» их общества. Отдельные коммунистически! подпольные группы продолжали, однако, существовать, формально примыкая к «большой ассоциации» или Новому обществу времен года.

II

Икарыйский коммунизм получил к тому времени широкое распространение по всей Франции. Свидетельством этого являются многочисленные обращения икарыйцев из самых различных городов и департаментов, публиковавшиеся в «Попюлере». Среди них мы находим обращения из Лиона, Тулузы, Марселя, Руана, Нанта, Ниора, Живора, Периге, Реймса, Тура, Виенна, Мирекура, Мюлуза, Безансона, Ренна, Гренобля, Альби, Тулона и многих других городов¹⁹. В октябре 1844 г. журнал утверждал, что во Франции имеется примерно 100000 коммунистов и что минимальное их число — 4000020. Икарыйские организации играли, несомненно, положительную роль в распространении в самых различных районах Франции коммунистических идей.

Не следует однако полагать, что все они стояли на ортодоксальных позициях Кабе. Многие икарыйцы вовлекались в революционное движение, а некоторые икарыйские организации служили лишь ширмой для деятельности различных, подпольных коммунистических ячеек. Кабе, долгое время питавший иллюзии о беспрекословной верности ему и его мирной тактике всех без исключения икарыйцев, вынужден был в конце концов убедиться в истинном положении вещей, опубликовав в «Попюлере» следующее «извещение»: «Чем больше успехов добывается икарыйский коммунизм, тем больше его враги неистовствуют, чтобы его скомпрометировать и погубить. А его главные враги — эгоисты-революционеры... Эти безумные люди, чтобы нас погубить, прибегают к самым нелояльным маневрам, лжи и вероломству. Они говорят, например, что Кабе является их вожаком, что это он их организовал и

руководил ими, что половина икарийцев согласна с ними... Многие даже откровенно признают, что, хотя и будучи материалистами, ультракоммунистами, ультрареволюционерами, они называют себя икарийцами, чтобы увлечь за собой простофиль и чтобы в случае неудачи все сбросить на голову икарийцев»²¹. Кабе пришел к этому выводу лишь в 1847 г., но это было характерно и для всех предыдущих лет.

Одним из главных центров икарийского коммунизма была Тулуза. Следует сказать, что коммунистическая пропаганда в Тулузе и окрестных городах велась давно и в ней участвовали не только икарийцы. Еще 25 января 1842 г. тулузский прокурор писал министру юстиции: «Крамольное сочинение было в изобилии распространено в городе Алби в ночь с 22 на 23 текущего месяца. Это сочинение изложено в форме письма, помеченного 1 ноября 1841 г. и адресованного неким рабочим Парижа некоему рабочему из провинции. Его подсовывали под дверь во многих домах, в том числе в магазинах и мастерских. Это изложение коммунистических доктрин, по форме умеренное, в котором тем не менее проповедуется ниспровержение правительства и потрясение общества»²². В самой Тулузе возникла довольно многочисленная икарийская организация, которая вела широкую пропаганду, распространяя, в частности, «Попюлер» и сочинения Кабе. Во главе нее стоял Адольф Гуэнан (Gouhenant), живописец по профессии.

О тулузских икарийцах подробные и очень интересные сведения сообщает де ла Одд. «Доктрина г.Кабе, распространяемая журналом "Попюлер", многочисленными брошюрами и множеством коммивояжеров, привлекла прозелитов в департаментах Верхняя Гаронна, Од и Дордонь. В Тулузе имелаась икарийская церковь, отличавшаяся примерным рвением, быть может чересчур примерным, потому что она отклонялась от догм, говоря о необходимости подкрепить проповедь ружейными выстрелами. Это было вызвано не духом неповиновения учителю, а весьма естественным нетерпением ускорит торжество дела, приобщить Францию и мир к блаженствам Икарии. Главой этих немногих чересчур торопливых коммунистов был живописец по имени Гуэнан, красноречивый, необузданный, типичный южный энтузиаст. Его побудили нарушить существующие правила откровения прибывшего из Парижа г.Лапоннере, уполномоченного будто бы передать новые инструкции... Последний, выдавая себя за одного из маршалов эгалитарной республики в Париже, заявил, что он имеет в своем распоряжении 12 предместий, не считая пригородов, и может дать своим братьям истинное представление о сложившейся ситуации. Несомненно, Икария это нечто величественное, но граждане Тулузы должны знать, что мирный кабетизм обогнали коммунисты действия, которые — уверенные в себе, поскольку они обладали двойной силой: принципа и традиции, — готовятся вступить в бой и несомненно восторжествуют. Тулузцы должны решить, хотят ли они пребывать в неподвижности, в то время как их братья выступают для завоевания будущего. Целью его пафоса было убедить, что коммунисты-революционеры составляют большинство в Париже и что нужно присоединиться к г.Лапоннере, их представителю, и бросить г.Кабе.

который превратился в отсталого человека. Это сообщение Лапоннере внесло большое смятение в ряды икарийцев. В конце концов решили остаться верными Икарии, но в то же время вступить в сношение со сторонниками вооруженной силы. Однако прошло несколько месяцев, а от Лапоннере не поступало из Парижа никаких известий. Икарийцев охватило беспокойство. Тулузцы и их братья из окрестностей собрались на большой совет, и было решено послать в Париж эмиссара, чтобы узнать истинное положение вещей». Эта миссия была поручена молодому человеку Л'Эретье, который по прибытии в столицу отправился не к кому иному, как к самому де ла Одду, поскольку в свое время служил с ним в одном полку. Последний сразу сообщил ему, что Лапоннере не был тем, за кого он себя выдавал, что у него не было и тридцати сторонников в столице, что в Париже не существовало никакой организации, способной взяться за оружие, что революционеры, готовые на немедленные действия, составляли лишь незначительный батальон, а коммунисты различных сект — лишь ничтожные фракции. Эти известия, привезенные Л'Эретье, повергли икарийцев в полное отчаяние, и они стали проклинать Лапоннере. Когда же королевский прокурор счел необходимым умерить рвение наиболее пылких из них, заключив их тюрьму, то они вновь протянули руки к своему отцу Кабе, взывая о помощи²³.

Таков рассказ де ла Одда. Упомянутый им арест тулузских икарийцев привел к громкому судебному делу. Процесс тулузских коммунистов, состоявшийся в конце августа 1843 г., дает возможность проверить сведения, сообщаемые де ла Оддом, которые, в свою очередь, помогают уточнить некоторые детали событий, происшедших в Тулузе.

Чтобы судить об этом деле, мы имеем в нашем распоряжении следующие материалы: 1) статью в «Попюлере» «Мнимый коммунистический заговор в Тулузе», подробно излагающую обстоятельства этого дела, опубликованную 19 августа 1843 г., т.е. еще до начала самого процесса²⁴; 2) очень детальный отчет об этом процессе, опубликованный в «Газет де трибюно»²⁵; 3) книжку, изданную Кабе в сентябре этого года, «Процесс над коммунизмом в Тулузе»²⁶, в которой приводятся подробные выдержки из выступлений обвиняемых, защитников, письма Гуэнана и самого Кабе прокурору и тому подобные материалы; 4) наконец, в Национальном архиве имеется особое дело, посвященное этому процессу²⁷. В нем содержатся документы, исходившие от прокурора и следователя, переписка с министерством юстиции по поводу процедурных вопросов, информация о ходе процесса. Все эти материалы дают возможность составить детальное представление об этом деле тулузских коммунистов, которое мы постараемся изложить возможно сжато, не вдаваясь в излишние подробности.

15 января 1843 г. в Тулузе состоялся банкет, на котором присутствовало от 30 до 40 лиц во главе с Гуэнаном. На этом банкете присутствовал также прибывший накануне из Парижа Лапоннере. После банкета Гуэнан и Лапоннере вместе с корреспондентом «Попюлера» в Ажене Дюбором отправились в поездку по южным департаментам. В

Кондоме Лапоннере расстался с Гуэнаном. Он отправился в Париж, а тот — в Ажен. В ночь с 26 на 27 января Гуэнан был арестован в Ажене. Затем было арестовано еще семь человек, и вскоре число лиц, привлеченных к ответственности, достигло 55. Все эти данные подтверждают свидетельство де ла Одда о связях Гуэнана и тулузских икарийцев с Лапоннере.

Лапоннере, начавший свою общественно-политическую деятельность еще в 30-х годах, был основателем журнала «Интеллижанс», где и опубликовал свою известную статью «Бабеф и его система». Критикуя грубую уравнильность Бабефа, он в то же время писал: «Будем же бабувистами, но бабувистами прогрессивными; примем безоговорочно идеи Бабефа, но не как последнюю трансформацию, не как последний вывод из демократического принципа... а как отправной пункт новой эры». Лапоннере поддерживал связи и с Бланки, так что последний накануне майского восстания 1839 г. включил его имя в список членов будущего революционного правительства. Нам мало что известно о деятельности Лапоннере в начале 40-х годов, но, очевидно, он поддерживал связи с революционно-коммунистическими кругами и даже стоял во главе какой-то группы своих сторонников, число которых де ла Одд определял в три десятка. Это не мешало ему публиковать статьи в «Попюлере». Так, в ответ на запрос Кабе он опубликовал там статью «История журнала "Интеллижанс"», в которой, в частности, писал: «"Интеллижанс" никогда не признавал себя коммунистическим органом, так как считал несвоевременным делать это тогда, но идеи и принципы, которые он развивал, вели прямо к Общности»²⁸.

Итак, как видим, Лапоннере действительно поддерживал сношения с тулузскими коммунистами и посещал Тулузу. Между рассказом де ла Одда и известными нам фактами имеется, однако, следующее противоречие. По словам де ла Одда, несколько месяцев спустя после поездки Лапоннере в Тулузу местные икарийцы, не получая от него никаких известий, послали в Париж эмиссара, который и выяснил истину. Между тем мы знаем, что Гуэнан и его сообщники были арестованы сразу же после январского банкета с участием Лапоннере. Одно из них: или посылка этого эмиссара была осуществлена после ареста Гуэнана и без его участия, или же, вопреки утверждению де ла Одда, тулузские икарийцы так и не порвали с Лапоннере, и в январе 1843 г. он посетил Тулузу не в первый, а во второй раз. Вернее, однако, первое предположение.

О причине ареста тулузских коммунистов в постановлении об их предании суду говорилось следующее: «Уже в течение длительного времени в Тулузе существовало тайное общество, называемое коммунистическим, чьи принципы включали отрицание всякой религиозной веры и права собственности. Его главой был А. Гуэнан, живописец, несколько лет проживающий в Тулузе, активный приверженец коммунистических доктрин и искусный пропагандист». Кроме главного центра в Тулузе, он учредил секции в различных местах, создав таким образом обширную организацию, получившую название Южное

отделение, аналогичное Центральному и Северному отделениям, существовавшим в Лионе и Париже, с которыми он поддерживал непосредственную связь. Главным методом Гуэнана было распространение среди рабочего класса через своих агентов журнала «Попюлер» и коммунистических брошюр Кабе. «Когда ему удалось прочно установить свое влияние на рабочий класс, он отказался от мирных путей, провозглашаемых в сочинениях г. Кабе, и, развернув знамя республиканизма, высказался за насильственные средства для борьбы с существующим образом правления как способные привести быстрее к общности, конечной цели ассоциации».

В обвинительном заключении все эти выводы следствия излагались еще более подробно. С июля 1841 г. в Тулузе существовало общество коммунистов. Хотя его главари, чтобы лучше обеспечить ему успех, заверяли, что они хотят добиться своей цели лишь мирными путями, на самом деле его приверженцы намерены были бороться против существующего общественного строя насильственными средствами. Гуэнан, руководивший коммунистами Тулузы и соседних городов, пользовался большим влиянием, особенно среди рабочего класса. Переписываясь с Кабе и распространяя его издания, он в то же время поддерживал активные связи с людьми, известными своими революционными убеждениями, в частности с Жаком Эмбером, осужденным еще в апреле 1834 г. за участие в антигосударственном заговоре, с Лапоннере, известным своими крамольными доктринами,

с различными агентами революционного комитета Лиона и рядом других лиц. Он создал в Тулузе подпольную организацию, разбитую на секции, состоявшие из 12 человек. Такие же организации были созданы в Ажене, Кондоме, Нераке, Альби, Безиере и других южных городах, подчинявшихся центральному тулузскому комитету; вся эта обширная ассоциация носила название Южное отделение. Ее целью было вызвать повстанческое движение в Тулузе, овладеть арсеналом и пороховым заводом и двинуться на Лион и Бордо, а затем, при поддержке тамошних тайных обществ, далее — на Париж в целях свержения правительства. Для осуществления этого плана Гуэнан старался привлечь в свою организацию молодых учащихся и особенно рабочих. Он имел агентов во всех окрестных городах, посылал туда своих представителей и сам часто туда ездил. Тулузский центральный комитет имел свою кассу для финансирования этих поездок, корреспонденции, публикации директив комитета. Организация располагала оружием и боеприпасами, хотя склады этого оружия и боеприпасов не удалось обнаружить.

Вскоре настало время сделать последние приготовления. В этих целях было решено созвать 15 января 1843 г. совещание руководителей всех секций с участием представителя парижского комитета. Это совещание решено было провести под видом банкета. Гуэнан заказал в одном трактире на площади Лафайет обед на сорок персон. 14 января прибыл делегат из Парижа Лапоннере. Банкет состоялся 15 января в обстановке таинственности. Его участники обслуживали себя сами: один из них стоял у двери, брал блюда и вина, не допуская слуг войти в зал.

На этом банкете-совещании выступил Лапоннере с изложением намерений и проектов центрального комитета, представителем которого он являлся. После банкета он отправился с Гуэнаном и Дюбором в поездку по южным департаментам с несомненной целью проверить силы заговорщиков юга и договориться о последних приготовлениях.

Какие же доказательства имели следственные органы и прокуратура для предъявления столь серьезных обвинений, обвинений не только в организации тайного общества, но и в непосредственной подготовке повстанческих движений в Тулузе и других городах? Прежде всего в распоряжении судебных властей были три директивы «революционного и коммунистического характера». В первой из них клеймились «бастилии», и далее говорилось; «Тиран угнетает нас... будем начеку, подготовимся, чтобы в час битвы ничто не смогло предотвратить торжество свободы и социального преобразования. Да здравствует республика». Другие директивы носили аналогичный характер. У одного из обвиняемых, Дюбора, были найдены революционные песни, одна из которых заканчивалась следующими словами: «Будем любить друг друга, рассеем нашу тревогу, и если короли хотят нас поработить, пусть будет лишь один клич: К оружию! К оружию! Выпьем, друзья, за будущее!». Далее, это были конверты с различными адресами и обрывки из переписки, отдельные фразы которой, вроде, скажем, следующей: «Мы будем на месте свидания, когда это будет необходимо», — поддавались самому различному толкованию. Это были также найденные у Гуэнана списки различных лиц, проживавших как в самой Тулузе, так и в близлежащих городах. Наконец, это были голословные заявления одного свидетеля о том, что обвиняемый Дюфор, его родственник, говорил ему о наличии складов оружия и боеприпасов, которые так и не удалось найти, и утверждал, что в разговоре с ним Гуэнан развивал план восстания в Тулузе с последующим движением на Лион, а затем на Париж. Вот, пожалуй, и все.

После долгих проволочек из числа арестованных были преданы суду лишь следующие лица: Адольф Гуэнан; Жан-Мари Дюбор, типограф в Ажене; Ипполит Респланди, торговый ученик из Тулузы; Абдон Террадас, испанский эмигрант, проживавший в Перпиньяне; Пьер Дюфор, торговец церковной утварью из Сен-Фражу; Бертран Перпиньян, сапожник из Тулузы; Жюль Бальтери, студент юридического факультета Тулузы; а также тулузцы Бруно Кюзак, живописец; Этьен Ролан, каменотес; Жозеф Сагансен, столяр; адвокат Ламарк из Кондома; Майсен, землевладелец в Балансе. Заочно были привлечены к судебной ответственности Эмбер из Марселя и Лапоннере. Для участия в процессе в Тулузу прибыл и Кабе, к которому из тюрьмы обратился Гуэнан, заверявший его в своем письме, что «не было никакого тайного общества» и что его и других обвиняемых хотят судить лишь за распространение идей икаррийского коммунизма²⁹. Председатель суда не допустил, однако, Кабе выступить на суде в качестве адвоката Гуэнана, ссылаясь на то, что он не принадлежал к тулузской адвокатуре. Процесс тулузских коммунистов длился долго. Он начался 21 августа 1843 г., а приговор был вынесен 31-го.

Думается, что нет надобности подробно пересказывать здесь судебные дебаты — допросы обвиняемых и многочисленных свидетелей, речи прокурора и защитил ков. Скажем лишь следующее. На суде было непреложно доказано, поскольку и сами обвиняемые не отрицали этого, что все они были знакомы друг с другом и со многими другими лицами, что Гуэнан имел обширные связи не только в Тулузе, но и в ближайших городах и местечках. Но сам он объяснял это очень просто, а именно организацией распространения икаррийской литературы, чем занимались не только сами тулузские икаррийцы, но и уполномоченные Гуэнана в различных местах. Найденные у него списки явились, по его словам, не чем иным, как списками подписчиков «Попюлера». Этим же целям служила и его корреспонденция. Соответствующую интерпретацию давали обвиняемые и отдельным двусмысленным фразам в их письмах, которые обвинение пыталось истолковать иначе. Дело доходило до курьезов. У Дюбора было найдено письмо, адресованное некоему Бризону, в котором упоминалось ос... Прокурор полагал, что речь идет о коммунистах. Дюбор же, под общий смех, заявил следующее: у Бризона была любовница в Ажене, за которой он просил его наблюдать; в своем письме он писал о ней и, не желая употребить слово «сволочь» (chameau), написал лишь первую букву. На замечание прокурора, почему же оно дается в множественном числе (quant aux с...), Дюбор заявил, что, очевидно, он хотел так выразиться о ряде женщин. Это объяснение было явно смехотворным, но прокурор не имел никакой возможности доказать обратное. Наконец, что касается знаменитого банкета 15 января, то Гуэнан и другие утверждали, что это был масонский банкет и поэтому в зал не допускали слуг, так как участники банкета совершали там различные масонские обряды. В общем, обвинение не имело в своем распоряжении никаких веских доказательств, в частности вещественных. Неудивительно, что в этих условиях присяжные вынесли всем привлеченным к суду оправдательный приговор. Из переписки тулузских судебных чинов с министерством юстиции, сохранившейся в Национальном архиве, мы знаем, какое глубокое разочарование вызвал подобный исход процесса у представителей власти, продолжавших оставаться убежденными в существовании в Тулузе подпольной антиправительственной организации.

Какова же была историческая правда? Конечно, дать на этот вопрос исчерпывающий ответ очень трудно. Но, исходя из всех имеющихся в нашем распоряжении материалов, можно все же прийти к определенным выводам. Вряд ли есть серьезное основание верить той части обвинительного заключения, которая стремилась доказать, что тулузские коммунисты во главе с Гуэнаном подготавливали восстание в Тулузе и южных городах, с тем чтобы затем двинуться на Лион и на Париж для свержения правительства, что они намеревались осуществить это в самое ближайшее время и что совещание 15 января, организованное под видом банкета, и поездка Гуэнана и Лапоннере по южным департаментам имели целью договориться о последних приготовлениях. Все это слишком напоминает полицейский роман, не подкрепленный никакими

вразумительными доказательствами. Но в то же время трудно поверить чересчур уж наивным объяснениям на суде обвиняемых, стремившихся изобразить себя лишь невинными распространителями «Попюлера» и сочинений Кабе. Прежде всего у них, как и других арестованных по этому делу, была найдена не только икарийская литература. У одного студента Юга, например, были найдены сочинения Лаотьера, и он на суде заявил, что гордится тем, что с ними ознакомился. Еще более знаменательным был другой факт, который специально упоминался в обвинительном заключении. У Перпиньяна, наряду с одной из директив, были конфискованы «различные коммунистические сочинения и брошюра, озаглавленная "Второе письмо трудящимся", автор которой был осужден 31 июля 1841 г. судом присяжных департамента Нижней Сены за нападки на собственность и возбуждение ненависти между различными классами общества». Речь шла об известной брошюре Шарля Нуаре. Следовательно, среди тулузских коммунистов циркулировали и такого рода произведения, выражавшие идеи революционного коммунизма. Далее, у подсудимых были найдены и различные стихотворения и песни откровенно революционного характера. Дюбора подозревали даже в том, что он написал на тюремной стене стихотворение, озаглавленное «Луи-Филипп, ты умрешь». Трудно понять, почему обвиняемые, если они занимались только мирной, легальной деятельностью, т.е. распространением икарийской литературы, пользовались в своей переписке какими-то непонятными намеками, двусмысленными фразами, многоточиями и т.п. Наконец, они никак не могли вразумительно объяснить происхождение найденных у них директив, хотя на одной из них, конфискованной у Перпиньяна, была пометка «номер 61», написанная рукой Гузнана, который «не помнил» и «не знал», почему ему были адресованы два письма из Лиона, в которых говорилось о серьезных вещах, подлежавших обсуждению, и содержались заверения, что департамент Изер является надежным. Материалы процесса свидетельствуют также о правдивости рассказа де ла Одда, поскольку они полностью подтверждают факт сношений Гузнана и его приверженцев с Лапоннере, приезд последнего в Тулузу, его участие в «банкете» 15 января 1843 г., последующую его поездку совместно с Гузном по южным департаментам. Сопоставляя рассказ де ла Одда с материалами процесса тулузских коммунистов, можно прийти к следующему выводу. Существовавшая в Тулузе и окрестных городах икарийская организация постепенно проникалась революционными настроениями и если не превратилась полностью, то во всяком случае была на пути к превращению в тайное общество. Мирные средства для осуществления икарийских идеалов казались уже многим недостаточными. Необходимость свержения Июльской монархии и провозглашения республики для последующей реорганизации общества на коммунистических началах признавалась уже многими тулузскими икарийцами. Среди них циркулировали различные нелегальные революционные издания, а также произведения революционного коммунизма, вроде брошюры Нуаре. Распространялись секретные директивы.

Устраивались тайные встречи и собрания, в частности в различных тулузских кафе, вплоть до закрытого совещания руководителей под видом масонского банкета. Видимо, в Тулузе действительно существовали «секции» по 12 человек, так как студент Пикмаль, отнюдь не производивший впечатления полицейского провокатора и очень сдержанный, в своих показаниях подтвердил, что Бальгери и Кюкзак предлагали ему возглавить одну из них. Тулузские коммунисты поддерживали сношения с такими старыми революционерами, как Эмбер, принимавший участие еще в восстании 1834 г., а также с Лапоннере, связанным и то время с революционно-коммунистическими кругами Парижа. Только находясь уже в тюрьме и разочаровавшись в обещаниях и посулах Лапоннере, тулузские коммунисты лице Гузнана вновь обратились за помощью к Кабе, понимая, что лучший способ защиты — это подтверждение своей принадлежности к мирному икарийскому коммунизму. В сущности, если бы обвинение ограничилось вышеизложенными фактами, оно, по всей вероятности, побилося бы осуждения подсудимых. Но власти непременно хотели раздуть миф о некоем обширном заговоре в целях организации чуть ли не в ближайшие дни революционного восстания для свержения правительства, и это привело к обратному результату — краху всего обвинительного заключения и оправданию обвиняемых.

Кабе, искренне поверивший заверениям Гузнана, что тулузские коммунисты всегда были безоговорочно преданными ему икарийцами, приехавший специально в Тулузу и пытавшийся даже, хотя и безуспешно, выступить на процессе в защиту икарийского коммунизма, вскоре вынужден был, однако, признать, что и в Тулузе активно действуют «ультракоммунисты». В книге «Сорванные маски», опубликованной год спустя, он писал по этому поводу следующее. Несмотря на уроки тулузского процесса, тулузские ультракоммунисты объединились вокруг Жюльена³⁰, брата одного из обвиняемых на этом процессе. Последний привлек на свою сторону и двух корреспондентов «Попюлера», Лимажа и Дюбефа. Когда в мае 1844 г. общее собрание акционеров «Попюлера» опубликовало «Обращение к трудящимся», в котором еще раз провозглашались основные принципы журнала: «никаких заговоров, никаких заговорщических тайных обществ, никаких мятежей и покушений», то тулузские ультракоммунисты стали прилагать все усилия, чтобы сорвать подписку на «Попюлер» и основать в Тулузе новый журнал. С этой целью Дюбеф вместе с Жюльеном объездили даже весь департамент, чтобы найти акционеров и подписчиков. В то же время в Тулузу прибыли два парижских ультракоммуниста — Гро-Лур, бывший сторонник «Юманитера», осужденный за участие в тайном обществе, и Жозеф, которые с помощью Лимажа и Дюбефа стали распространять там «Историю французской революции» Лапоннере, сочинение Брижа, «план» Велликюса³¹. Эти сведения, сообщаемые Кабе, подтверждают, что и после процесса тулузских коммунистов революционно-коммунистические идеи продолжали распространяться в этом городе. Более того, некоторые бывшие икарийцы, включая даже двух корреспондентов — распро-

странителей «Попюлера», открыто порвали теперь с икарийским движением, стали содействовать распространению произведений различных «ультракоммунистов» и предприняли даже попытку основать, в противовес «Попюлеру», новый коммунистический печатный орган. Этим объясняется и патетический призыв, с которым Кабе обратился в сентябре 1844 г. к «коммунистам Тулузы»: «Остерегайтесь! Не слушайте мнимых коммунистов, приезжающих из Парижа, которые говорят вам, что мы слишком стары, а "Попюлер" слишком мирный... Ах, мы заклинаем вас в ваших же интересах, отвергайте всегда тайные общества»³². Но вряд ли подобные заклинания могли приостановить распространение в Тулузе идей революционного коммунизма.

III

В противоположность Тулузе Лион давно уже был одним из главных центров революционного коммунизма. Крупный промышленный город Франции, со славными революционными традициями, открывший восстаниями 1831 и 1834 гг. новую эру в истории французского рабочего движения, Лион не мог не играть этой роли. Хотя в Лионе также получил известное распространение икарийский коммунизм, революционно-коммунистическое движение там быстро развивалось еще в предыдущие годы. Тайное коммунистическое общество «Будущее» и организованное после его разгрома в 1840 г. новое, аналогичное Общество реформированных карбонариев, как и издание в 1841 г. журнала «Травай», стоявшего на революционно-коммунистических позициях, являются наглядным тому свидетельством. Общество реформированных карбонариев также было разгромлено, и было прекращено издание связанного с ним журнала «Травай», а редакторы были привлечены в 1842 г. к судебной ответственности за статью «Почему мы являемся коммунистами», по обвинению «в возбуждении ненависти против одного класса граждан», т.е. против буржуазии³³. Но все это не приостановило распространения в этом рабочем городе революционно-коммунистических настроений. Сообщая о процессе издателей «Травай», «Фратерните» писала: «Бесполезно говорить, что буржуазное и собственническое жюри доставило себе маленькое удовольствие и осудило их. Но наши лионские друзья не считают себя побежденными: они заплатят штраф, отсидят свой срок в тюрьме и будут продолжать распространять принципы, с которыми мы связываем наши общие надежды»³⁴.

О положении, сложившемся в Лионе в 1842 г., интересные сведения содержит опубликованная в октябре этого года брошюра Кабе «Полезное и откровенное объяснение с лионскими коммунистами по практическим вопросам»³⁵. Посланная Кабе в Лион брошюра, направленная против Дезами, была переслана ему назад вместе с письмом, подписанным пятью лицами: Гино, рабочим-шелкопрядильщиком, бывшим редактором «Травай»; Перре, рабочим-шелкопрядильщиком; Винсентом, счетоводом, бывшим редактором «Травай»; Греппо, рабочим; Календрасом, рабочим. Сообщая, что они одновременно отослали Дезами его брошюру, они в своем письме Кабе писали, что его ответ также является неуместным,

что он писал под влиянием гнева и ненависти и поэтому пренебрег разумом и истиной. Нельзя никого предавать анафеме. Он не должен давать повод предъявить ему упрек, что он хочет быть единоличным апостолом доктрины общности, считающим, что вне Икарии нет спасения. Неужели он действительно полагает, что икарийская доктрина не подлежит никакой модификации, в частности в вопросе о семье, которую он строит по патриархальному образцу. «Мы считаем также долгом сказать вам о нашем взгляде на мнение, которое вы часто высказываете в ваших сочинениях, поскольку, несомненно, вы считаете его важным. Мы имеем в виду ваше мнение о том, что буржуазия необходима для торжества демократии. В этом мы с вами не совсем согласны. Разве вы не видите, что их эгоизм делает их нечувствительными и безразличными к нашим невзгодам? Разве вы не видите, что эти жестокие и неблагодарные хозяева, которых мы обогатили своим потом, оставляют нас умирать от холода и голода у порога своих роскошных жилищ». Неправильно его представление, что народ без буржуазии — ничто. «Народ должен завершить свое моральное и политическое воспитание, и когда это будет сделано, вы увидите, будет ли его рука неспособной разрушать и строить».

В своем обращении от 4 октября 1842 г. к лионским коммунистам, опубликованном в той же брошюре, Кабе метал громы и молнии против авторов этого письма и их сторонников. Он призывал лионских коммунистов оставаться верными его учению. Если они сторонники тайных обществ и насилия, то пусть хранят молчание и солидаризируются с авторами письма. Если же нет, то они должны открыто провозгласить себя икарийскими коммунистами. Приведенные в этой брошюре Кабе документы наглядно свидетельствуют о распространенности в Лионе, в частности среди лионских рабочих, революционно-коммунистических настроений, о признании классового антагонизма между рабочими и их хозяевами и о резкой критике в этой связи взглядов Кабе на невозможность общественного переустройства без прямого содействия буржуазии.

Положение в Лионе настолько беспокоило Кабе, что, воспользовавшись своей поездкой в конце августа 1843 г. в Тулузу для участия в происходившем там процессе коммунистов, он решил на обратном пути заехать в Лион, дабы восстановить и усилить там свое влияние. В «Попюлере» он сам рассказал о своем посещении Лиона следующее. Он прибыл в этот город из Тулузы 18 сентября вечером, а выехал оттуда в Париж 24 сентября утром. «В течение этих пяти дней я присутствовал или у себя, или у других граждан на десяти или двенадцати собраниях, в которых принимали участие от 30 до 100 человек... принадлежащих ко всем оттенкам коммунистической мысли, с которыми я объяснился по всем затронутым вопросам... Я уехал, восхищенный всем, что я видел (так как лионское население показалось мне в своей массе коммунистическим и именно икарийско-коммунистическим), и преисполненный благодарности за доброжелательную симпатию, с которой ко мне повсюду относились... Я

проповедовал мирную пропаганду, доказывая бесполезность и опасность тайных обществ»³⁶.

Как же обстояло дело в действительности? Следует сказать, что поездка Кабе в Лион сразу привлекла внимание властей. Дело в том, что она совпала с приездом в этот город герцога Немурского, в связи с чем и без того опасались рабочих демонстраций. Поэтому власти тщательно следили за деятельностью Кабе в Лионе, особенно за его встречами и переговорами с местными коммунистами. Поскольку лионский прокурор послал по этому поводу несколько докладов в Париж, то в Национальном архиве сохранилось целое дело, посвященное поездке Кабе в этот город³⁷. В своем первом письме министру юстиции, написанном сразу же после приезда Кабе в Лион, лионский прокурор сообщал: «Больше нет разговоров о банкете, который должен был быть организован в его честь; говорят, что члены различных тайных ассоциаций, существующих в Лионе, не смогли прийти к согласию по ряду вопросов, их в последнее время разделяющих, и что их первая беседа с г-ном Кабе прошла во взаимных упреках». В его следующем письме от 25 сентября говорилось: «Банкет на 600 персон, который должен был быть организован в честь г-на Кабе, свелся к обеду, на котором было столь мало народу, что он прошел совсем незамеченным для всех, кроме полиции». Но наиболее интересными являются два последующих письма лионского прокурора министру юстиции, написанных уже после отъезда Кабе. В письме от 2 октября мы читаем: «Я считаю своим долгом сообщить вам безотлагательно главные подробности пребывания г-на Кабе в Лионе. Поскольку г-н Кабе отказался от какой-либо публичной и внушительной манифестации в его честь, на состоявшихся маленьких собраниях коммунисты упрекали его за то, что он предусматривает для социального возрождения слишком медленные средства. Они заявили ему, что они не могут дожидаться до бесконечности тех благ, которые он им обещает. Г-н Кабе ответил, что до настоящего времени он думал, что для возрождения общества достаточна лишь сила убеждения и общественного мнения, но что теперь он признает, что для осуществления этого великого дела необходимо использование силы. Он добавил, что не следует ничего предпринимать в этом направлении, пока жив король, но в момент его смерти восстание произойдет в благоприятных условиях». 22 октября лионский прокурор сообщал дополнительно: «Большое число лионских коммунистов до визита г-на Кабе отказывались признавать его вождем, потому что они хотели добиться социальной реформы более быстрыми средствами, чем предлагаемые им. Г-н Кабе, как я уже имел честь вас известить, заявил, что не надо всерьез принимать мирную политическую направленность его журнала и что, в сущности, он понимает, как и они, что правительство может быть низвергнуто только с помощью оружия. Следствием этой декларации было то, что вокруг него объединилась вся коммунистическая партия, которая почти полностью поглотила все другие тайные ассоциации».

Сообщения лионского прокурора подтверждают слова Кабе, что во время его пребывания в Лионе состоялся целый ряд отдельных собраний,

на которых он встретился с представителями всех оттенков коммунистической мысли, т.е. и с представителями революционного коммунизма и тайных обществ. Очевидно, соответствовали истине полученные прокурором сведения, что собрания эти начались со взаимных упреков, что лионские коммунисты упрекали Кабе, которого отказывались признавать своим вождем, за его мирную тактику. Труднее, однако, поверить, будто последний заявил, что не следует ее принимать всерьез и что он сам теперь является сторонником свержения правительства силой оружия. Это противоречит не только заявлению самого Кабе в «Попюлере», что на этих собраниях он высказывался за мирную пропаганду и доказывал бесполезность и опасность тайных обществ. Это противоречит всей его последующей деятельности, всегда весьма последовательной, в частности его дальнейшей оценке деятельности тех же лионских «ультракоммунистов». Очевидно, произошло следующее. Кабе, натолкнувшись на решительную оппозицию большинства лионских коммунистов, пытался как-то маневрировать и в этих целях признал, что после смерти короля может произойти революция; одновременно, однако, как видно из сообщений самого лионского прокурора, он призывал не прибегать до этого к силе оружия, а это и было самым существенным. Полицейские осведомители раздули подобные высказывания, и лионский прокурор поспешил преподнести министру юстиции миф о переходе Кабе на революционные позиции. Но все эти вынужденные маневры Кабе не могли, разумеется, превратить лионских коммунистов-революционеров в икарыйцев. Если на какое-то короткое время Кабе и сумел поднять свой авторитет в Лионе, то вскоре все пошло по-прежнему, в чем он спустя непродолжительное время сам вынужден был убедиться.

В следующем году, с 21 июля по 6 августа 1844 г., Кабе предпринял второе путешествие в Лион, причины которого он объяснял так: «Некоторые недоразумения возникли между коммунистами в Лионе; одни писали нам одно, другие — другое... Мы сочли нужным совершить путешествие в Лион. Поехать в Лион, в один из самых крупных очагов коммунизма, когда там каждый день производились аресты по обвинению в принадлежности к тайным обществам, было небезопасно»³⁸. Однако это новое путешествие Кабе не дало и не могло дать желательных для него результатов. Один из современников писал в своих воспоминаниях в связи с этим новым посещением Лиона Кабе, что «отказ от насилия уже отделил от него часть лионских сторонников братской общины»³⁹.

Конечно, в Лионе существовала довольно многочисленная икарыйская организация, и Кабе регулярно печатал в «Попюлере» получаемые от нее обращения. Однако революционный коммунизм занимал там мощные позиции и получал все большее распространение. Пропасть между икарыйцами и коммунистами-революционерами, которых Кабе (что очень для него характерно) называл диссидентами, все более углублялась. В опубликованных в сентябре—октябре 1844 г. статьях и в вышедшей в октябре брошюре «Сорванные маски» Кабе не скрывал уже своего разочарования и негодования сложившимся в Лионе положением.

В статье «Лига против "Попюлера"» он писал: «Хотя "Попюлер", как совершенно ясно, является органом рабочей массы, иные рабочие объявляют себя его врагами, проявляют такое же ожесточение, как сама полиция, занимаются лишь тем, что ищут в нем недостатки, критикуют, нападают и клеветают на него». В этой связи в числе других примеров он упоминал и о распространяемой в Лионе «гнусной клевете», направленной лично против него. Он призывал лионских коммунистов послушаться его советов: «Мы заклинаем вас решительно избегать любых тайных обществ и даже коалиций и искать облегчения своей нужды лишь в единении и братстве»⁴⁰. В «Сорванных масках» Кабе подробно рассказывал об этой «гнусной клевете», распространенной в Лионе двумя коммунистами-«диссидентами», парижским слесарем Курером и лионским рабочим Коленом, тоже, очевидно, псевдонимы. Там же он приводит письмо, полученное им из Лиона от одного своего корреспондента, излагавшего свою беседу с неким Х'ом. Последний заявил, что икарийские коммунисты являются утопистами, что общность в том виде, как она описана в «Путешествии в Икарию», неосуществима. «С того момента, как не будет больше тайных обществ, любая революция станет невозможной и дело народного прогресса будет проиграно. Я столь убежден в этом, что в случае революции я прежде всего выстрелю в Кабе, так как, разрушая тайные общества, он разрушает все, и все икарийские коммунисты являются полицейскими шпионами. Без Кабе, подрывающего тайные общества, революция уже свершилась бы»⁴¹. Трудно привести более характерный пример истинного отношения революционных кругов Лиона к Кабе и его политическим установкам.

Разумеется, осветить более подробно революционно-коммунистическое движение в Лионе в эти годы возможно лишь в случае использования материалов архива департамента Роны и коммунального архива Лиона. Но и документы Национального архива дают возможность составить себе некоторое представление о деятельности лионских подпольных революционно-коммунистических организаций.

Так, 15 августа 1843 г. лионский прокурор сообщил министру юстиции: «Сборище, состоявшее из 40 рабочих, прошло вчера по кварталу Сен-Жюст... целью этого собрания были проводы одного уезжавшего рабочего. Трое человек были арестованы; у одного из них была найдена рукопись речи, копию которой я пересылаю вам. Эта речь была, несомненно, прочитана 10 числа этого месяца на одном собрании рабочих»⁴². Речь, как видно из копии, приложенной к письму прокурора, была посвящена 51-й годовщине свержения монархии 10 августа 1792 г. В этот день, говорил оратор, их отцы, уничтожив королевскую власть, рассматривавшую народ как свою собственность и обращавшуюся с ним, как со скотом, покрыли себя славой и спасли родину, находившуюся в опасности. Уже давно раздается гимн свободе, равенству, братству, но до сих пор то был голос вопиющих в пустыне. Необходимо достичь земли Равенства и Общности, истинно обетованной земли, где человеческий род отдохнет от своих тягот, где никакие коронованные коршуны не будут насыщаться их кровью и потом, где не будет ни нужды, ни

пауперизма, ни проституции и где люди научатся жить как братья. «Ради такого прекрасного дела возьмем уже сегодня обязательство сделать все, что в наших силах, чтобы ускорить его осуществление. Если мы будем верны этому обязательству, наши имена будут блистать в будущем... Только при этом условии мы сможем занять место рядом с нашими отцами, завоевавшими ореол мучеников в тот великий день, годовщину которого мы сегодня празднуем. Ваши имена, прославленные жертвы, запечатлены в наших сердцах, мы запечатлеем их железными буквами на колонне свободы. Недалек день, когда мы вновь воздвигнем на площади эту разбитую колонну; солнце этого дня будет прекрасным, оно не будет больше освещать рабов, его лучи затемнят имена земных владык, дабы видна была лишь простая тройная формула: Равенство, Братство, Общность». Хотя в этой речи говорится и о боге, и о прессе — «предвестнике будущего», т.е. о коммунистической прессе, под которой, возможно, подразумевался и «Попюлер», хотя в ней превозносилась и семья, но все это не меняет основной сути этого обращения, посвященного годовщине свержения старой монархии во Франции и призывавшего к аналогичному революционному выступлению в целях не только низвержения всех «коронованных коршунов», но и установления строя общности.

В руки лионских властей иногда попадали директивы, полученные из Парижа и распространявшиеся в Лионе среди тайных обществ. Одна из этих директив относится к концу 1843 г., поскольку 2 января 1844 г. министр внутренних дел писал министру юстиции: «30 декабря вы переслали мне директиву, посланную коммунистам Лиона повстанческим комитетом Парижа». «Приближается час, — говорилось в этой директиве, — когда патриоты должны будут выбрать между цепями, в которые они закованы подлой и презренной властью, и страшной, но славной битвой». Деспотизм продолжает возводить укрепления вокруг Парижа, чтобы окончательно задуть свободу. Нужно подписывать петицию, протестующую против этих укреплений. Необходимо, однако, видеть и реальную действительность. Несмотря ни на какие петиции, строительство укреплений будет продолжаться, но тогда у всех откроются глаза, и все убедятся, что нет больше никаких легальных средств борьбы, и все присоединятся к ним в ожидании решающего часа. Тиран не строит себе иллюзий об истинных настроениях в стране и опирается только на солдат, но и солдаты, несомненно, вспомнят, что они сами вышли из народа. К тому же он вскоре отдаст свою душу дьяволу, и взаимные интриги и соперничество среди власть держащих откроют дорогу революции. Тьеры, Гизо, Моле и все прочие, желая завладеть властью, разорвут ее в клочья, и тогда народ, подобно Христу, изгнавшему из храма торговцев, навеки изгонит торгашей и эксплуататоров. Директива указывала, что юг Франции, безусловно, сыграет большую роль в предстоящей революции и что их братья в Лионе, Тулузе и Марселе также готовятся к славному дню борьбы. Она заканчивалась лозунгом: «Да здравствует республика!»⁴³

Вторая директива, попавшая в руки лионских властей, была переслана в Париж вместе с письмом лионского прокурора от 10 марта 1844 г.⁴⁴ В директиве, помеченной 18 февраля 1844 г., указывалось: народ давно пришел к убеждению, «что ему нечего ожидать от представителей буржуазии». В Палэ-Бурбон принимают законы, губительные для его свободы, и утверждают бюджеты, одобренные его потом. Поэтому парод с глубоким презрением взирает на все происходящие там дискуссии, на всю эту жалкую борьбу интриганов, располагающих министерскими портфелями, с другими интриганами, которые хотят их у них отнять. Такой же жалкой комедией является и обсуждение ответа на тронную речь. В этом году, однако, ответный адрес дает народу еще один урок, еще один повод для ненависти к своим эксплуататорам. Несмотря на царящую нужду, в нем говорится о счастливом положении народа. Таким образом, народ предупрежден, что ему нечего ожидать, что теперешнее его положение — это все, на что он может рассчитывать в будущем. Пусть он не думает ни о праве на труд, ни о праве на образование, этих священных правах человечества, — по мнению его деспотов, он уже достиг социального совершенства. «Весь год муж остается безработным, жена изнуряет себя бесплодным трудом, дети вопиют о голоде... но при обсуждении адреса палата, перефразируя Луи-Филиппа, заявляет, что все к лучшему в добром королевстве Франции!» Необходимо непрерывно думать о своих правах и обязанностях: «Наше право — это доля в человеческом благосостоянии; это благосостояние было создано для всех, и те негодяи, которые его у нас похищают, являются ворами, более презренными, чем все другие, так как они обкрадывают человечество! Наш долг — преследовать узурпаторов нашей свободы до тех пор, пока мы не раздавим их». Директива заканчивалась следующими словами: «Граждане, усердие и осторожность! Урожай созревает, день сбора урожая приближается. Испания снова подняла священное знамя восстания, Ирландия стягивает свои цепи, Италия и Германия грызут свои удила; у всех народов те же горести и та же ненависть; даже армия поднимает голову, несмотря на установленную тиранами железную дисциплину; все за нас и с нами; победа обеспечена, если в момент сигнала мы все, преисполненные решимости, будем находиться на своем посту! Да здравствует республика!».

Обе эти директивы носят республиканско-демократический характер и не выдвигают прямых коммунистических лозунгов, хотя в них говорится о нужде народа и тяжелой участи безработных, о необходимости покончить с эксплуататорами, обеспечить всем жизненное благосостояние и подчеркивается, что народу нечего ожидать от представителей буржуазии. Возможно, что эти директивы исходили от руководства парижской «большой ассоциации», Общества новых времен года. Как бы то ни было, совершенно несомненно, что они были пересланы именно лионским коммунистам, лионским подпольным коммунистическим организациям, что еще раз подтверждает наличие в Лионе довольно широкого революционно-коммунистического движения. В этой связи

нельзя не вспомнить утверждение лионского прокурора в его письме от 22 октября 1843 г., что в Лионе «коммунистическая партия почти полностью поглотила все другие тайные ассоциации».

12 мая 1844 г. лионский прокурор писал министру юстиции: «Волнение рабочих Лиона принимает с каждым днем все более серьезный характер: ими руководят очень искусно, их организуют, их готовят к борьбе... Я убежден, что никто не хочет, чтобы взрыв произошел в настоящее время, но я спрашиваю себя, как смогут долго сдерживать брожение, которое усиливается, быть может, быстрее, чем предвидели». Месяц спустя, 8 июня, он сообщал уже более тревожные известия: «В настоящее время тайные общества совещаются и сговариваются; коммунисты юга Франции склонны к выступлению, которое начнется, несомненно, в Тулузе. Тайные общества Лиона были запрошены тайными обществами некоторых южных городов, присоединятся ли они к этому выступлению. Они совещаются по этому поводу уже несколько дней»⁴⁵. Это последнее сообщение интересно и в том отношении, что оно еще раз подтверждает существование подпольного революционно-коммунистического движения во многих южных городах Франции, в частности в Тулузе.

Весной 1844 г. Лион посетила Флора Тристан, проповедовавшая, как известно, объединение рабочих, создание единого рабочего союза, но высказывавшаяся против насильственных методов борьбы. Хотя ей и удалось сколотить там маленькую группу «рабочего союза», в целом ее агитация закончилась полным фиаско. В письме министру юстиции от 18 мая 1844 г. лионский прокурор констатировал: «Г-жа Флора Тристан имеет мало успеха у рабочих Лиона. Последние относятся пренебрежительно к ее утопиям и не признают других доктрин, кроме коммунизма». Три дня спустя, 21 мая, он писал по этому же поводу: «Она полностью потерпела неудачу у наших рабочих, идеи которых являются гораздо более передовыми, чем ее. Она хотела привлечь к своим доктринам членов тайных обществ; последние ей ответили: "вы фаланстерианка"⁴⁶, идите же к фаланстерианцам, мы же намерены оставаться коммунистами»⁴⁷. Эти сведения очень интересны. Флора Тристан пыталась установить контакт не только с икарыйцами, но и с членами коммунистических тайных обществ, которые, однако, дали ей решительный отпор. Это лишний раз свидетельствует о настроениях лионских рабочих, о прочных корнях революционного коммунизма в Лионе, об идейной убежденности его сторонников.

В Лионе в эти годы существовало, очевидно, несколько подпольных коммунистических организаций. Об одной из них мы имеем конкретные сведения, поскольку властям удалось ее раскрыть. О том, как это произошло, довольно подробно рассказал Кабе в «Попюлере», а также в «Сорванных масках»⁴⁸. По его словам, молодые рабочие организовали в Лионе, в каждом квартале, маленькие библиотеки, объединявшие каждая менее 20 человек, которые вносили по 25 сантимов в месяц для приобретения книг и брошюр, с тем чтобы их читать и обсуждать, а затем пропагандировать изложенные в них принципы. Почти все они были

коммунистами, и их официальной целью было «читать и распространять доктрину господина Кабе». Кабе узнал о существовании этих «библиотек» лишь во время своего второго посещения Лиона. В беседе с членами одной из этих «библиотек» он выразил надежду, что последние не являлись прикрытием какого-либо общества. Но вскоре выяснилось, что дело обстоит именно так. Одна из «библиотек» устраивала свои собрания то у трактирщика Бефа, то у рабочего Милле. Такое собрание состоялось у Бефа и 14 июля 1844 г. На этом собрании-банжете были произнесены республиканские и революционные тосты. В одном из них говорилось, например: «О бедный народ-труженик! ты, который умираешь от нужды, не пробудишься ли ты однажды, столь же страшный, как молния, чтобы нанести удар беспощадному хозяину, который в течение стольких лет пил твою кровь». Но еще до этого банкета один из членов этого кружка, Линн⁴⁹, познакомился с одним капралом и тремя солдатами лионского гарнизона. Он хотел склонить их помочь ему проникнуть в один из фортов, чтобы овладеть им. Он привел их на вышеупомянутый банкет. Но эти военные сразу же сообщили полиции и о предложениях Линна, и о банкете, и произнесенных там речах. Это и дало возможность полиции раскрыть всю организацию «библиотек».

28 июля 1844 г., сразу же после произведенных арестов, лионский прокурор писал об этом новом тайном обществе: «Это общество носит откровенно демагогический характер, оно вдохновляется идеями 1793 г., перемешанными с коммунизмом»⁵⁰. Основным разоблачительным документом, попавшим в руки властей, был устав этого общества, найденный у одного из арестованных⁵¹. Устав состоял из 26 пунктов. Главные его положения были следующие. Члены общества делились на две категории — активных и пассивных. Активные члены присутствовали на всех собраниях, вели пропаганду и подготавливали необходимые материальные средства, чтобы осуществить революцию. Для лучшего использования способностей каждого активные члены подразделялись на три группы: одна занималась вербовкой новых членов, другая — распространением печатных изданий, третья — приобретением оружия, пороха и т.п. Пассивные члены уплачивали лишь членские взносы; они допускались только на некоторые собрания и банкеты, но должны были также принять участие в революции. Основными ячейками общества были «мастерские», в состав каждой входило десять активных членов и нефиксированное количество пассивных. Думается, что нет надобности описывать во всех подробностях организацию этой тайной ассоциации, во главе которой стоял комитет из девяти человек. Для нас главный интерес представляет 21-й пункт устава, который гласил: «Чтобы быть допущенным (в ассоциацию. — А.И.), нужно быть коммунистом и взять на себя обязательство принять активное участие в революции». Процесс обвиняемых по этому делу состоялся 19 сентября 1844 г. в уголовном трибунале Лиона. Всего суду были преданы 12 человек: Жозеф Лили, Этьен Бакко, Жозеф Ларошель, Фердинанд Ларошель, Луи Файар, Антуан-Луи Марриэтон, Жорж-Фредерик Пуле, Пьер Милле, Жозеф Милле, Жоани Милле, Антуан Беф, Бенуа Шателе. Все они, кроме Пьера

Милле и Бефа, были молодыми людьми. В сравнительно кратком отчете об этом процессе, опубликованном в «Газет де трибюно», приводятся показания комиссара полиции Бардоза. «У обвиняемых были произведены обыски... были конфискованы различные сочинения как Бабефа, так и Кабе... Общество состояло, очевидно, из большого числа секций... Были найдены членские билеты с номерами, на четырех углах которых были буквы U.E.F.C, что означает: единство, равенство, братство, общность». Во время следствия один из обвиняемых, Пуле, признал, что в своей секции он имел членский билет № 5 и что его секция поддерживала связи с другими, причем посредниками были сперва Шателе, а затем Фердинанд Ларошель. Отвечая на вопрос председателя суда, он заявил, что число секций было 18 или 19. В своей обвинительной речи прокурор Фальконе не преминул заявить: «Грустно видеть, как изучаются и исповедуются отвратительные доктрины, которые, к несчастью, все больше распространяются среди рабочего класса... Необходимо, чтобы энергичные репрессии правосудия убедили этих молодых людей, что они рискуют все потерять, превознося пагубные доктрины, такие, как те, которые можно найти в сочинениях Бабефа и других»⁵².

После окончания процесса прокурор Фальконе направил 21 сентября генеральному прокурору отчет о деле этой «коммунистической ассоциации»⁵³. Процесс показал, указывал он, что коммунистическая доктрина получила широкое распространение в Лионе. Однако более серьезно то, что приверженцы этой доктрины входили в ассоциацию, состоявшую из 18 секций по 18 человек в каждой, поддерживавших связь друг с другом. На их банкеты допускались лишь лица, имеющие членские билеты. Найденный у Милле-отца устав этого общества доказывает, что оно было организовано в революционных целях и что, следовательно, чтение сочинений Кабе и пропаганда его доктрины были всего лишь предлогом для организации собраний ассоциации. Сам Милле являлся бывшим членом Общества прав человека и был арестован еще в связи с событиями 1834 г. Его дом служил местом встречи и центром коммунистической пропаганды. Беф также участвовал в революционном движении с 1834 г., когда у него было конфисковано большое количество оружия и боеприпасов. Хотя он и просидел год в тюрьме, но его политические убеждения не изменились. Суд приговорил Милле-отца к восьмимесячному, а Бефа к трехмесячному тюремному заключению. Остальные обвиняемые были приговорены к двум месяцам тюрьмы, за исключением сыновей Милле 16 и 17 лет, которые были оправданы.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности составить исчерпывающее представление об организации, известной под названием «лионских библиотек». В частности, трудно ответить на вопрос, в какой мере найденный у Милле устав применялся на практике. Ведь в нем речь идет о подразделении «ассоциации» на «мастерские», на активных и пассивных членов. Нам же известно лишь о существовавших не то 18, не то 19 «секций», группировавшихся вокруг маленьких библиотек и состоявших из 18 как будто бы равноправных членов. Но фактом является то, что эта организация стояла на революционных позициях, что

среди ее членов распространялась бабувистская литература, что на их собраниях произносились революционные речи и раздавались революционные призывы, более того, что ее члены пытались даже завязать связи с солдатами местного гарнизона, чтобы подготовить захват фортов в случае восстания. Интересно, что эти «библиотеки» были организованы под предлогом изучения икарыйской литературы, и в первое время даже сам Кабе был убежден в этом. И в данном случае мы имеем дело с распространенным в те годы явлением. Пропаганда икарыйского учения служила ширмой для создания революционно-коммунистических организаций. И в Лионе, наряду с некоторыми «ультракоммунистами», открыто выступавшими против Кабе, были и революционно настроенные коммунисты и даже целые революционно-коммунистические организации, использовавшие икарыйскую литературу для пропаганды идей коммунизма и прикрывавшие этой официальной пропагандой свою нелегальную революционную деятельность.

Несмотря на разгром «лионских библиотек», деятельность подпольных коммунистических группировок в Лионе и его окрестностях продолжалась и в последующие годы. 16 августа 1845 г. «Попюлер» писал: «Газета "Лионский курьер" сообщает, что большой заговор раскрыт в Колонж-сюр-Сен, вблизи Лиона, что сто заговорщиков, вооруженных кинжалами, собрались там на постоялом дворе и выставили перед дверью красный флаг, на который был надет фригийский колпак. Газета "Санзер" отвечает на это, что то был всего-навсего банкет». Произвели столкновения с полицией; многие были арестованы; были произведены домашние обыски⁵⁴.

Два месяца спустя «Попюлер» поместил краткий отчет о состоявшемся в связи с этим делом судебном процессе. «На процессе, состоявшемся в уголовном трибунале Лиона, дебаты которого опубликованы в газете "Санзер", в номере от 23 августа, мэр и комиссар полиции показали, что 6 июля в Колонже, близ Лиона, состоялся банкет, что на нем присутствовали от 40 до 50 человек, что эти лица принадлежали к тайному обществу, называвшемуся реформированные карбонарии, что полиция, предупрежденная об этом банкете... явилась туда, что она обнаружила в зале, на столе, красно-черный флаг, украшенный фригийским колпаком, а под ним кинжалы и сумму в сто франков и, кроме того, директиву общества и что некоторые его члены имели кличку Робеспьер, Сен-Жюст, Томас Мор, Алибо». 12 человек были привлечены к суду, 6 приговорены к тюремному заключению от 4 до 9 месяцев за принадлежность к этому тайному обществу⁵⁵.

Поскольку номера газет «Лионский курьер» и «Санзер» за 1845 г. в парижских книгохранилищах не сохранились, мы имеем сведения об этом деле лишь из этих кратких сообщений «Попюлера». Мы не знаем поэтому, являлись ли эти «реформированные карбонарии» непосредственными преемниками тайного коммунистического Общества реформированных карбонариев, раскрытого в Лионе в октябре 1841 г.⁵⁶ Мы знаем только, что еще в 1844 г. в Лионе действительно существовало какое-то общество реформированных карбонариев, досье о котором

сохранилось в Национальном архиве⁵⁷. Что это революционное общество, как почти все подпольные организации в Лионе, тоже состояло из сторонников коммунизма, видно хотя бы из того, что некоторые его члены носили кличку Томас Мор.

До конца Июльской монархии Лион оставался одним из важнейших центров революционно-коммунистического движения во Франции.

1 Archives Nationales, BB24, 327–347, N 5183.

2 Gazette des Tribunaux, 1847, 14 juill, p.925,926.

3 Archives Nationales, F7, 3891, 3892.

4 Hodde L. de la. Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. P., 1850, p.320–321.

5 Le Populaire, 2-ème année, N 6, 1842, 11 sept., p.74.

6 Ibid.; Gazette des Tribunaux, 1842, 8 oct., p.1349–1350.

7 Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983, с. 23, 33,34.

8 За исключением Понселе, который был легитимистом, не имел никакого отношения к деятельности Ори, Фере и их сотоварищей и был привлечен вместе с ними к судебной ответственности, как справедливо указывал «Попюлер», лишь в целях компрометации коммунистов, поддерживавших будто бы связи с легитимистами. 9 Archives Nationales, F7, 3892.

11 ИМ, BB18, 1415, N7160.

12 Gazette des Tribunaux, 1843, 13 dec, p.144.

13 Ibid., 1843, 27 sept., p.1208.

14 Chenu A. Les conspirateurs, cm les sociétés secrètes. P..18.0, p. 33–39.

15 Le Populaire, 3-ème année, N 5, 1843, 1 oct., p.112.

Archives Nationales, BB18, 1415. N7160.

Gazette des Tribunaux, 1843, 13, 14, 19 dec, p.144, 149, 169. Подробный отчет о процессе дожей и и «Попюлер» (Le Populaire, 3-ème année, N7, 1843, 24 dec, p.119-120).

18 Gazette de Tribunaux, 1847, 14 juill., p.925.

19 См., например: Le Populaire 4-ème année, N 4, 6; 5-ème année, N3, 6,8.

20 Ibid.. 4-ème année, N 3: Triomphe (hi communismo dan? qialre an?).

21 Ibid., 6-ème année, N 17, 1847, 25 juill., p.342.

22 Archives Nationales, BB18, 1400, N 472.

23 Hodde L. de la. Op. cit., p.324–327. " 24 Le Populaire, 3-ème année, N 4, 1843, 19 aout, p.106–07.

25 Gazette des Tribunaux, 1843, 25, 26, 27, 28–29, 30, 31 aout, 1, 2, 4–5 sept., p.1096,1097, 1100, 1104. 1105, 1107, 1108, 1112. 1115. 1116, 1120, 1123, 1124, 1131, 1132.

26 E. Cabet. Procès du communisme à Toulouse. P.. 1843. — BN, " Lb 51, 3834.

27 Archives Nationales, BB18, 1407–1441, N 6043.

28 Le Populaire, 2-ème année, N 6, 1842, 11 sept,

29 Le Populaire, 3-ème année, N 3, 1843, 20 juill.

30 Следует помнить, что в «Сорванных масках» Кабе давал «ультракоммунистам» различные псевдонимы, называя, например, Кофино Леграном и т.п. Поэтому упоминаемые и здесь имена — Жюльен, Гро-Лур, Жозеф и другие — тоже,

вероятно, не подлинные имена, а псевдонимы.

31 Cabet E. Les masques arraches. P., 1844, p.100—102.

32 Le Populaire, 4-eme annee, N 2, 1844, 28 sept., p.148.

33 Об этом процессе см.: Le Populaire, 2-eme annee, N 4, 1842. 3 juill.

34 La Fraternite, N 15, 1842, juill., p.74.

35 Cabet E. Utile et franche explication avec les communistes lyonnais sur les questions pratiques. P., 1842. — BN, 8° R, 18074(19).

36 Le Populaire, 3-eme annee, N 5, 1843, 1 oct., p.112.

37 Archives Nationales, BB⁸, 1415-1418, N7175.

38 Le Populaire, 4-eme annee, N 1, 1844, 22 aout.

39 Commissaire S. Memoires et souvenirs I, 98. Цит. по: 1848. Le utopisles sociaux. P., 1981, p.92.

40 Le Populaire, 4-ème annee, N 2, 1844, 28 sept., p.147—148.

41 Cabet E. Les masques arraches, p.53—54, 91—93.

42 Archives Nationales, BB18, 1414, N7012.

43 Archives Nationales, BB18, 1407—1411.

44 Ibid., BB18, 1420, N8065.

45 Ibid., BB15, 1420, N8133.

46 Ф.Тристан пропагандировала создание рабочим союзом во всех департаментах «дворцов союза» — центров сельскохозяйственного и промышленного труда.

47 Archives Rationales, BB15. 1420. Лт8133.

48 Le Populaire, 4-emo annce, N 2, 1844, 28 sept., p.146—147; N 3, 1844, oct, (без даты), p.152; Cabet E. Les masques arraclics, p.40-44.

49 Кабе пишет Лирм, по это явная ошибка.

50 Archives Nationales, BB18, 1423, N8701.

51 Копия этого устава была переслана лионским прокурором в Париж и находится в Национальном архиве в вышеупомянутом деле. Устав этот был полностью опубликован во время процесса в лионской газете «Юридический монитор», откуда основные пункты этого устава перепечатал Кабе в своей брошюре «Сорванные маски» с целью еще раз доказать пагубность тайных обществ.

52 Gazette des Tribunaux, 1844, 23—24 sept., p.1150.

53 Archives Nationales, BB18, N8701.

54 Le Populaire, 4-eme annee, N 12, 1845, 18 aout, p.190.

55 Ibid., 5-eme annee, N 2, 1845, 18 oct.

56 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение..., с. 138—139.

57 Archives Nationales, BB18, 1421, N8341.

Глава третья

«Фратерните 1845 г.» Брошюра Алоиза Юбера. «Альманахи-катехизисы» Брэ. Различные новые органы печати в Париже И провинции. Брожение среди левых фурийеристов и их сближение с коммунизмом. Эдуард де Помпери и проспект журнала «Юманите».

I

В январе 1845 г. вышел первый номер нового коммунистического печатного органа. То был журнал «Фратерните» 1845 г. Орган интересов народа. Журнал социальной реорганизации и общей политики»¹. Если первые два «Фратерните», издававшиеся в 1841—1843 гг., публиковались как единый журнал, то редакторы третьего «Фратерните» не скрывали, что речь шла о новом периодическом органе, позаимствовавшем у прежнего журнала лишь его название. «Чтобы лучше охарактеризовать дело, которому мы хотим его посвятить, и чувства, которые нас воодушевляют, — писали редакторы во вступительной статье, — мы даем ему название "Фратерните", название, которое в предыдущие годы уже достойно носило другое периодическое издание»². «Фратерните 1845 г.» регулярно публиковалась до февраля 1848 г., т.е. в течение более трех лет, вплоть до революции. Его подзаголовок в 1846 г. был изменен. Вместо прежнего подзаголовка «Орган интересов народа. Журнал социальной реорганизации и общей политики» теперь под названием журнала значилось «Орган коммунизма». Состав редакции нигде не указывался. Журнал подписывался разными ответственными издателями: сперва — Бером, затем начиная с января 1846 г. — Пийо, наконец, начиная с июльско-августовского номера 1847 г. — Фонтаном. Бюро журнала вначале находилось на улице Круа де Пти-Шан, затем на улице Буль.

В одной своей брошюре, «Спасение путем объединения», опубликованной в ноябре 1845 г., Кабе излагал следующую версию относительно возникновения этого нового печатного органа. «Третий "Фратерните", — писал он, — напал издаваться в январе 1845 г.... В первом номере он заявлял, что его основатели... не хотели создавать соперничающую группировку (а ведь половина этих основателей были ультракоммунисты, которые, маскируясь, ставили своей целью нападать, клеветать на "Попюлер", пытаясь нанести ему смертельный удар), что они были совершенно едины в своих убеждениях и чувствах и все воодушевлены чувством братства. Так вот! Эта была лишь коалиция между людьми диаметрально противоположных убеждений, между спиритуалистами, которые хотели говорить о боге, и ультракоммунистами, бывшими основателями "Юманитера", которые провозглашали себя материалистами и атеистами! Нет такой брани и клеветы, которую некоторые из них не распространяли тайно, с дьявольской активностью в адрес редактора-издателя "Попюлера"! Наконец, недавно на собрании 43 лиц, состоявшемся после выхода в свет девятого номера журнала, 22 человека (если мы хорошо информированы) объявили себя спиритуалистами, а 21 — материалистами и атеистами;

последние обзывали первых иезуитами, а те третировали их еще более грубо и почти насильно изгнали их». Несколько дальше, критикуя позицию газеты «Реформа» в отношении нового журнала, Кабе вновь заявлял, что «Фратерните» основана ультракоммунистами, «которые хотят упразднения брака и семьи, провозглашения атеизма и материализма, немедленного установления общности путем революции и насилия»³.

Этот выпад Кабе вызвал бурную реакцию со стороны издателей «Фратерните». В декабрьском номере журнала они напечатали статью «Ложный донос», в которой резко протестовали против лживых утверждений, содержащихся «в только что опубликованном жалком памфлете», будто они хотят упразднения брака и семьи, провозглашения атеизма и немедленного установления общности насильственным путем. Они указывали, что последнее обвинение является самым настоящим доносом, «дурным поступком, в котором горько упрекал бы себя каждый честный человек, его совершивший». Опровергая все эти утверждения, статья заявляла, что «Фратерните», вопреки некоторым так называемым популярным изданиям, «является честным и добросовестным органом коммунистической мысли». Они слишком уважают свои принципы и самих себя, чтобы опуститься до личной полемики с человеком, «который по реминисценции (Кабе в свое время был прокурором. — А.И.) или в предвкушении будущего, узурпируя функции королевского прокурора, использует оружие доноса, обогащенного клеветой»⁴. Интересно, однако, отметить, что в этой статье ни словом не упоминалось утверждение Кабе о расколе между «спиритуалистами» и «материалистами», происшедшем на собрании издателей журнала.

На это выступление «Фратерните» Кабе сразу же ответил новой статьей, опубликованной 21 декабря того же года в «Попюлере»⁵. Протестуя против брани по его адресу, он задавал вопрос, почему вся эта брань является анонимной, почему никто не знает, кто редакторы этого журнала и сколько их, почему они прячутся в тени. Зачем же они клеветают на него? Ведь он отнюдь не обвинял весь журнал, всех его редакторов и основателей, а выступал лишь против половины из них, указывая, что остальные придерживаются диаметрально противоположных убеждений. «А ведь это является истинным, явным, несомненным. Во время создания их коалиции спиритуалисты и материалисты смогли достичь согласия, лишь договорившись, что в журнале будут избегать говорить о боге, и нас действительно заверяют, что в первых десяти номерах имя бога нигде не упоминалось. Однако столь же достоверно, явно, бесспорно, что на недавно состоявшемся собрании 43-х, которое должно было решить, вступать ли в полемику с "Ателье" по религиозным вопросам, 22 спиритуалиста, которые хотели говорить о боге, изгнали 21 материалиста, которые этому противились; следовательно, победителями оказались спиритуалисты и журнал остался в их руках; следовательно, они изгнали бывших основателей и сторонников "Юманитера", так что они тем самым признали нашу правоту. Мы были тысячу раз правы, называя этих изгнанных лиц врагами "Попюлера" и его редактора-издателя, так как... некоторые из них непрерывно ходили в

мастерские и на большие собрания рабочих... с тем, чтобы распространять о нас самую абсурдную и злобную клевету; даже в самом бюро "Фратерните" те же заклятые враги в течение длительного времени предавали гласности один текст, в котором абсурдность сочеталась с сатанинской злобой». В заключение Кабе выражал недоумение: «Мы не обвиняем спиритуалистское большинство, что оно одобряло эти эксцессы, о которых, возможно, оно ничего и не знало; но как же это получается, что это спиритуалистское большинство сегодня оскорбляет нас, после того как оно изгнало сторонников "Юманитера"».

«Фратерните» отреагировала и на это выступление Кабе. В январском номере 1846 г. был помещен «Последний ответ бывшему королевскому генеральному прокурору»⁶, в котором Кабе вновь обвинялся в том, что он занимается «доносами». «Где, спрашивается, были бы мы, если бы прокуратура не была в отношении нас более справедливой, чем автор памфлета». Он всюду видит противников, завистливых конкурентов, на которых нападает кстати и некстати. Время провидцев прошло. Стремление стать коммунистическим папой — смехотворная претензия. Нужно также напомнить, что те, кто защищается сейчас от несправедливой агрессии Кабе, являются более старыми сторонниками коммунизма, чем тот, кто на них нападает. Они не ждали прихода мессии, чтобы воспринять коммунистическую доктрину и ее открыто исповедовать, в то время как он еще находился в рядах тех, которые предавали ее анафеме. «Если мы почерпнули из других источников воодушевляющую нас идею, разве от этого она меньше заслуживает уважения?» В отношении повторных утверждений Кабе о распри среди издателей журнала и о происшедшем расколе в статье было сказано только следующее. «Знай же, что никогда, как бы ни обстояло дело с разногласиями во мнениях, которые вы искажаете, преувеличивая их, ни один из основателей "Фратерните" не требовал и не хотел упразднения семьи и брака, провозглашения атеизма, ни один из них не был основателем "Юманитера", разделявшим доктрины этого журнала».

Как же обстояло дело в действительности? В чем Кабе был прав и в чем он ошибался? Несомненно, Кабе был прав, утверждая, что «Фратерните 1845 г.» был основан сторонниками революционно-коммунистического течения как орган, противостоящий «Попюлеру». Об этом свидетельствуют не только приводимые им сведения о посещении некоторыми издателями «Фратерните» мастерских и рабочих собраний и об их агитации против «Попюлера» и его редактора. Об этом свидетельствует и самый факт основания — в явный противовес «Попюлеру» — нового коммунистического журнала. Основатели «Фратерните» действительно были люди различных философских концепций: среди них были и «спиритуалисты», т.е. люди верующие, и материалисты-атеисты, в той числе, как мы убедимся ниже, и бывшие основатели «Юманитера», в чем Кабе также был прав. Между ними неизбежно должны были возникнуть разногласия по целому ряду вопросов. Наличие этих разногласий вынужден был публично признать и

сам журнал. Все это уже в первый год его издания привело к расколу в рядах основателей журнала, который перешел в руки «спиритуалистов». У нас нет возможности проверить приводимые в этой связи Кабе цифры: 22 «спиритуалиста» против 21 материалиста, но следует заметить, что Кабе всегда, как правило, располагал очень точной информацией. Раскол среди издателей журнала подтверждается и тем, что с января 1846 г. вместо прежнего ответственного издателя, Вера, журнал подписывался новым ответственным издателем — Пийо. Но Кабе глубоко ошибался, полагая, что все зло было в материалистах-атеистах. Основной водораздел между коммунистами обуславливался в те годы не их приверженностью материализму или «спиритуализму», а их приверженностью мирному, икарыйскому или революционному коммунизму. Конечно, сторонники революционного коммунизма в своем большинстве защищали материалистическое мировоззрение, но всегда среди них были и «спиритуалисты». Так, например, лионский журнал «Травай», явно отдавая дань «спиритуализму», твердо стоял на позициях революционного коммунизма, за что и был подвергнут судебному преследованию. И именно «спиритуалист» Баллон, входивший в состав редакции «Фратерните» в 1842 г., был автором «Социальной и политической системы равных». Поэтому внутренние разногласия между издателями «Фратерните 1845 г.» по мировоззренческим вопросам привели к изменению общего направления журнала, и наивными были недоуменные вопросы Кабе, почему «спиритуалистское большинство» журнала продолжает столь же ожесточенно выступать против него даже после изгнания материалистов. Имена редакторов в журнале действительно не упоминались, и поэтому Кабе и обвинял их, что они «прячутся в тени». Но в 1847 г. произошло событие, которое несколько приоткрыло эту завесу. В связи с экономическим кризисом некоторые основатели журнала оказались больше не в состоянии делать взносы на его издание, а известное число подписчиков — вносить подписную плату. Журнал оказался в тяжелом финансовом положении, и редакторы журнала вынуждены были поместить в апрельском номере призыв к «коммунистам, нашим братьям-рабочим» оказать ему денежную помощь. Под этим призывом стояли следующие подписи «администраторов и редакторов "Фратерните"»: Вуанье, счетовод; фонтан, сапожник; Стевено, наборщик; Савари, сапожник; Нарси, слесарь; Адам Пино, книготорговый служащий⁷. Мы не знаем, конечно, сколь длительное время функционировала редакция в этом составе, но во всяком случае такова была редакционная коллегия «Фратерните» в 1847 г. А о некоторых из упомянутых лиц мы имеем конкретные сведения.

Стевено был старым революционером-подпольщиком. Еще в марте 1836 г. он был арестован по обвинению в заговоре и принадлежности к нелегальной ассоциации. Он участвовал в восстании 12 мая 1839 г., во время которого был ранен, причем первую помощь ему оказал сам Бланки⁸. На многих бумагах, хранящихся в Национальном архиве в особой папке, озаглавленной «Коммунистические общества»⁹, имеется пометка, что они были найдены по время обыска у Стевено. Савари также

был: старым коммунистом, так что де ла Одд даже ставил его имя в один ряд с именами Пийо и Дезами¹⁰. Бутон характеризовал Савари следующим образом: «Савари, рабочий-сапожник, является одним из тех, кто первым выдвинул в прессе идеи общности ... еще в 1839 г. он вел в журнале "Бон Сан" рубрику, называвшуюся трибуной пролетариев... Я познакомился с Савари в 1839 г., когда он был рабочим-сапожником, занимавшимся своей профессией. После 1839 г. Савари нашел должность газетчика, но был и всегда оставался пролетарием... У него сильный и гордый дух, даже несколько надменный, но правдивый»¹¹. Мы знаем, что Савари принимал участие еще в первом «Фратерните», издававшемся Лаотьером, на страницах которого в сентябре 1841 г. опубликовал свою теоретическую статью «О том, что суверенитет народа и общность взаимно связаны»¹². По своим философским убеждениям Савари был «спиритуалистом» (поэтому, как мы видели выше, Бутон и утверждал, что с Савари и прежними редакторами «Фратерните» вновь обрела деистический характер), но твердо стоял на позициях революционного коммунизма. Власти относились к нему с большой подозрительностью. По сообщению «Попюлера», 24 июля 1846 г. у него был произведен обыск «под предлогом хранения оружия и принадлежности к тайным обществам»¹³. Наконец, нам известно, что один из редакторов «Фратерните 1845 г.», Пино, был в свое время одним из ответственных издателей «Фратерните» 1842–1843 гг.

Хотя мы пока не имеем точных сведений о других членах редакционной коллегии журнала, но того, что мы знаем о трех из семи ее членов, достаточно, чтобы убедиться, что журнал и после победы «спиритуалистов» редактировался старыми революционерами, связанными еще с 30-х годов с тайными обществами. Судя по словам Бутона, руководящую роль в редакции журнала после изгнания материалистов играл Савари.

«Фратерните 1845 г.» издавалась в иных, гораздо более тяжелых условиях, чем предыдущие органы революционного коммунизма — «Эгалитер», «Коммюнотер», «Юманитер», «Травай». В 1840–1841 гг. еще была какая-то возможность пропагандировать в легальной печати коммунистические воззрения с довольно откровенными намеками на необходимость революционного преобразования общества (вспомним хотя бы заявление «Эгалитера» о необходимости в «критические эпохи» применения «хирургии»). Но начиная с конца 1841 г. и особенно в последующие годы положение существенно меняется. По мере роста коммунистического движения власти все решительнее прибегают к судебным и иным репрессиям. Процесс «юманитариев», привлечение к судебной ответственности редакторов «Травай» были тому наглядным свидетельством. Уже начиная с 1843 г. власти часто рассматривали как преступление даже самую пропаганду коммунистических воззрений. Лучшим примером того является судьба «Альманаха общности». Если в 1842 г. Дезами имел возможность вполне легально опубликовать этот «Альманах», то уже в следующем году, когда он выпустил оставшиеся нераспроданные экземпляры под новым названием, он был привлечен к

судебной ответственности и приговорен к тюремному заключению.

При анализе «Фратерните 1845 г.» необходимо полностью учитывать эту обстановку, которая сложилась во Франции в последние годы Июльской монархии и являлась неизбежным следствием общего реакционного курса правительства Гизо. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению содержания этого журнала, нужно предварительно указать на то, чего в нем нет, чего мы не находим на его страницах и чем он резко отличался от «Попюлера». В нем нет назойливого, повторного подчеркивания «мирного» характера проповедуемого им коммунизма. Правда, отвечая на нападки Кабе, носившие характер доноса, журнал отрицал, что он проповедовал осуществление реорганизации общества с помощью насилия. Действительно, такой открытой проповеди в нем не было, да и не могло быть. В то же время он в противоположность «Попюлеру» не рекламировал исключительно «мирные» средства, не обосновывал «мирную» идеологию. В нем нет и осуждения тайных обществ, «коалиций», «мятежей» — всего того, чем были заполнены страницы «Попюлера». Читая статьи Кабе, публиковавшиеся им «адреса» акционеров журнала и различных икарыйских организаций, в которых метались громы и молнии против любой нелегальной деятельности, предавались анафеме тайные общества, особенно ясно ощущаешь существенную и принципиальную разницу между «Попюлером» и «Фратерните 1845 г.». Поэтому то, чего нет в «Фратерните 1845 г.», быть может, не менее ярко характеризует общественно-политическую позицию этого журнала, чем даже то, что мы находим на его страницах.

Рассмотрим же теперь, хотя бы в общих чертах, содержание 38 номеров журнала, опубликованных за трехлетний период его существования. Прежде всего следует отметить следующее. Журнал публиковал отнюдь не только теоретические статьи, в которых пропагандировал, защищал и обосновывал идеалы коммунизма. Он был политическим журналом, следившим за жизнью страны и откликавшимся на все текущие события. В каждом номере публиковался «Обзор за месяц», в котором освещались политические события как в самой Франции, так и за рубежом. Помещались критические отчеты о заседаниях палаты депутатов, рассматривались и критиковались различные законопроекты. Подробно освещалось экономическое положение страны, крестьянские и рабочие волнения в различных департаментах. Сообщалось о забастовках рабочих различных профессий, например о стачке лионских красильщиков, о стачках плотников, шахтеров и др. Осуждались репрессии властей, в частности судебные процессы рабочих-стаечников. Разоблачались политические скандалы и коррупция, характерная для режима Июльской монархии. Большое место отводилось событиям за рубежом, в особенности революционному движению в зарубежных странах. Особое внимание уделялось чартизму: в журнале публиковалась обширная информация об этом движении с приведением соответствующих документальных материалов. При рассмотрении «Фратерните 1845 г.» мы, разумеется, не можем подробно излагать всю его тематику. Было бы также нецелесообразно детально пересказывать

его теоретические статьи, в которых обосновывались общеизвестные коммунистические принципы. Постараемся поэтому, независимо от характера опубликованных материалов, выявить наиболее характерное для общественно-политической направленности журнала.

Первый номер «Фратерните 1845 г.», вышедший в январе 1845 г., открывался обращением к читателям. В нем указывалось, что журнал был задуман рабочими, которые и публикуют его для своих братьев-трудящихся. «Предпринимая издание журнала, его основатели имеют прежде всего в виду распространить среди масс, согбенных под непосильным бременем эксплуатации, воодушевляющую их надежду и глубокую веру в лучшее будущее». Их цель — ознакомить «страдающие классы» с ширящимся движением за их освобождение. «Верьте же, наши страдающие братья, час освобождения близок, и он будет тем более близок, чем меньше вы будете впадать в уныние». «Наша доктрина может быть резюмирована следующим образом. Участие всех во всем под высшим контролем и гарантией общества... Социализация естественных или произведенных богатств. Обязательный труд для всех, с тем чтобы каждый трудился сообразно своим силам и способностям. Распределение плодов труда среди

всех по их потребностям. Подготовка к общественной жизни и различным функциям путем единого и общего воспитания, предусматривающего тройное — физическое, интеллектуальное и моральное — развитие человека. Всеобщее братство и общая солидарность, или слияние всех чувств, всех личных интересов в единое общее чувство и интерес». «Переходя от теории к практике, мы будем требовать в качестве средства для перехода (к этому новому общественному строю. — А.И.) инициативы социальной реформы от той власти, которая будет руководствоваться народными чаяниями, которая своими мудрыми, но одновременно энергично-прогрессивными действиями сделает основой общества великие принципы свободы, равенства и братства». Именно эти «представительные агенты общества» должны путем последовательных действий осуществить эту конечную цель¹⁴.

Уже в этом первом программном документе изложены три основные идеи, которые мы затем в различных вариантах постоянно встречаем на страницах журнала. Это, прежде всего, констатация эксплуатации рабочих и тяжелого положения трудящихся, интересы которых и намерен защищать новый периодический орган. Далее, утверждение, что их освобождение может быть достигнуто лишь путем установления нового, коммунистического общественного строя. Наконец, что переходные мероприятия для его постепенного установления должны осуществляться властью, руководствующейся народными чаяниями, — «представительными агентами общества», т.е. не теперешней государственной властью, а властью совсем иного типа.

После этого обращения к читателям в первом номере журнала была помещена вводная статья под названием «Принципы». В ней подробно излагались основные коммунистические принципы, которые нет

надобности пересказывать. Необходимо, однако, отметить, что и здесь редакторы журнала обращались непосредственно к рабочим. «Вы все, наши братья, вы все должны взяться за дело, распространяя новые доктрины... Выйдите из состояния апатии, в которую вы почти все погружены... и твердо надейтесь на будущее, которое сделает вас более счастливыми»¹⁵. Помещенная далее статья «Об идеях свободы и равенства во Франции и о писателях, которые их распространяли и защищали» интересна тем, что в ней отнюдь не говорится только об идеях, а высказывается откровенное сочувствие народным восстаниям, причем в качестве примера приводятся восстание «пастушков» в 1320 г., жакерия и восстание «босняков» при Генрихе IV к.

В разделе внутренней политики полностью напечатана тронная речь короля на открытии сессии палаты депутатов, в которой в самых радужных красках описывалось внутреннее и внешнее положение Франции, ее экономический расцвет, сбалансированность бюджета, устойчивый мир и т.п. Но это было для журнала лишь предлогом опубликовать речь, которая в будущем, в случае осуществления коммунистического преобразования общества, могла бы быть произнесена «представителями нации» «на ассамблее, избранной всеми гражданами». В речи этой указывалось, что после неизбежных кризисов на развалинах прошлого построено здание будущего. Царит всеобщее благосостояние — следствие реального равенства между гражданами, машинное производство облегчает труд людей, оставляя им больше свободного времени для развития их интеллекта и пользования всеми благами; сельское хозяйство и промышленность, руководимые государством, переживают небывалый подъем; новые средства коммуникаций опоясали всю страну; все население имеет необходимое образование; процветают науки, литература, искусства, всячески поощряемые и доступные всем¹⁷. Совершенно ясно, какую цель преследовал журнал, публикуя эту предполагаемую речь в противовес тронной речи короля. Прежде всего он хотел дать этим понять, что после соответствующего «кризиса», с установлением нового общественного строя не будет больше ни монархии, ни каких-либо современных государственных установлений. С другой стороны, он стремился противопоставить мнимое благосостояние и процветание Франции, выгодное только господствующему меньшинству, подлинному благосостоянию и процветанию всего общества в условиях коммунизма.

Во втором номере журнала особое внимание привлекает теоретическая статья, посвященная проблеме равенства. Ее цель — доказать, что все развитие человечества, и особенно развитие индустрии и путей сообщения, неизбежно ведет к установлению коммунистического равенства¹⁸.

В следующем, мартовском, номере журнал выражал решительный протест против высылки из Франции по требованию прусского правительства прогрессивных немецких писателей. «В их числе находится и философ-коммунист г. Шарль Маркс из Трира»¹⁹.

В продолжении статьи о равенстве, опубликованном в четвертом

номере, мы находим следующую характеристику классовых противоречий в современном обществе. «Общество состоит из нескольких враждебных фракций... Один класс полностью отделен от другого... Класс, находящийся в наихудшем положении, является, следовательно, в отношении другого приблизительно тем, чем являются лошади и волы в отношении тех, кого они обслуживают»²⁰. В статье, посвященной проблеме семьи, говорилось о преимуществах нового общественного строя, основанного на объединении всех семейств. В этой связи описывалась роль государства в условиях этого строя. «Государство с помощью своих многочисленных агентов руководило бы всеми работами и обеспечивало бы каждого в течение всей его жизни всем необходимым и приятным: питанием, одеждой, жилым помещением, спектаклями, библиотеками и т.д. и т.д. Государство взяло бы на себя также обучение всех детей какой-нибудь профессии, с тем чтобы затем обеспечивать их всегда работой... А знаете ли вы, чем в таком случае являлось бы государство? Оно было бы властью, состоящей из наиболее добродетельных и наиболее способных людей. Все граждане сами назначали бы эту власть и могли бы ее сместить, если бы ее действия не были бы удовлетворительными. Вы, следовательно, видите, что государство, или власть, было бы лишь собранием лиц, уполномоченных и вынужденных выполнять волю всех, т.е. действовать в интересах всех»²¹.

В том же номере помещена и статья «Система равных», целью которой являлась реклама книги Баллона.

В статье говорилось о том, как в эпоху Французской революции, после термидора, революционеры, воспитанные на «Общественном договоре» Руссо, «Кодексе природы» «Государстве Солнца» Кампанеллы и «Утопии» Мора организовали заговор с целью установить коммунизм! Вождями их были Бабеф, Дарте и Буонарроти. Первые двое были казнены, а добродетельный Буонарроти написал в изгнании книгу, которую по своему возвращении во Францию стал распространять среди своих друзей что содействовало образованию коммунистической партии. «Несколько лет назад коммунисты для пользы народного дела решили проанализировать ту часть этой книги, которая посвящена доктрине, и опубликовать ее под названием "Политическая и социальная система равных"... По многим причинам эта маленькая книжка заслуживает быть прочитанной как теми, которые хотят ознакомиться с коммунистической доктриной в ее первоначальном виде, так и теми, которые интересуются первыми жертвами нашего святого дела»²². В конце номера было помещено специальное объявление о продаже в конторе журнала этой книжки Баллона, изданной в 1842 г. и распространявшейся еще «Фратерните» тех лет.

Центральное место в майском номере журнала занимает обращение: «К рабочим. О необходимости знания как средства освобождения». «Братья, — говорилось в нем, — мы твердо верим, что мы подходим к концу наших страданий и что для всех наступят лучшие дни. Но не будем строить иллюзий; мы достигнем обетованной земли лишь в случае, если будем выполнять великий закон человечества, а именно трудиться». Уже

многое сделано с целью подготовить освобождение, но предстоит еще огромный труд. Раньше народ выступал на политической арене лишь как материальная сила. Теперь перед рабочими стоит более крупная задача. Физическая храбрость недостаточна, если она не сочетается с моральной силой, порожденной знанием. «Так, как до сих пор народ действовал лишь с помощью одного из этих двух элементов, то все революции всегда в прошлом были бесплодными и народ всегда оказывался разочарованным». Каждый раз народная победа и пролитая им кровь шли на пользу лишь привилегированным кастам. Буржуазия достигла господства только потому, что обладала знанием. Нужно, чтобы и пролетариат последовал этому примеру.

Многие из пролетариев, несмотря на тяжелые условия жизни, сумели разбить цепи, сковывавшие их разум. Нужно, чтобы все рабочие последовали этому примеру. Всегда можно выкроить время для самообразования, для приобретения необходимых знаний о путях, ведущих к освобождению, с тем чтобы вырваться наконец из социального ада, в котором они стонут. Нельзя ограничиваться лишь повседневными материальными заботами, что делает их похожими на животных. «Пролетарии... сумеете же преодолеть эту умственную летаргию, это постыдное унижение. Путем познания рабочих... становится способным содействовать подготовке всеобщей Эмансипации, он освобождается от многочисленных предрассудков и вредных привычек, делающих его рабом... Познание, следовательно, приводит к его немедленному моральному освобождению и одновременно подготавливает его социальное освобождение»²³.

Очень интересна также статья «О доминирующей идее европейских монархов и их влиянии на французское правительство». Европейские монархи исходят из принципа абсолютизма; они не хотят считаться с действительностью и пребывают в состоянии косности: их постоянное стремление — помешать распространению благотворных принципов, столь глубоко потрясавших Францию и Англию и уже завоевывающих Германию. Отсюда — их давление на французское правительство, которое во имя мира любой ценой и сердечной антанты, а также в страхе перед новыми идеями готово идти им навстречу. Отсюда — степа фортов, в которую заключен Париж, «очаг социализма». Европейские монархи хотят остановить голице, но это невозможно. «Пусть народы будут спокойны: вся история — это история прогресса. Этот основной принцип развития общества более могуществен, общественные законы более повелительны, чем воля временщиков, не способных остановить ни даже отсрочить на секунду триумфальное шествие человеческого рода». И в этой связи в статье содержится одно из наиболее смелых заявлений, которые мы можем встретить на страницах журнала. «Подготавливается громадное движение, приближается, по-видимому, страшная катастрофа, и теперешняя эпоха содержит в своем чреве зародыши всеобщего потрясения»²⁴.

В седьмом номере, разнообразя методы пропаганды, журнал поместил большую поэму — сатиру «Наше общество». В ней дана яркая

картина страданий трудящегося народа, рабочих, получающих мизерную заработную плату, на фоне роскоши и расточительства господствующих классов. Царит всеобщая нужда, а иногда и подлинный голод. Люди труда живут в жалких лачугах, питаются отбросами, которые не стали бы есть и собаки, голод побуждает их дочерей заниматься проституцией, многие кончают жизнь самоубийством. «Буржуа-эгоисты, бесчувственные министры, осмейтесь отрицать эти чудовищные факты; осмейтесь в ваших речах лицемерно заявлять, что мы не страдаем. Вечный стыд вам, трусливым тартюфам; к столь большой жестокости не присоединяйте еще и оскорбление. Позор власти, которая на все эти несчастья отвечает лишь жестокой насмешкой и чьи агенты-доносчики сажают в тюрьму неимущих и бродяг, лишенных работы». Что же следует делать? Нужно ли покорно смириться и терпеливо ждать? «Ждать, ждать еще, когда голод, как пламя, вас испепеляет, когда рядом с вами в роскошных дворцах столы из красного дерева ломаются от яств». «Нужно ли с безнадежной грустью склонять голову, ожидая, когда разразится гроза, которая навсегда погрузит в небытие подлого бездельника?» Нет, вопреки всему и теперь есть люди, которые борются за светлое будущее. «В тесных тюремных камерах, с сотнями железных засовов, охраняемые тюремщиками, истинными исчадиями ада, бесчисленные храбрые люди страдают за истину». Поэма заканчивается следующим лозунгом: «Народы, соединяйтесь во имя свободы и начертите на вашем знамени — Равенство»²⁵.

Много интересных материалов имеется и в восьмом номере журнала. В статье, посвященной проблеме свободы, подробно обосновывается мысль, что при существующих общественных условиях нет и не может быть подлинной свободы. Этому препятствует прежде всего «материальная зависимость». Несчастный плебей, закабаленный невыносимым трудом и лишениями, не может быть свободным. Это раб, хотя и находящийся в несколько лучшем положении, чем рабы античности, но все же раб. Разве современное общественное устройство дает возможность всем гражданам участвовать в разработке законов, которые могут сделать их жизнь или счастливой, или несчастной? О какой свободе может идти речь там, где человек работает сверх меры, где ему не обеспечены ни пропитание, ни образование, ни отдых, ни развитие его умственных и физических способностей. Истинная свобода может существовать только в условиях коммунизма, когда ни один человек не будет зависеть от другого. Истинная свобода — это свобода всех, а свобода всех может существовать лишь в условиях полного равенства, равенства в правах и обязанностях. «Следовательно, общность является подлинным царством свободы, устанавливая равенство между всеми»²⁶.

В статье «Цивилизация является продвижением человеческого разума к общности» затрагивается очень важный вопрос о закономерности общественного развития. До сих пор говорили о различного рода правлениях — абсолютистском, монархическом, демократическом, о представительной монархии, но всегда считали и

считают, что эти формы правления были установлены волей королей или законодателей. «Исходя из этого векового заблуждения, люди сегодняшнего дня, образованные или несведущие, сторонники или противники коммунистических доктрин, также верят и заявляют, что общность — это политическое и социальное устройство, изобретенное некоторыми честолюбивыми или гениальными людьми. Противники равенства относятся к эгалитарным философам с презрением и клеветают на них; коммунисты, со своей стороны, приписывают открытие этих социальных институтов Миносу, Ликургу, Пифагору, Кампанелле, Томасу Морю, Морелли, Бабефу и Буонарроти. Некоторые из наших единомышленников чуть ли не утверждают, что без этих народных мыслителей общность еще несколько веков, а быть может, и навсегда осталась бы неизвестной из-за заблуждений и пороков человеческого рода. Чем же является эта доктрина, как не доктриной откровения, примененной к политике, ложной и возмутительной, — доктриной, приписывающей отдельным лицам — неважно, называются ли они Ликургом, Христосом или Бабефом, — достижения предшествующих им поколений. Мы считаем ... подобное мнение заблуждением». Общественное устройство соответствует уровню цивилизации своей эпохи, и ни один человек никогда не мог бы открыть законы, не соответствующие этому уровню. «Каждая форма правления соответствует определенной ступени цивилизации, через которые человечество должно пройти, чтобы достигнуть предназначенной ему цели». Только исходя из этого, можно понять причины «многочисленных революций и непрекращающихся волнений, которые невежество приписывает легкомыслию и непостоянству народов»²⁷. Несмотря на идеалистический и даже телеологический характер изложенных в этой статье воззрений, она, безусловно, интересна тем, что рассматривает коммунизм не как учение, разработанное отдельными лицами, будь то даже такими, как Бабеф, а как закономерный этап развития общества.

В полемической статье, опубликованной в девятом номере в ответ на статью о коммунизме в фурьеристском органе «Демократа пасифик», говорилось: «Да, коммунизм является социальным протестом классов, приносимых в жертву и лишенных всех прав; но ценность коммунистической идеи заключается не только в этом... коммунистическое движение, развивающееся в наши дни среди трудящихся классов... это голос народа, требующий равных прав и обязанностей, полного морального, интеллектуального и физического развития, справедливого, равного и общего участия в бремени и преимуществах человеческой ассоциации»²⁸.

В октябре в статье «Идея коммунизма — это идея блага» журнал писал: «В мире существуют лишь два принципа — коммунизм и индивидуализм, как есть только два чувства — ненависть и любовь, только два пути — эксплуатация и самоотверженность». Эксплуатация во всех своих формах — рабства, крепостничества, пролетарства — неизбежно ведет к революциям. Коммунизм, указывалось в ответе Ледрю-Роллену, опубликованном в том же номере, является

порождением демократии, ее логическим выводом и завершением, выводом из принципов, провозглашенных Французской революцией. Для тех, кто по велению сердца и своим убеждениям принадлежит «к рабочей демократии», единственно истинная демократия — это общество, организованное на коммунистических началах²⁹.

В тринадцатом номере — первом номере журнала за 1846 г. — его издатели вновь обращались с призывом к рабочим повышать, несмотря на все трудности, свой интеллектуальный уровень, приобретать необходимые знания. «Будем всегда помнить мы, дети французской демократии, тяжелое жизненное поприще наших предшественников, которые через гигантские битвы великого революционного периода завещали нам наследство, плоды которого мы должны пожать... Отступите ли вы, братья, перед трудностями интеллектуальной работы, к которой мы вас призываем, в то время как ваши отцы сумели противостоять коалиции королей в 93 г., а ваши старшие современники не отступили перед монархическими пушками в 1830 г.?» Ведь революции всегда осуществляют лишь то, что было подготовлено развитием материальных и моральных потребностей наций, развитием и распространением в их среде новых идей³⁰.

В марте 1846 г. журнал констатировал: «Июльская революция не только не закрепила мир между народом и монархией, мир, подписанный буржуазией, но лишь открыла эру революций». Понимая, что нет возможности управлять только с помощью силы, правители широко прибегают теперь к коррупции. Но коммунисты видят в этом лишь веское доказательство слабости принципа привилегий и силу демократии. «Министры центра, левого центра и династической левой больше не управляют и не могут управлять иначе, как с помощью политической коррупции: это необходимость для всех тех, кто не примыкает к святому делу Равенства. Лишь люди, желающие народного правительства, установленного народом и для него, полные решимости следовать за ним или, вернее говоря, направлять его по пути реформ, могут пренебрегать этим средством и освободиться от него».

В том же номере журнал решительно выступал против попыток «раздробленного и частичного применения коммунистического принципа», т.е. создания отдельных коммунистических общин в условиях существующего общественного строя, сколь бы полезны они и пи были с точки зрения выдвижения актуальных общественных проблем. «Чтобы принести свои плоды, коммунистическая идея должна осуществляться с помощью всех элементов, на которых зиждется жизнеспособность, сила и могущество общества; без применения этих средств, испробованная по ограниченному плану, она неизбежно потерпит неудачу... Воздействовать на все социальные элементы, трудиться над тем, чтобы последовательно их изменять до полного упразднения разлагающего воздействия индивидуализма, который следует заменить коллективным и солидарным действием, — таково дело коммунизма. Только сверху, только от государства, учрежденного на демократических началах, может исходить подлинно эффективная инициатива любой социальной реформы»³¹.

В новом обращении «к трудящимся, нашим братьям», стремящимся «к освобождению», журнал давал следующий совет: «Особенно остерегайтесь поддаваться вероломным внушениям тех, которые говорят, что рабочему нечего заниматься общественными делами; эти люди по существу побуждают вас отказаться от человеческого достоинства, с тем чтобы держать вас в нужде и порабощении». В том же майском номере 1846 г. опубликованы два письма, возможно фиктивных: некоего Жоржа, выражавшего полное отчаяние в связи с участью рабочих, и ответ его друга Урбена: «Полно, брат, полно, освободись от этой дикой мизантропии, которая стремится овладеть твоей душой; вместо того чтобы покорно склонять голову и шептать: я — отверженный, я — парий, лучше высоко подними ее с благородством и гордостью, говоря: я — трудящийся, я чувствую свою силу и могущество; придет день, когда никто не будет это оспаривать»³².

В статье «Так было, так будет всегда» журнал задавал вопрос: «Если до настоящего времени, несмотря на революции, которые он осуществил, народ всегда оставался угнетенным и эксплуатируемым, то следует ли из этого заключить, что так будет вечно?» Журнал призывал бороться с этим ложным представлением, отрицающим самую идею общественного прогресса. Именно в результате подобного ложного убеждения можно встретить в мастерских столько несчастных рабочих, погруженных в апатию, считающих свои беды неизлечимыми и не верящих в лучшее будущее. «Посмотрите прессу, выражающую чувства и интересы буржуазии; разве каждый проект и каждая теория, преследующие цель хоть несколько изменить наш общественный строй, не характеризуются в ней как утопия, мечта и т.п.?» Но пусть «буржуа-эгоисты» ответят, кем они были век назад? Они были виланами, зависящими от сеньоров, как теперь от них зависят рабочие. Без 1793 г. они оставались бы и сейчас подвластными дворянству и духовенству. Как же они осмеливаются утверждать, что всегда так было и всегда так будет? «Послушайте, послушайте, вчерашние виланы, сегодняшние сеньоры, ваше господство не только не обещает быть длительным, но уже теперь обречено на гибель. Несмотря на ваши усилия держать пас вечно под своей опекой, среди масс развивается процесс интеллектуальной и моральной эмансипации, который волей-неволей, приведет к их социальному и политическому освобождению... В ожидании этого последнего часа, который установит равенство между всеми членами великой человеческой семьи, говорите, если хотите, что вы наши хозяева, но не говорите, что вы ими вечно останетесь»³³. В теоретической статье, посвященной «Социальной экономии», анализируются специфические черты производства при существующем общественном строе. «В настоящее время в силу существующих социальных институтов производство ведется от имени и в интересах немногих, в ущерб большинству». Рядом с истинным производителем, рабочим, находится другой человек, именуемый хозяином, который, опираясь на собственность, называемую капиталом, присваивает часть заработка рабочего. Таким образом производство «идет на пользу лишь владельцу

капитала». «Поскольку производство из рук истинных производителей перешло в руки капиталиста, как обслуживает оно общественные потребности? Беспокоится ли он, капиталист, об истинных потребностях населения? Отнюдь нет». Его единственная цель — «увеличить свой капитал». Очень интересна высказанная в этой статье мысль, что машинное производство по самой своей сути несовместимо с производством, основанным на личном эгоизме и спекуляции. Машины по самому своему существу предназначены «служить общему интересу». Поэтому при будущем общественном строе они и станут основой всеобщего благосостояния³⁴. В продолжении этой статьи, опубликованном в следующем номере журнала, подробно обосновывается несовместимость подлинного производства, рассчитанного на удовлетворение общественных нужд, с частной собственностью. «Основной причиной расстройств в социальной экономике производства является, безусловно, право частной собственности как в сельском хозяйстве, так и в промышленности...

Истинное производство несовместимо с правом собственности, это нонсенс в истинной социальной экономике, так как собственник, исходя из этого права и подчиняя производство своей воле, всегда жертвует общим интересом ради своего личного интереса... Из этого с несомненностью следует, что зло, которое существует, что нужда, которая гложет общество, являются результатом присвоения земли, ее продуктов, капитала, орудий труда». В тоже время в статье резко критикуются имевшие столь широкое хождение во Франции идеи трудовой собственности как единственно законной. Некоторые «допускают и выдвигают как принцип общественного права труд, дающий право на собственность. Заблуждение! .. Труд, как таковой, но дает никакого права на собственность»³⁵.

По мере усиления экономических неурядиц, продовольственного кризиса и роста дороговизны, характерных для последних лет Июльской монархии, журнал все больше внимания уделял повседневному экономическим проблемам, рассматривая их, однако, как неизбежное следствие существующей системы производства. В этом отношении характерна статья «О продовольствии», помещенная в октябрьском номере журнала за 1846 г. О конкретном содержании этой статьи, рисующей яркую картину истинных причин поразившего Францию продовольственного кризиса, нам придется еще говорить ниже. Скажем лишь, что, правильно связывая этот продовольственный кризис и рост дороговизны с самой сутью капиталистического строя, неизбежно порождающего спекуляцию, статья разоблачала и истинный характер буржуазного господства. Почему законы столь бессильны перед спекуляцией? Почему, наоборот, они обретают силу, когда рабочие объявляют забастовку, когда эти новые рабы пытаются таким способом добиться повышения своей заработной платы для удовлетворения своих самых насущных нужд? «Почему не существует равенства перед законом? Почему наши законы установили различия в области правонарушения между лицами различного общественного положения; почему права для

одних, обязанности для других? Ответ очень простой: основная цель наших законов — обеспечить права собственников земли и капиталистов, т.е. обеспечить им обладание и свободное распоряжение вещами и ценностями, и именно в этих целях учреждены трибуналы, чтобы тщательно следить за поддержанием этих прав. Итак, совершенно естественно, что те, кто не является владельцем ни капиталов, ни земли, кто за заработную плату продает свои рабочие руки тем, кто ими владеет, не пользуются покровительством законов... Не нужно утаивать... что слово "равенство", записанное в наших законах, является лишь пустым словом, без всякого значения для лиц наемного труда; как быть равным другому человеку, когда личные права и общественное положение не являются равными?»

В помещенном в том же номере ежемесячном обзоре недвусмысленно говорится следующее: «Нет, поверьте нам, социальные реформы не достигаются мирными средствами; народы вырывают их у привилегированных классов и завоёвывают их ... Пусть нам не приводят в пример Англию: если в этой стране некоторые реформы и были проведены без сильных потрясений, то только потому, что они шли на пользу класса, руководящего государственными делами, а не на пользу народа. Если завтра чартисты выступят, чтобы добиться политической и социальной реформы, то вы увидите, как и по ту сторону пролива им будет противостоять беспощадная, чудовищная оппозиция богатой и наглой буржуазии, которая, приглушив свои капризы и требования, вступит в союз с монархией против народа»³⁶.

Месяц спустя, в ноябре, журнал в очередном обзоре, описывая имевшие место забастовки, констатировал: «Борьба между капиталистами и трудящимися открыто продолжалась в различных местах Франции». «Буржуа, хозяева, патроны — одним словом, эксплуататоры» образовали ассоциации, чтобы защищать свои интересы; экономисты и фабриканты свободно проводят свои собрания. Рабочим же, обратившимся за соответствующим разрешением, было в этом отказано. «Власть слишком плохо расположена к рабочему классу... до сих пор она относилась лишь с пренебрежительным презрением к интересам трудящихся». «Во всяком случае, правительство и класс, который оно представляет, сбросили маску» и показали, что и в этом случае, как и в многочисленных других, они руководствуются двумя различными критериями. Но если бы даже рабочие и имели возможность собраться, могли бы разве их советы в какой-либо мере изменить решения «баронов индустрии» и правительства, являющегося их покорным слугой?³⁷

В декабрьском обзоре ежемесячных событий положение, сложившееся во Франции, характеризовалось следующим образом: «С одной стороны, тирания, эгоизм и коррупция, порабощение и нужда, с другой — анархия и беспорядок повсюду». В этом же номере журнала помещено воззвание «К нашим братьям-трудящимся. Вне равенства в общественном положении нет спасения». Это воззвание, как и ряд других статей, опубликованных в 1846 г., свидетельствует, что журнал к тому времени прочно находился уже в руках «спиритуалистов». В нем

зарождение коммунистического идеала связывается с учением Иисуса Христа — этого защитника угнетенных, пожертвовавшего ради них своей жизнью. В те времена не было, однако, возможности осуществить общность, и христианская церковь превратилась в мощное орудие порабощения народных масс. Но не эти ссылки на Христа и его заветы являются сутью обращения. В нем содержится призыв завершить дело Французской революции. Это задача «детей вчерашних рабов», париев современной цивилизации. «Мы должны добиться, чтобы принесли свои плоды гигантский труд той сильной расы, которая в период революционной бури не отступила ни перед какой жертвой, дабы продвинуть дело освобождения, сформулированного перед лицом всего мира в величественном и бессмертном девизе: Свобода, Равенство, Братство! ... Пролетарии, наши братья! Вот благородная цель, которой вы должны посвятить всю свою активность». Не следует доверять никаким теориям, как бы соблазнительны они ни были, если они направлены против равенства и противоречат основной цели — полной эмансипации угнетенных классов. Не следует впредь вступать в борьбу, чтобы добиться лишь эфемерных преобразований, не меняющих ничего в социальном строе. Необходимо, «чтобы государство, организованное на демократических началах, согласно общей воле, социализировав собственность и богатства, плод работы всех, гарантируя удовлетворение различных потребностей, положило конец исключительному избытку некоторых — непосредственной причине нужды громадного большинства». «Мужайтесь же, дети труда, выполните ваш долг, как выполнили его ваши отцы, и преисполнитесь надеждой: день справедливости, возмещения и освобождения близок; будьте упорными, и этот день озарит ваш триумф, и несправедливость будет побеждена»³⁸.

Вступая в третий год своего существования, журнал напечатал в январском номере 1847 г. обширную вступительную статью, в которой как бы подводил итоги пройденного пути. В ней указывалось, что целью основателей журнала было участие в великом деле освобождения. Приверженцы журнала — «трудящиеся классы». Он является не «откровением» тех или иных лиц, но подлинным выражением принципов, исповедуемых рабочими. Никогда победа равенства не была столь близкой. Об этом свидетельствует положение не только во Франции, но и во всей Европе. Современный экономический строй не может гарантировать даже минимум материального существования и осуждает целые народы на голодную смерть, примером чего являются Ирландия и Фландрия. Поэтому коммунизм находит столь быстрое распространение. Конечно, народам предстоит пережить «страшный кризис», но все познавшие законы общественного развития находят в самом этом кризисе утешительную уверенность в скором освобождении. Современное положение не что иное, как мучительная агония старых общественных институтов. Будущее принадлежит коммунизму. Коммунизм все больше овладевает умами обездоленных классов всех европейских наций. В настоящий момент и во Франции, и в Англии, и в Германии, и в Швейцарии коммунизм стоит в порядке дня; он является надеждой всех

несчастных и страдающих. Коммунистическая доктрина как по своему изначальному принципу, так и по конечной цели является подлинно демократической. Лишь коммунизм создает необходимые условия для народного суверенитета, всегда иллюзорного в условиях системы наемного труда и эксплуатации. Получающие заработную плату всегда находятся в зависимости от тех, кто ее выплачивает. Поэтому те, кто искренне стремится обеспечить народный суверенитет, должны неизбежно прийти к коммунизму. Вне коммунизма нет подлинного суверенитета народа. Коммунисты являются наиболее последовательными демократами. В заключение статьи вновь говорилось о неизбежности победы коммунизма. «Самая ужасающая нужда, дороговизна продовольствия, забастовки, мятежи наемных тружеников, всегда сокрушаемых в утих отпавших битвах труда против капитала, беспощадных и безудержных в своих эксцессах, — все эти бедствия, истекающие из неравенства, не должны разве заставить почувствовать, что следует изменить основы общества...» Издатели «Фратерните», имея непоколебимую веру в коммунизм, в то же время убеждены, что для его осуществления требуется переходное время. Они знают, что мечтать о немедленном применении их принципов было бы химерой. Они стремятся лишь к тому, «чтобы верховная власть, закалившаяся в системе демократии, взяла бы в свои руки инициативу социальной реформы». Только такая власть могла бы, используя ресурсы большой нации, опираясь на народные симпатии, эффективно вмешиваясь в организацию общественного труда, ликвидируя анархию в производстве и потреблении, осуществить постепенно эту радикальную общественную реформу³⁹.

В следующем, февральском, номере особое внимание привлекает статья «О равенстве политических прав без равенства социальных условий». В статье резко осуждаются предложения о создании ассоциаций с участием трудящихся и капиталистов. Прежде всего, кто может быть настолько смелым, чтобы серьезно утверждать, что капиталисты захотят вступить в ассоциацию с рабочими? Но если даже такая ассоциация и была бы возможна, то в ней продолжали бы существовать угнетатели и угнетенные, причем последние находились бы в той же материальной и моральной зависимости от первых. Ассоциированный или нет рабочий всегда будет прикован к капиталисту, и капитал всегда может решать все вопросы в свою пользу. Конечно, фурийские фаланстеры, хотя и основанные на этом принципе, предоставляют некоторые преимущества трудящемуся как индивидууму, но отнюдь не как гражданину. В фаланстере, где сохраняются различные классы, где имеются бездельники и трудящиеся, последние всегда будут становиться жертвой коррупции и голосовать при выборах всех общественных должностных лиц по наущению капиталистов. Теория социального неравенства Фурие неизбежно предопределяет превосходство богатого и зависимость бедного. К счастью, человечество претворяет в жизнь лишь доктрины, порожденные самой жизнью, а не проекты какого-либо одного человека, какими бы прекрасными и соблазнительными они ни

казались⁴⁰.

В мае, описывая экономический и политический кризис в стране, журнал вновь связывал его с общим кризисом существующей общественной системы. На вершине общественного здания — коррупция, в центре — коммерческий, промышленный и финансовый кризис, в основе всего — голод трудящихся. Таков итог существующего общественного строя и наглядное свидетельство правильности коммунистических доктрин, лишь осуществление которых может положить всему этому конец⁴¹.

В июльско-августовском номере 1847 г. журнал в передовой статье считал необходимым вновь подробно изложить свои принципы. В этом изложении интересны следующие два момента. Во-первых, в нем говорится о проблеме семьи и брака. Журнал решительно высказывался за сохранение семьи как социального института, семьи, «очищенной» от эгоистических интересов, а также за сохранение института брака, без которого существование семьи невозможно, но не современного брака, носящего характер коммерческой сделки. Во-вторых, в нем подробно изложена программа мероприятий нового, демократического государства, которое предприняло бы постепенную перестройку общественного строя на коммунистических началах. Такое государство должно было бы наряду с регулированием сельскохозяйственного производства и распределением зерна постепенно содействовать «совместной обработке земли, более экономичной с тройной точки зрения — времени, труда и расходов — и более продуктивной, чем раздробленная обработка». Его основной задачей в области индустрии должно быть «освобождение пролетариев наших мастерских и наших мануфактур от их несчастного и ненадежного положения, печального результата эксплуатации, которой они подвергаются». Для этого необходимо, чтобы государство прежде всего взяло в свои руки, минуя частных подрядчиков, осуществляемые им работы в области строительства и ремонта национальных, департаментских и коммунальных сооружений, строительства дорог, каналов и других средств сообщения, строительства зданий и поставок нищи, обмундирования и мебелировки для армии, учебных заведений, больниц и т.п. Это даст возможность государству постепенно усилить свое активное воздействие на промышленность в целом, «которую оно могло бы таким образом постепенно видоизменять вплоть до ее полной социализации»⁴².

В ноябре в особой статье рассматривались уроки Французской революции. В ней, в частности, говорилось о самоотверженности революционеров той эпохи. Конечно, революцию совершили «трудящиеся поля и мастерских, побуждаемые требованиями жизни». Но сколько самоотверженности потребовалось революционерам, чтобы поднять против тирании, против королей, сеньоров и духовенства безоружное население, привыкшее к игу, опасющееся кар небесных, которыми им грозили священники, и пыток, наказаний и смертной казни, с помощью которых деспоты защищали свои привилегии. Нужно следовать примеру этих самоотверженных революционеров. «Вы все, которые стремитесь к

общности, не дайте встречаемому вами сопротивлению и препятствиям сломить вас... Будем хладнокровными, как того требует время ... но вооружимся для повелительных обстоятельств активной и открытой самоотверженностью, которая воодушевляет, прельщает, восхищает и увлекает сердца». В ежемесячном обзоре журнал также подчеркивал быстрое распространение в народных массах коммунистических идей, что предвещает в ближайшее время обильную жатву. «В особенности большие индустриальные центры являются очагами, где разрабатываются и обсуждаются вопросы справедливости и общего счастья»⁴³.

В декабре журнал в качестве передовой статьи поместил обстоятельный ответ на речь о коммунизме, произнесенную председателем Королевского суда в Риоме, при открытии его очередной сессии. Мы не станем пересказывать здесь эту обширную статью, продолжение которой помещено и в следующем номере журнала. Отметим лишь очень яркое разоблачение мнимой свободы, существующей в буржуазном обществе. Разве можно объявлять свободными бесчисленное множество человеческих существ, которые проводят свою жизнь в зависимости, невежестве и нужде? Разве свободен тот, кто не может следовать своему признанию, не может закончить школу и должен с самых юных лет, чтобы помогать семье, заниматься тяжелым, изнуряющим трудом. Разве свободен тот, кто не может работать из-за отсутствия работы? Разве свободен тот, кто имеет выбор лишь между безработицей и чрезмерным трудом, кто должен терпеть снижения заработной платы или умирать с голоду? Разве свободен тот, кого из-за преклонного возраста выбрасывают па улицу и кто, проработав 40—45 лет, может рассчитывать лишь на общественную благотворительность? Разве свободен тот, кто подчас не имеет возможности жениться или, женившись, должен оплакивать рождение каждого нового ребенка? Разве свободен тот, кто не может свободно выбирать законодателей? Разве свободен тот, кто, опасаясь тюремного заключения, не может открыто обсуждать и пропагандировать новую социальную организацию?⁴⁴

В первом номере 1848 г. подводились итоги предыдущего года. 1847 год был годом экономического и продовольственного кризиса, усиления страданий трудящихся классов, но в то же время и годом роста социального движения, распространения требований об упразднении эксплуатации человека человеком, об организации труда и справедливом распределении его продуктов. «Коммунисты! Рабочие, наши братья! Дело освобождения и братства продвигается вперед, и впредь ничто не сможет его остановить»⁴⁵.

Говоря о номерах «Фратерните», опубликованных накануне революции 1848 г., нельзя не упомянуть и о последней дискуссии журнала с «Попюлером», дискуссии, носившей принципиальный характер. В 1847 г. Кабе выдвинул новый лозунг, который и стал усердно пропагандировать. 9 мая он опубликовал в «Попюлере» воззвание «Отправимся в Икарию», в котором он призывал своих сторонников эмигрировать в Америку с целью создать там икарийские коммуны. «Потому, что нас преследуют во Франции, потому, что нам отказывают во

всех правах, в свободе ассоциаций, собраний, дискуссий и мирной пропаганды, отправимся искать в Икарии наше человеческое достоинство, наши права гражданина, Свободу вместе с Равенством. Поскольку нас оставляют без работы и без хлеба, подвергают всем ужасам голода, отправимся искать в Икарии работы и изобилия». Кабе выражал уверенность, что от десяти до двадцати тысяч икарийцев захотят эмигрировать в самое ближайшее время, а затем это число достигнет ста тысяч, если не миллиона. В конце этого номера было помещено извещение, предлагавшее всем икарийцам, желающим эмигрировать, сообщить соответствующие данные о себе и своих друзьях корреспондентам «Попюлера». Этот призыв Кабе, эта его новая инициатива означала фактически завуалированное признание банкротства икарийского движения. Годами Кабе уверял всех и вся, что мирная икарийская пропаганда приведет при содействии власть имущих и буржуазии к постепенному преобразованию общественно-политического строя Франции и установлению коммунизма. Теперь же он, в сущности, был вынужден публично признать иллюзорность своих прежних надежд. Но вместо того, чтобы сделать из этого правильные политические выводы, он попытался лишь заменить прежнюю, обанкротившуюся концепцию другой, еще более иллюзорной и утопической, а именно предложением организовать икарийские коммунистические общины в отдаленной Америке, куда он намерен был отправить чуть не сотни тысяч людей. Это было уже настоящим авантюризмом, принимая тем более во внимание, что Кабе к тому времени прекрасно знал, какая неудача постигла в той же Америке Роберта Оуэна, несмотря на гораздо более скромные масштабы его экспериментов и наличие в его распоряжении больших финансовых средств.

Поэтому «Фратерните» счел нужным сразу же откликнуться на этот призыв Кабе, резко осудив его. Журнал справедливо указывал, что это обращение является не чем иным, как «криком уныния и отчаяния», как лозунгом «спасайся, кто может», что оно способно создать впечатление, будто коммунизм отрекается от своих основных принципов. Напоминая, что в свое время сам Кабе высказывался против подобных проектов, журнал указывал, что Кабе не располагает никакими материальными возможностями, чтобы осуществить подобный проект. Но суть заключается не в этом. Если бы даже можно было его осуществить, подобный путь является неприемлемым: «Наш долг, интересы нашей идеи требуют от нас оставаться здесь, на нашем посту; оставить его означало бы бросить на произвол дело наших братьев ради личного эгоистического счастья». День, когда все социалисты и демократы, все друзья справедливости, равенства и братства решили бы эмигрировать из Франции, был бы самым прекрасным днем для аристократии, для эксплуататоров народа, для людей собственности, ренты и капитала. Кабе говорит о преследованиях, которым подвергаются коммунисты во Франции, о царящей там нужде. Но разве коммунисты, люди будущего, должны отступать перед преследованиями и отчаиваться? «Коммунизм не является индивидуальной комбинацией эгоистического счастья, которую

можно по желанию брать с собой и пробовать в различных точках земного шара». Коммунистический строй для своего осуществления и функционирования требует использования всех ресурсов большого общества, т.е. он должен обладать силой, какой не может располагать колония экспатриированных лиц, сколь бы многочисленной она ни была. Коммунизм не может быть осуществлен частично, по воле того или иного лица. Долг коммунистов предписывает им оставаться в первых рядах участников процесса освобождения, который происходит сейчас повсюду в Европе, и особенно во Франции⁴⁶.

Мы не станем здесь подробно пересказывать дальнейшую полемику между «Фратерните» и «Попюлером» по этому вопросу. По своему обыкновению Кабе отвечал не убедительными контраргументами, а общими фразами и даже прямыми ругательствами. Поэтому уже в июльском номере 1847 г. «Фратерните» сделала следующее заявление. «То, что мы писали в прошлом месяце, мы повторяем и сегодня, с тем большей уверенностью, что, с одной стороны, автор "Путешествия в Икарию" не сумел нас опровергнуть, а с другой — потому, что как из Парижа, так и из департаментов нами получено много изъявлений согласия, подтверждающих, что мы правильно судили о чувствах наших единомышленников и об эмиграции как таковой»⁴⁷. Поскольку, однако, нападки Кабе продолжались, и он доходил до того, что заявлял, будто «заблуждения и эксцессы» лиц, пишущих от имени рабочих, являются «одной из общественных неурядиц современной эпохи»⁴⁸, то в июльско-августовском номере, в статье «О методах рассуждения инициатора икарийской эмиграции», редакторы «Фратерните» вынуждены были выступить в более резком тоне⁴⁹. Но все это не столь существенно, важна лишь сама позиция, занятая «Фратерните» по этому принципиальному вопросу.

«Фратерните 1845 г.» по длительности существования и по своим масштабам не идет ни в какое сравнение с предшествовавшими ему органами революционного коммунизма. «Эгалитер» вышел всего в количестве двух номеров в мае—июне 1840 г., два номера «Юманитера» были изданы в июле—августе 1841 г., три номера «Травай» — 1, июне—сентябре 1841 г., а единственный номер-проспект «Коммюнотера», опубликованный в августе того же года, состоял фактически всего из одной статьи. Что же касается «Фратерните 1845 г.», то журнал этот регулярно издавался в течение свыше трех лет, и его 38 номеров содержат около 350 страниц большого формата, в две колонки, набранных убористым шрифтом. Мы привели лишь некоторые выдержки из статей и различного рода материалов, опубликованных в этом журнале. «Фратерните 1845 г.» заслуживает специального изучения, и ему должна была бы быть посвящена особая монография. Но даже и те данные, которые мы привели, с несомненностью свидетельствуют, что журнал этот был органом революционного коммунизма. Он стоял на классовых позициях, открыто провозглашая себя органом рабочих, защищающим интересы эксплуатируемых. Он давал исчерпывающую характеристику общественно-политического строя Июльской монархии.

Общество состоит из враждебных классов. Во Франции идет открытая борьба между «капиталистами и трудящимися», происходят «отчаянные битвы» между «трудом и капиталом». Государственная власть защищает лишь интересы «собственников земли и капиталов». Производство находится в руках капиталистов, «идет на пользу лишь владельцу капитала», капиталисты думают не об общественных потребностях, а лишь о том, чтобы «увеличить свой капитал». Поэтому «истинное производство несовместимо с правом собственности», тем более что современное машинное производство по самой своей сути носит общественный характер. Основная политическая задача — это эмансипация угнетенных классов, освобождение эксплуатируемых ныне пролетариев. Коммунизм — не открытие тех или иных отдельных лиц, а закономерный результат общественного развития. Коммунизм — идеология трудящихся, «социальный протест» эксплуатируемого класса. Коммунизм — воплощение подлинной демократии, свободы и народного суверенитета. Лишь он способен разрешить все общественные противоречия. Коммунизм не может быть построен частично, путем организации отдельных общин в условиях существующего общественного строя. Для его построения требуется использование всех ресурсов большой нации. Он не может быть установлен сразу и немедленно. Для создания коммунистического общества требуется определенное «переходное время». Построение коммунизма может быть осуществлено лишь государственной властью, но не теперешней, а совершенно новой. Это должна быть власть, «руководствующая народными чаяниями», «верховная власть, закалившаяся в системе демократии»; это должно быть государство, организованное на демократических началах, «народное правительство, установленное народом и для него», которое должно выполнять функции «представительных агентов общества». Журнал, разумеется, не мог говорить открыто, что подобная новая власть может быть установлена лишь в результате революции, но все помещенные в нем статьи и материалы подводят читателя именно к этому выводу. Журнал высказывал сочувствие всем народным восстаниям, начиная со средневековых. Постоянное внимание он уделял урокам Французской революции, превознося ее революционные традиции, самоотверженность революционеров, подчеркивая в то же время, что она была совершена «трудящимися полями и мастерскими». Он указывал, что любая эксплуатация, в форме ли рабства и крепостничества или в виде современной системы эксплуатации пролетариата, неизбежно ведет к революции. Он открыто провозглашал, что «социальные реформы не достигаются мирными средствами», говорил о грядущей «грозе», «страшной катастрофе», «всеобщем потрясении» и призывал коммунистов быть готовыми к этим «повелительным обстоятельствам». Столь же недвусмысленно журнал указывал и на тех, кто должен совершить эту грядущую революцию. Это эксплуатируемые рабочие, парии современного общества. Поэтому он и призывал их выйти из состояния апатии, активно распространять новую доктрину и готовиться к борьбе за свое освобождение. Именно в этом контексте и следует

рассматривать многократные обращения журнала к рабочим с призывом повысить свой интеллектуальный уровень, поскольку лишь тот класс, который обладает необходимыми знаниями, может воспользоваться результатами революции и закрепить свою власть; именно так произошло с буржуазией, именно такими просвещенными людьми должны быть теперь рабочие, чтобы подготовить свое «социальное освобождение».

В последние годы Июльской монархии «Фратерните 1845 г.», несмотря на крайне неблагоприятные политические условия, высоко несла знамя революционного коммунизма. В чисто философских вопросах после изгнания из рядов основателей этого печатного органа «материалистов» журнал стоил на «спиритуалистических» позициях. Быть может, это обстоятельство, как и ряд других (например, защита института брака и семьи), и помогли ему выжить и избежать судебных преследований. Но и с это, разумеется, являлось главным и существенным. Главным было то, что журнал не только активно пропагандировал коммунистическую идеологию, не только формулировал и защищал революционно-коммунистические позиции, но во многих вопросах и развивал, обогащал уже известные до того положения и формулы. Он видел основные противоречия капиталистического общества и стоял на позициях классовой борьбы, всячески поощрял рабочих к борьбе за свое освобождение путем новой социальной революции. Если добавить к этому, что «Фратерните 1845 г.» предвещала грядущую революцию не только во Франции, но и в других европейских странах, то можно еще лучше оценить ту немаловажную роль, которую сыграл этот журнал в истории революционного рабочего движения тех лет.

В «Немецкой идеологии», написанной в 1845–1846 гг., Маркс и Энгельс называли «Фратерните» коммунистическим рабочим журналом и ссылались на его резкую критику концепций Прудона⁵⁰. Это свидетельствует, что основоположники научного коммунизма были знакомы с этим журналом и читали его.

II

В последние годы Июльской монархии, наряду с двумя коммунистическими журналами — «Попюлером» и «Фратерните 1845 г.», продолжала распространяться во Франции и коммунистическая литература, опубликованная в начале 40-х годов. Но в эти годы были изданы также и некоторые новые работы, пропагандировавшие коммунизм.

В этой связи следует прежде всего упомянуть о вышедшей из печати в феврале 1845 г. брошюре Луи Юбера, известного под именем Алоиза, — «Порабощение богача, дописанное пролетарием Алоизом Юбером, политическим заключенным». Брошюра была опубликована Кабе, и весь доход от нее автор предназначал «семьям своих братьев по несчастью»⁵¹.

Имя Юбера приобрело достаточно большую известность после Февральской революции 1848 г., особенно в связи с событиями 15 мая. Как председатель Централизованного комитета он не только принял самое деятельное участие в подготовке этой народной демонстрации, но,

после того как демонстранты ворвались в Бурбонский дворец, где заседало Учредительное собрание, именно он провозгласил с трибуны именем обманутого народа роспуск этого собрания. На последовавшем после этого в 1849 г. процессе против него было выдвинуто обвинение в связи с полицией в эпоху Июльской монархии, т.е. обвинение в том, что он был полицейским агентом и провокатором. Эта версия получила широкое распространение в исторической литературе, в том числе и советской. В коллективной трехтомной «Истории Франции» Юбер характеризуется как «весьма подозрительный субъект»⁵². Этот вопрос требует специального изучения, и мы не решаемся поэтому высказать здесь какое-нибудь определенное мнение. Скажем лишь, что у Юбера, во всяком случае до 1845 г., до написания им своей брошюры, не было фактической возможности стать полицейским агентом.

Юбер еще юношей участвовал в революционном движении. Уже в 49 лет за участие в заговоре в целях покушения на короля он был приговорен к тюремному заключению, и к 1845 г., в момент написания своей брошюры, он уже почти десять лет провел в различных тюрьмах — сперва в Болье, затем в Дулансе, в Мон-Сен-Мишеле и, наконец, в Туре. Из этих десяти лет семь он находился в одиночных камерах, в самых невыносимых условиях. Кабе в послесловии к этой брошюре следующим образом описывал его положение: «Вот один из тех трудящихся, которые с детства ведут тяжелую и смелую борьбу против общества, которое обращается с ними, как мачеха; вот один из тех пылких пролетариев, которых патриотические и моральные страдания толкнули на путь революционного насилия... вот жертва гражданских распри, который уже десять лет переносит все муки заключения, тюремных камер, этих одиночных камер, лишенных воздуха, света и тепла, справедливо называемых душгубками; вот мученик этих подземных темниц, находящихся на 50 футов под землей, где капли ледяной воды падают со всех сторон на голову и тело человеческого существа с закованными руками и ногами... Больной чахоткой. Юбер не может сделать движения, не харкая кровью; хотя ему всего 30 лет и он крепкого сложения, его ноги настолько исхудали, его позвоночник настолько поврежден, он настолько физически истощен, что он не может встать с постели; боли не дают ему возможности лежать ни на спине, ни на боку, и он вынужден постоянно сидеть в своей постели, поддерживаемый веревкой и ремнями, опираясь руками на палку, в форме креста, не зная ни сна, ни отдыха, ни покоя. Это страшно видеть, об этом страшно говорить» (22).

По свидетельству Виктора Бутона, когда Юбер впервые в 19 лет попал в тюрьму, он был просто революционером, но в тюрьме он преисполнился коммунистическими убеждениями. «Юбер, — писал он, — является коммунистом, но не таким, как Кабе, как это можно было бы предположить на том основании, что последний опубликовал его сочинение, озаглавленное "Порабощение богача"». Бутон приводит следующие слова Юбера, свидетельствующие, что он стоял на революционных позициях: «Кто сегодня не знает, что единственным препятствием к моральному, интеллектуальному и физическому

улучшению участи человечества является сопротивление правящих... Если бы пришло время, когда воля масс разбила бы это препятствие, то убедились бы, что земля достойна быть пристанищем свободных людей и что организация на этом свете добра и порядка, пожелания о чем раздаются отовсюду, столь же возможна, как и организация беспорядка и зла, столь противоречащих человеческой природе»⁵³.

Свою работу, помеченную 5 февраля 1845 г., Юбер написал в турской больнице, куда был переведен из тюрьмы ввиду своего болезненного состояния. Он связался с Кабе для опубликования ее в «Попюлере», что было вполне понятно, так как новая «Фратерните» только что начала издаваться, и единственным известным Юберу коммунистическим журналом был «Попюлер». Кабе, принимая во внимание ее относительно большой размер и понимая в то же время, какой эффект произведет защита коммунистических принципов таким многолетним политическим заключенным, как Юбер, решил опубликовать ее отдельной брошюрой. Кабе привлекло и то, что в своей работе Юбер, как показывает само ее название, стремился доказать, что существующий общественный строй так же пагубен для богатых, как и для бедных, и заявлял, что коммунист должен не презирать богатых, хотя они и достойны этого за свой эгоизм, не ненавидеть их, хотя они и достойны ненависти за свои беззакония, а лишь жалеть их. Все это давало Кабе повод считать, что Юбер, которого в юности обстоятельства толкнули на путь революционного насилия, является теперь его последователем, икарыйским коммунистом, и использовать это в пропагандистских целях.

Юбер написал свою брошюру в виде ответа на утверждения (в частности, в статье газеты «Конституионель» за 19 декабря 1844 г.), что коммунизм — враг свободы, что коммунизм «неизбежно и постоянно нуждается в самом абсолютном деспотизме» (5). Опровергая подобные утверждения, Юбер указывал, что подлинной свободы нет как раз в современном обществе, причем не только для неимущих, но и для богатых. При современной системе индивидуальной собственности, при современной «системе угнетения» существует одна свобода, «свобода умирать от голода и холода на краю канавы или у двери богача» (7). Но и сами богачи, ввиду наличия частной собственности, не свободны в своих действиях и поступках; их существование не обеспечено; они боятся всего — воров, убийц; любое происшествие, будь то пожар или банкротство, может ввергнуть их в нужду. Современные философы, защитники существующего общественного строя, «вместо того чтобы подчинить собственность свободе, подчиняют свободу собственности» (8). «При современном режиме неравенства и индивидуализма не человек обладает собственностью, а собственность обладает человеком» (9). «До тех пор пока собственность не будет полностью реорганизована, до тех пор пока она останется раздробленной, человек всегда будет бороться с себе подобными, и в этой борьбе, иногда являясь победителем, иногда побежденным, иногда угнетателем, иногда угнетенным, но всегда жертвой, он никогда не будет свободным» (10). Истинную свободу может обеспечить только коммунизм. Свобода — это

сила; чтобы быть свободным, нужно быть сильным, а такую силу может обеспечить лишь объединение всех членов общества, лишь их коллективная жизнь. Нет индивидуальной свободы без свободы коллективной. Коллективное объединение всех индивидуальных сил — вот что такое свобода. Свободный человек не может быть ни угнетателем, ни угнетенным. Угнетатель в силу того, что он угнетает, имеет не больше свободы, чем угнетенный. Люди могут быть или коллективно свободными, или коллективно рабами. Следовательно, нужно организовать единство, а единство может обеспечить только общность. В условиях национальной общности каждый своим трудом содействует увеличению массы национальной продукции, пользуясь, наряду с другими, всеми благами. Тогда пролетарий не будет больше вынужден нищенствовать или воровать, чтобы обеспечить себе существование. Тогда не будет больше людей, предающихся позорному бездолию или изнуряющих себя и сокращающих свою жизнь непомерным трудом, дабы не умереть с голоду. Первым шагом для достижения такого будущего является организация труда. «Организация труда является для социализма тем, чем для политики является избирательная реформа» (20). Впрочем, автор заявляет, что он коснется вопроса о возможности осуществления коммунизма на практике в другом месте. В этой же брошюре, наряду с вышеизложенным, он только утверждает, «что абсурдно требовать социальной реформы, когда не хотят предварительно реформы политической», что «социальный порядок предполагает прежде всего организацию труда», «что настоящий прогресс заключается в том, чтобы с помощью демократического правительства сосредоточить все социальные силы для достижения коллективной цели» (12—13).

Брошюра Юбера свидетельствует, что он внимательно следил не только за прессой, но и за литературой по социально-политическим вопросам. Он упоминает и о Прудоне, и о фурьеристах, и о Ламенне, и о Луи Рейбо, и о Пьере Леру, и о Жорж Санд, о философах-эклектиках и многих других, противопоставляя их взглядам коммунистический идеал, подчеркивая преимущество коммунизма перед всеми другими социальными теориями. Но коммунизм он обосновывал даже еще более примитивно, чем другие его современники, делая лишь традиционные ссылки на Моисея, Пифагора, Платона, Христа. Его общественная критика тоже носит более примитивный характер по сравнению с достигнутым уже к тому времени уровнем. Он говорит не о буржуазии, не о капиталистах, а лишь о «богатых» вообще, противопоставляя их бедным, неимущим и лишь изредка употребляя термин «пролетарии». Самым интересным в его брошюре являются две мысли — о необходимости преобразования политического строя, создания демократического правительства для осуществления социальной реформы, а также об «организации труда», отождествляемого с социализмом, как о необходимой стадии для последующего коммунистического преобразования общества.

Несмотря на относительно низкий теоретический! уровень брошюры Юбера, она не могла не произвести сильного впечатления, так как была

написана политическим заключенным, молодым рабочим, пережившим все ужасы одиночного заключения в «душегубках» различных тюрем и подземных камерах Мон-Сен-Мишеля, к тому же больным чахоткой. Выражением этих чувств является, в частности, посвященная ей статья во «Фратерните». «Умозаключения являются вескими в этом замечательном сочинении; в нем блещут чувства, заставляющие трепетать сердечные струны. А между тем кто этот человек, так говорящий? Это человек, осужденный на пожизненное заключение. Ах! если бы коммунистическая доктрина нуждалась для своего подтверждения в поведении, которое она предписывает тем, кто ее защищает, то какое еще подтверждение нужно, если она внушает столь чистые чувства несчастному узнику, чье здоровье серьезно подорвано и кто ужасно страдает в результате долгих мук тюремной камеры. Вот достойный и прекрасный пример! Он говорит больше, чем великолепные речи, он дает возможность понять величие наших принципов»⁵⁴.

Появление этой брошюры не могло поэтому не встревожить правительственные власти. 22 марта 1845 г. из министерства юстиции было отправлено в адрес прокуратуры следующее письмо по поводу сочинения Юбера: «По-видимому, эта брошюра содержит самые неистовые нападки на собственность, я прошу вас немедленно рассмотреть ее и возбудить против нее, если это необходимо, судебное преследование»⁵⁵. Но возбуждать подобное судебное дело, разумеется, не имело смысла: Юбер и так был приговорен к пожизненному заключению.

Летом того же 1845 г. был арестован Жан-Баптист-Луи Брэ, издатель «Альманаха-катехизиса для народа». В Национальном архиве имеется особое дело, посвященное переписке по этому вопросу⁵⁶. Брэ был арестован в городе Верной департамента Эр при распространении этого «Альманаха-катехизиса». Выяснилось, что он начиная с 1843 г. арестовывался уже трижды, но его всегда отпускали. Руанский прокурор в этой связи писал 26 июля 1845 г., что его заместитель в Эврё запрашивал его по поводу Брэ, на которого указывали как «на активного агента коммунистической партии». Вскоре выяснилось также, что Брэ был лишь частично автором конфискованного «альманаха», содержавшего «опасные доктрины», направленные против существующего социального строя, и что он распространял и другие «анархические» брошюры. Было также установлено, что он издал под тем же названием новый памфлет, «в котором содержатся неистовые нападки на социальный строй, правительство и религию».

«Фратерните», сообщая в разделе библиографии о выходе в свет очередного выпуска «альманаха» Брэ, выражала свое изумление, что он был конфискован, хотя в опубликованных в нем статьях не было ничего, выходящего за пределы легальной полемики. Журнал выражал надежду, что прокуратура отменит это решение и «что г. Брэ, столь много раз несправедливо подвергавшийся придирам полиции, добьется прекращения этого преследования и снятия ареста со своих интересных и популярных брошюр»⁵⁷. Но это пожелание журнала не оправдалось, и

вскоре «Попюлер» сообщил о привлечении к судебной ответственности Брэ «за возбуждение ненависти между классами»⁵⁸.

В Национальной библиотеке сохранилось четыре выпуска «Альманаха-катехизиса», издававшегося Брэ, обозначенные инициалами А, В, С, D и опубликованные в 1844–1846 гг. Точное название этого альманаха было следующее: «Альманах-катехизис. Учебное пособие для народа, написанное бесконечно маленькими людьми»⁵⁹. Альманах этот состоял из коротких статей на самые различные темы, из обзоров, различных высказываний, выдержек из газет, стихотворений, в том числе стихов «рабочих поэтов», вроде Жюль Венсара. Альманах прежде всего пропагандировал республиканские и демократические идеи, восхвалял республиканцев-революционеров, как, например, Годфруа Кавеньяка, превозносил восстание 1832 г. Но в то же время он выступал с совершенно ясным требованием установления социального равенства.

В обращении «к народу», к «бедным париям», «к миллионам обездоленных, жертвам социального ада» говорилось: «Терпение, великий день приближается... будущее, которое будет равенством, это будущее стоит уже у порога... Нет! Свобода, братство, равенство — это не пустые слова! Это великая формула будущей эпохи». «Необходимо осуществить раз и навсегда в нашей прекрасной Франции святую догму Свободы, Братства, Равенства»⁶⁰. Текст «Новой марсельезы» гласил: «Идем, дети нужды, настал день бедного! За дело, трудящиеся, небо нас благословит, пойдем навстречу будущему и, кто останется жив, увидит»⁶¹.

В различных статьях также высказывались аналогичные мысли. «Будущее общество будет основано на равенстве. Не на том равенстве перед богом, о котором поучают христиане, не на том равенстве перед законом, которое провозглашают современные законодатели, но на равенстве во всем, что только возможно... другими словами, на социальном равенстве во всех жизненных ситуациях, во всех взаимоотношениях граждан между собой». «Франция за последние пятьдесят лет переживает родовые муки, связанные с рождением нового строя, который должен возродить весь мир; срок освобождения приближается». Третье сословие, победив дворянство, завладело всеми благами, оставив на долю народа лишь нужду. Все это породило пролетариат. Положение пролетариата хуже рабства, но это лишь «переходная ступень». «О, подождите еще немного, и переход будет осуществлен, проблема будет решена; будет построено общество, основанное на новой базе... Удивляются, что народ, страдая, проявляет такое большое терпение: это потому, что было бы неосторожно действовать, прежде чем возможно будет нанести решающие удары»⁶². Говоря о журнале «Фратерните 1845 г.», альманах указывал, что журнал этот «откровенно требует осуществления демократического принципа в его самом чистом виде»⁶³. В статье, озаглавленной «Постоянная борьба между капиталом и трудом», говорилось: «С одной стороны, капитал со своими спекуляциями, успех которых обеспечен, с другой — тяжелый, неблагодарный, плохо оплачиваемый труд... Капиталистам, образующим

коалиции, чтобы обеспечить монополию на строительство железной дороги, обеспечена безнаказанность; в то же время прокуратуре не хватает жандармов, чтобы арестовывать рабочих, договаривающихся друг с другом, дабы протестовать против низкой заработной платы»⁶⁴. В теории народ является сувереном, но в действительности он раб. Будет ли это вечно продолжаться? Заинтересованные в сохранении этого порядка вещей говорят — да. «Что касается нас, мы отвечаем — нет! Так всегда не будет... приближается час освобождения»⁶⁵.

Уже из приведенных цитат ясно видно, что «Альманах» Брэ пропагандировал не только республиканско-демократические идеи, но и новый общественный строй, основанный на социальном равенстве. Хотя в нем не встречается термин «коммунизм», но совершенно бесспорно, что под социальным равенством подразумевался именно коммунистический строй. Недаром коммунистический идеал, проповедовавшийся «Фратерните», провозглашался самым последовательным воплощением демократического принципа. «Альманах», писавший о «постоянной борьбе между капиталом и трудом» в современном обществе, основанном на порабощении пролетариата, совершенно недвусмысленно намекал, что новый общественно-политический строй, несущий освобождение трудящимся, может быть установлен лишь в результате революции, и призывал готовиться к тому времени, когда можно будет нанести «решающие удары». «Альманах-катехизис», издававшийся Брэ, не содержал, конечно, каких-либо принципиально новых идей. Но он популяризировал в общедоступной форме революционно-демократические и коммунистические идеи и лозунги. Примечательно то, что Брэ сам лично распространял своп альманах не только в Париже (где продавал это издание на своей квартире на улице Сен-Жак, 196), но и в глубокой провинции. Неудивительно, что он подвергался многочисленным арестам и в конце концов был предан суду. Для властей такая пропаганда «подрывных идей» в гуще народных масс была куда более опасной, чем какие-либо солидные теоретические трактаты.

Говоря о пропаганде коммунистических идей в последние годы Июльской монархии, нельзя не отметить следующее. Обострение классовой борьбы, подъем рабочего движения, находившего, в частности, свое выражение в многочисленных забастовках, острота социальных проблем приводили к тому, что эти проблемы затрагивались и обсуждались и в органах, отнюдь не коммунистических, но выступления которых по этим вопросам объективно совпадали с соответствующими оценками коммунистических идеологов и пропагандистов. Поэтому власти, да и не только они, иногда зачисляли в разряд коммунистических издания, не бывшие таковыми. Например, Кабе, в своей вышеуказанной брошюре «Спасение путем объединения», изданной в конце 1845 г., жалуясь на нелояльную конкуренцию «Попюлеру» других коммунистических периодических органов, наряду с подлинно коммунистическими журналами, вроде «Фратерните», перечислял и ряд других, в том числе «Авенир», «Демократы», «Друа дю пепль», «Лиг насиональ»⁶⁶. Журналы «Демократии» и «Лиг насиональ» не

сохранились в парижских книгохранилищах, и мы поэтому судить о них не можем. «Авенир» (речь идет, очевидно, о втором «Авенире», издававшемся в 1844–1845 гг.)⁶⁷ был не коммунистическим, а сенсимонистским журналом, хотя и помещал статьи на социальные темы, за что был привлечен к судебной ответственности, в результате его выпуск был прекращен в апреле 1845 г.; именно поэтому о нем тепло отзывалась «Фратерните»⁶⁸. «Друа дю пепль», четыре номера которого были опубликованы в мае–сентябре 1845 г.⁶⁹, также являлся не коммунистическим, а сенсимонистским органом и издавался тем же сенсимонистом Жаном Терсоном. Но он резко критически относился к главе ортодоксальных сенсимонистов Анфантену, считая, что тот из «отца Анфантена» превратился в «господина Анфантена». Журнал помещал статьи о тяжелом положении рабочего класса и сочувственно освещал стачечную борьбу рабочих (например, вызвавшую большой общественный резонанс стачку плотников). Он помещал также объявления о коммунистических изданиях (например, о «Фратерните 1845 г.») и положительные рецензии на коммунистические произведения (в частности, на работу Вильгарделя «Совпадение интересов в ассоциации»). «Мы находимся, — заявлялось в программной статье, — накануне великих событий и радикальной трансформации общественного строя», причем указывалось, что если «слепое и грубое сопротивление правящих и сильных мира сего» будет продолжаться, то оно спровоцирует применение насильственных средств для достижения этой трансформации⁷⁰.

Еще за год до этого — с июня по октябрь 1844 г. — издавался новый «рабочий» журнал: «Эхо рабочих. Публикация, предназначенная для изложения нужд трудящихся и их требований»⁷¹. Он также не был коммунистическим органом, а, как и «Ателье», пропагандировал лишь ассоциации рабочих, в том числе и кассы взаимопомощи. Но он на конкретных примерах показывал тяжелое положение рабочего класса, решительно осуждал преследования рабочих за «коалиции», требовал свободы стачек. Подчас он очень четко и резко характеризовал классовые противоречия. «Уже давно, — писал он, — с одного конца Европы до другого происходит борьба между капиталом и трудом»⁷².

О создании новых «коммунистических» журналов в провинции сообщали и местные власти. 6 марта 1847 г. прокурор Пуатье известил министра юстиции о предпринятом в этом городе молодым аптекарским учеником Марти издании журнала «Пролетарий». «Этот журнал, — писал он, — будет копией тех журналов, которые коммунистическая пресса публикует в Париже». К этому письму приложен первый номер этого издания Марти, датированный 5 марта 1847 г. В нем помещено стихотворение «Пролетарий», в котором говорилось о тяжелой участи рабочего, плоды труда которого присваиваются хозяевами. «Ну-ка сей хорошо, пролетарий, все равно жатву дожнет бездельник». В передовой статье говорилось, что журнал будет касаться не только политических, но и социальных проблем. «Мы хотим, чтобы в любом обществе каждый человек работал и чтобы его заработок был точно пропорционален его

туду»⁷³. Этот первый (и, возможно, единственный) номер не дает веских оснований называть этот журнал коммунистическим. Но совершенно несомненно, что он выступал как выразитель интересов эксплуатируемых «пролетариев» и с программой радикальной реформы общественного строя.

10 марта 1847 г. тулузский прокурор сообщил министру юстиции, что в этом городе основан новый журнал. «Этот журнал называется "Буа дю пепль". Он воспроизводит наиболее крайние коммунистические доктрины, но так как он публикуется лишь в месяц раз, то сам по себе не представляет большой опасности. Однако он является опасным в другом аспекте. Эта публикация дает повод для собраний и сговора людей, исповедующих коммунистические доктрины»⁷⁴. Поскольку этот журнал нам недоступен, мы не можем, конечно, судить о том, правильно ли характеризовал тулузский прокурор его политическое направление. Нам известна лишь выдержка из опубликованной в нем статьи «Воззвание к икарийцам», которая была приведена в «Попюлере». В ней содержались самые резкие высказывания в адрес всех политических течений, начиная с легитимистов, этих «политических антикваров», мечтающих о давно мертвом прошлом, и кончая теми буржуа, которые выдают себя за продолжателей революции и стараются подражать гигантам, но которых трудящиеся классы не хотят слушать. К тому же колоссы революции принадлежали к другому веку. Им была неведома современная индустрия; отменив цеховую систему, они не предвидели и не могли предвидеть неизбежных последствий свободной конкуренции. Поэтому представители всех этих политических течений являются, по существу, консерваторами, стремящимися сохранить мир таким, как он есть, «Расстояние между консерваторами и нами огромно».

Успехи коммунизма объясняются пустотой систем их противников. Неудивительно поэтому, что когда Кабе предлагает членам своей секты отправиться в Икарию, то его призыв находит отклик. «Измученные страданиями обездоленные готовы следовать за первым же человеком, дающим прекрасные обещания. Сегодня их приглашает Икария, и они готовы ехать в Икарию, если для этого и нужно покинуть Францию, которая должна была бы быть для каждого и для всех единственной истинно обетованной землей»⁷⁵. Судя по этой выдержке, новый тулузский журнал, по-видимому, действительно стоял на коммунистических позициях, но не на позициях икарийцев, поскольку, подобно «Фратерните», осуждал призыв Кабе к эмиграции и созданию икарийских поселений за океаном.

Несомненно, что и в эти годы статьи, проникнутые коммунистическими идеями, публиковались подчас и в не коммунистической прессе, как, скажем, в 1840 г. в демократической газете «Журналь де пепль» была опубликована статья «Об освобождении труда». Так, например, мы имеем сведения, что в 1846 г. в издававшейся в Лионе газете «Трибюн лионез» Огюстом Морлоном были опубликованы три статьи, «О браке и семье», «О труде» и «О собственности», пропагандировавшие коммунистические воззрения⁷⁶. Поскольку

комплекта этой газеты за 1846 г. в парижских книгохранилищах не имеется, мы не могли проверить эти сведения. Вообще этот весьма интересный вопрос — о коммунистических публикациях в некоммунистических изданиях и газетах эпохи Июльской монархии — требует еще специального изучения.

Говоря о прессе этого периода, нельзя не упомянуть и об одном печатном органе, издание которого попытался наладить фурьерист Эдуар де Помпери. Но, чтобы понять и правильно оценить эту попытку, необходимо предварительно сказать хотя бы несколько слов об эволюции взглядов некоторых левых представителей «социэтарной школы». Сама эта школа во главе с Консидераном все более превращалась в доктринерскую секту. Хотя ее официальный орган «Демократи пасифик» и публиковал подчас интересные материалы по политическим и социальным вопросам, но в целом старался, пользуясь словами «Коммунистического манифеста», притупить классовую борьбу и примирить противоположности. В условиях обострения классовой борьбы и политического кризиса во Франции подобная позиция «социэтарной школы» и ее вождя Консидерана, беспрестанно пережевывавшего старые «фаланстерианские» фантазии в отрыве от происходивших вокруг бурных политических событий и классовых битв, не могла не вызвать глубокого брожения среди некоторой части левых фурьеристов. Одни из них фактически порывали с «социэтарной школой» и переходили на коммунистические позиции.

Наиболее выдающимся среди них был Франсуа Вильгардель. Уже в 1840 г. он стал пропагандировать коммунистические идеи. В 1841 г. он переиздал «Кодекс природы» Морелли со своим обширным предисловием, в котором защищал коммунистические принципы. В 1844 г. он опубликовал работу «Согласие интересов в ассоциации», в которой пытался наметить, подобно некоторым другим современным ему коммунистическим идеологам, некую переходную ступень к коммунистическому обществу в виде «организации труда» в условиях всеобщей ассоциации, описывая ее, он использовал и некоторые идеи Фурье. Наконец, в 1846 г. он опубликовал «Историю социальных идей до революции» — первое систематическое изложение истории коммунистических идей, значение которого тем более велико, что вскоре, в эпоху революции 1848 г., была издана реакционная «История коммунизма» Сюдра — злобная карикатура на коммунистическую идеологию. Мы не можем здесь подробно говорить о Вильгарделе, поскольку это выходит за рамки нашей темы. Ограничимся лишь ссылкой на рецензию на его последнюю работу, опубликованную в «Фратерните», в которой давалась правильная оценка его идейной эволюции. Указывая, что в «Истории социальных идей» Вильгардель решительно стоит на коммунистических и демократических позициях и поэтому подвергается грубым нападкам «фаланстерианских критиков», журнал писал: «Г. Вильгардель достойно оценивает значение теории, сформулированной Фурье, но в отличие от многих фаланстерианцев он не подчиняет свой разум догме мэтра; он больше доверяет гению человечества, чем

откровению какого-либо человека... Именно потому, что он освободился от этого идолопоклонства, г.Вильгардель и подвергается горьким упрекам... Истинной причиной этой суровой критики является, по существу, то, что от социэтарной школы г.Вильгардель перешел к равенству, к коммунизму»⁷⁷.

Если некоторые, подобно Вильгарделю, открыто переходили в коммунистический лагерь, то были и такие, которые, формально не порывая с «социэтарной школой», пытались как-то сочетать фурьеризм с коммунизмом. Такую попытку и предпринял Эдуар де Помпери. Его работа «Изложение социальной науки, созданной Ш.Фурье», вышедшая вторым изданием в 1840 г., была известна К.Марксу, который в письме Людвигу Фейербаху от 10 августа 1844 г. цитирует ее, чтобы показать «противоположность между французским характером и характером, свойственным ... немцам»⁷⁸. Но Эдуара де Помпери все более одолевала сомнения в непогрешимости некоторых основных догм Фурье, которые столь рьяно защищали его последователи-доктринеры. И вот 25 октября 1845 г. он опубликовал первый номер-проспект журнала «Юманите»⁷⁹, который намерен был издавать в противовес «Демократа пасифик». «По мнению некоторых лиц, — писал он, — "Демократа пасифик" не соответствует больше всему юному, самоотверженному, воодушевленному энтузиазмом, что имеет нация». Ученики Фурье слепо последовали за ним. Всякая новая точка зрения, всякий смелый комментарий рассматривались как ересь. Положительное в теории Фурье — это его учение о всеобщей ассоциации и об организации труда, а также критика современного общества. Нельзя, однако, согласиться с ним, когда он нападает на всех мыслителей прошлого. Как можно отрицать прошлое, которое дало нам таких мыслителей, как Пифагор и Платон, Сократ и Конфуций, Мор и Кампанелла, Морелли и Руссо. Нельзя согласиться также с его теософскими утопиями о космогонии, преображении земного шара и т.п. Но основным вопросом является вопрос об индивидуальной собственности и распределении общественных богатств. «То, что мы хотим сказать по этому поводу, должно удовлетворить всякого разумного коммуниста, не нанося ущерба позитивной ценности социэтарной теории». В свое время возникновение собственности на земле сыграло положительную роль, личная собственность является необходимой, пока остается неорганизованным труд. Новую организацию труда и предлагает как раз Фурье. Он предусматривает, однако, и сохранение капитала. Но эволюция общества должна неизбежно привести к полной ликвидации индивидуальной собственности, к осуществлению «идеала полной справедливости». «В будущем, когда человечество будет блистать своим единством, когда земля, полностью используемая, будет владением всех людей, богатство станет всеобщим социальным фактом: индивидуальная собственность исчезнет сама по себе. Грубое неравенство, основанное на рождении и деньгах, исчезнет в сумерках прошлого». К этому следует добавить, что Эдуар де Помпери решительно высказывался против организации отдельных фаланстеров в условиях существующего общественного строя. Он, кроме того, подчеркивал важность политических

реформ как предпосылки реформ социальных и необходимость выступать за дело закованного в цепи пролетариата, этой новой формы рабства.

Эдуар де Помпери хотел сочетать учение Фурье с коммунизмом, но, чтобы достичь этого, выхолащивал самую суть, самую специфику его учения. Никогда и нигде Фурье не рассматривал структуру своих фаланг, объединяющих и пайщиков-капиталистов, и работников физического и умственного труда, как нечто временное, преходящее. Никогда он не считал, что вознаграждение по труду, таланту и капиталу — лишь временное установление. Он открыто осуждал самую идею коммунистического равенства и даже неоднократно издевался над ней. Поэтому Эдуар де Помпери фактически выступал против сути фурьеристского идеала как такового и противопоставлял ему идеал коммунистического общества. Если добавить к этому, что он был против создания «опытных» фаланстеров — основы основ всей практической деятельности «социэтарной школы», что он осуждал аполитизм и считал необходимым активное участие в политической борьбе в защиту интересов пролетариата, то станет ясным вся глубина расхождений между ним и ортодоксальными фурьеристами. Несомненно, он не был одиночкой, а выражал настроения определенной группы сторонников «социэтарной школы», которых сама жизнь вынуждала переходить от ортодоксального фурьеризма к коммунизму.

Именно так и рассматривала «Фратерните» факт издания Эдуаром де Помпери нового журнала, которому в своем библиографическом обзоре она посвятила обширную статью. Отмечая, что не одни лишь работы Вильгарделя свидетельствуют о переменах, происходящих внутри фурьеристской школы, «Фратерните» далее писала: «Совсем недавно самая передовая и самая демократическая фракция социэтарной школы опубликовала проспект нового журнала, который должен выходить три раза в месяц под прекрасным названием "Юманите"». Далее в статье подробно излагалось кредо Эдуара де Помпери: «"Юманите", как видим, примкнет к эгалитарной идее и будет в этом отношении весьма отличаться от других изложений социэтарной теории, санкционирующих навеки сохранение неравенства, порожденного экономическим строем, основной базой которого является капитал... Этот журнал будет, следовательно, прежде всего народным органом. Поэтому мы выражаем самые искренние пожелания, чтобы он поскорее стал выходить в свет, и мы убеждены, что наши единомышленники (т.е. коммунисты. — А.И.) столь же обрадуются ему, как и мы»⁸⁰. Брожение среди левых фурьеристов и их сближение с коммунизмом интересно не только само по себе. Одновременно оно приводило некоторых из них к переходу от мирных воззрений к революционным настроениям, к их сближению с рабочим революционно-коммунистическим движением. В этом отношении несомненный интерес представляют сведения, полученные властями с юга Франции. 25 апреля 1844 г. товарищ министра внутренних дел сообщал министру следующее: «В течение уже некоторого времени гг. Бернар Симон, называемый "парикмахером" и проживающий в Каркассоне, а также Жан Журне, бывший аптекарь в Лиму... занимаются

в департаменте Од подрывными проповедями, представляющими собой смесь коммунизма с доктриной Фурье. Теории, которые они излагают, оказывают самое пагубное влияние на рабочий класс». В приложенном к письму донесении комиссара полиции Каркассона от 17 апреля 1844 г., где подробно описывались собрания, организованные вышеназванными лицами для пропаганды фурьеристского учения, мы читаем следующее: «Затем, отвечая на сделанные ему возражения насчет того, что никогда люди, обладающие состоянием, не поддержат фурьеристскую систему, вышеупомянутый Бернар Симон заявил: "Ну и что же, если богатые не хотят прийти к нам, мы будем действовать совместно с рабочими и коммунистами, взгляды которых почти полностью совпадают с нашими; мы выйдем вооруженные на улицу и будем стрелять из ружей"»⁸¹. Подобные настроения среди определенной части левых фурьеристов, да и не только среди них, были естественным следствием обострения социально-политического кризиса в стране в последние годы Июльской монархии, вызвавшего подъем массового движения и активизацию различных подпольных группировок, о чем нам и придется говорить в следующей главе.

- 1 La Fraternite de 1845. Organe des interets du peuple, de la reorganisation sociale et de politique generate. — BN, 4° L2, 1595.
- 2 La Fraternite de 1845, N 1, 1845, janv., p.1.
- 3 Cabet E. Salut par Г union on ruine par la division. P., 1845, nov., p.12,27.
- 4 La Fraternite de 1845, N 12, 1845, dec, p.104—105.
- 5 Le Populaire, 5-eme annee, N 4, 1845, 21 dec, p.209—210.
- 6 La Fraternite de 1845, N 13, 1846, janv., p.111—112.
- 7 La Fraternite" de 1845, N 18, 1847, avr., p.236.
- 8 Dictionnaire biographiquo du mouvement ouvrier francais, III, p. 419-420.
- 9 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М., 1983, с.55 и след.
- 10 Там же, с.16.
- 11 Bouton V. Profils revolutionnaires par un crayon rouge. P., 1848—1849, p.27.
- 12 Иоаннисян А.Р. Указ.соч., с. 187.
- 13 Le Populaire, 5-eme annee, N 11, 1846, 26 juill., p.238.
- 14 La Fraternite de 1845, N 1, 1845, janv., p.1—2.
- 15 Ibid., p.5.
- 16 Ibid., p.6.
- 17 Ibid., p.8.
- 18 Ibid., N 2, 1845, fevr., p.1-2.
- 19 Ibid., N 3, 1845, mars, p.25. О высылке «Шарля Маркса» и других немецких социалистов сообщал и «Попюлер», также ее осуждавший и указывавший, что это было сделано, дабы угодить прусскому правительству. См.: Le Populaire, 4-eme annee, N7, 1845, mars, p.170.
- 20 La Fraternite de 1845, N 4, 1845, avr., p.31.
- 21 Ibid., p.30.
- 22 Ibid., p.37—38.

- 23 Ibid., N 5, 1845, mai, p.44-47.
- 24 Ibid., p.47.
- 25 Ibid., X7, 1845, juill., p.62-63.
- 26 Ibid., N8, 1845, aout, p.65—66.
- 27 Ibid., p.68-69.
- 28 Ibid.. N9, 1845. sept, p.75.
- 29 Ibid.. N10, 1845, oct., p.81,84-85.
- 30 Ibid., N 13, 1846, janv., p.111.
- 31 Ibid., N 15, 1846, mars, p.126—127.
- 32 Ibid., N 17, 1846, mai, p.147—148.
- 33 Ibid., N 18, 1846, juin, p.151.
- 34 Ibid., p.152-153.
- 35 Ibid., N 19, 1846, juill., p.157—158.
- 36 Ibid., N 22, 1846, oct., p.182-18G.
- 37 N 13, 1846, nov., p.196.
- 38 Ibid., N 24, 1846. dec, p.201—203.
- 39 Ibid., N 25, 1847, janv., p.205—208.
- 40 Ibid., N 25, 1847, fevr.. p.217-220.
- 41 Ibid., N 29, 1847, mai, p.247.
- 42 N 31-32, 1847. juill.—aout, p.257—200.
- 43 Ibid., . 35, 1847, xiov.. p.290—291, 293.
- 44 Ibid., N 36, 1847, dec, p.297—300.
- 45 Ibid., N 1, 1848, janv., p.1—2.
- 46 Ibid., N 29, 1847, mai, p.242—243.
- 47 Ibid., N 30, 1847, juin, p.249.
- 48 См. его статью против «Фратерните» в «Пошолере» от 18 июля: Le Populaire, 6-eme annee, N 16, 1847, 18 juill., p.338.
- 49 La Fraternite de 1845, N 3132, 1847, juill.-aout, p.264-267.
- 50 В незаконченном, а затем перечеркнутом подстрочном примечании они писали о Пру доне, «которого коммунистический рабочий журнал "La Fraternite" резко критиковал за концепцию равной заработной платы, за "работника вообще" и за прочие экономические предрассудки, встречающиеся у этого примечательного писателя, и от которого коммунисты не восприняли ничего, кроме его критики собственности...». См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.3, с.203.
- 51 L'esclavage du riche, par ив. Proletaire, Aloysius Hubert, detenu politique. Publie par les soins de M. Cabet. Prix 30 centimes. Le produit not de cette brochure est destine par l'auteur aux families de scs freres d'infortunio. Paris, au bureau du Populaire, fevrier Шо.--)5iT, Lb51. 39(). "i (далее ссылки в.тексте).
- 52 История Франции. М., 1973, т. 2, с. 294.
- 53 Bouton V. Op.cit., p.117—118.
- 54 La Fraternite do 1845, N 4, 1845, avr., p.38.
- 55 Archives Nationales, BB18, 1437, N 667.
- 56 Ibid.
- 57 La Fraternite de 1845, N 11, 1845, nov., p.100.
- 58 Le Populaire, 5-eme annee, N 4, 1845, 21 dec, p.213.
- 59 Almanach-Catechisme. Manuel du peuple, par des infiniment petits. — BN, L22,

- 129.
- 60 Ibid., A9—10.
- 61 Ibid., A13.
- 62 Ibid., B 5, 27—28.
- 63 Ibid., C 16.
- 64 Ibid., D 31.
- 65 Ibid., D 58.
- 66 Cabet E. Salut par l'union..., p.8—9.
- 67 L'Avenir. — BN, F Lc2, 157273.
- 68 La Fraternite de 1845, N 5, 1845, mai, p.47-48.
- 69 Les droits du peuple. Revue sociale et politique, N 1—4, 1845, mai—août et septembre. — BN, Lc2, 1597.
- 70 Ibid., N 1, p.12.
- 71 L'Echo des ouvriers. Publication destinee a l'exposition des besoins des travailleurs et a l'insertion de leurs reclamations. — BN, Lc2 1579
- 72 Ibid., N 4, 1844, sept., p.104.
- 73 Archives Nationales, BB18, 1451, N 3522.
- 74 Ibid, BB19,42.
- 75 Le Populaire, 6-eme annee, N 16, 1847, 18 juill., p.338.
- 76 Buffenoir M. Le Communisme a Lyon de 1834 a 1848. — Revue d'histoire de Lyon, 1909, VIII.
- 77 La Fraternite de 1845, N И, 1845, nov., p.99.
- 78 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 27, с. 381.
- 79 L'Humanite. Journal religieux, social, politique et littoraire N 1, Specimen, 1845, 25 oct. — BN, Lc2, 1614.
- 80 La Fraternite de 1845, N 11, 1845, nov., p.99—100.
- 81 Archives Nationales, BB18, 1421, N8380.

Глава четвертая

Продовольственные волнения 1846—1847 гг. Подпольное коммунистическое движение в последние годы Июльской монархии. Процесс турских коммунистов. «Коммунисты-материалисты». «Дело о бомбах». Антикоммунизм во Франции накануне революции.

I

Общеизвестно, что последние годы Июльской монархии характеризовались продовольственным, торгово-промышленным и финансовым кризисами. Если, однако, очередной циклический промышленный кризис перекинулся во Францию из Англии лишь к осени 1847 г., если и финансовый кризис обострился именно в 1847 г., то продовольственный кризис предшествовал им во времени. Картофельная болезнь, первые вспышки которой относятся к 1845 г., получила широкое распространение в 1846 г. и привела к росту цен на картофель. Неурожайные 1845 и 1846 гг. содействовали значительному росту цен на хлеб и другие сельскохозяйственные культуры. В своем классическом

труде «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» К.Маркс отмечал: «Картофельная болезнь и неурожай 1845 и 1846 гг. усилили всеобщее брожение в народе»¹. Это брожение объяснялось, в частности, тем, что рост цен на хлеб и продовольствие был не неизбежным следствием объективных причин, а в значительной мере результатом самой безудержной и злонамеренной спекуляции.

Вот как характеризовала, например, сложившуюся обстановку «Фратерните». В октябрьском номере за 1846 г., в статье «О продовольствии», журнал задавал вопрос; «Является ли рост цен на хлеб и другие продовольственные товары результатом их недостатка, связанного с плохими урожаями, или же следствием концентрации капиталов в руках немногих, которые используют их для скупки зерна?». Все официальные статистические данные свидетельствуют, что за предыдущие пять лет урожаи были настолько хорошими, что образовались даже запасы, которых хватило бы на 18 месяцев. Кроме того, правительство всегда имело неограниченную возможность импортировать зерно. Таким образом, даже официальные (документы подтверждают, что неурожай не является действительной причиной повышения цен на продовольствие; это в первую очередь результат спекуляции, которой при попустительстве правительства занимаются капиталисты и крупные земельные собственники. «Реальное повышение цен на продовольствие является, следовательно, результатом концентрации капиталов в немногих руках... это повышение является также результатом концентрации больших земельных участков, дающей возможность некоторым лицам припрятывать свое зерно и не предоставлять его потребителям до того момента, когда их интересы будут удовлетворены». Вследствие этого все более увеличивается разрыв между заработной платой и стоимостью жизни, что приводит «к страданиям и нужде посреди изобилия». Несомненно, спекулянты я скупщики очень близки к правительству, которое и не думает пресекать спекуляцию»². В своем ежемесячном обзоре в ноябре того же года журнал приводил конкретные примеры этой спекуляции. «В Метце и Лионе стоимость 1 кг хлеба достигала 50—52 сантимов. В первом из этих городов такой рост хлебных цен является следствием гнусных спекуляций владельцев зерна, во втором — виновниками этого являются транспортные компании, вступившие в сговор, чтобы требовать за перевозку зерна вчетверо больше обычной цены..., а правительство, всегда столь суровое в отношении коалиций рабочих, даже не побеспокоило этих спекулянтов, которые морят народ голодом»³.

Неудивительно, что этот продовольственный кризис, Этот рост цен на продовольствие вызвали широкую волну возмущения во всей Франции. Во второй половине 1846 г. и в первой половине 1847 г. волнения и беспорядки, в связи с продовольственным кризисом и дороговизной, охватили практически всю страну. Они принимали самые различные формы: разгром булочных, хлебных складов и амбаров, поджоги, нападения на дома спекулянтов и скупщиков, демонстрации, разгоняемые с помощью не только полиции, муниципальной гвардии, но

и армейских частей и подчас перераставшие в открытые бунты.

В Национальном архиве имеется обширный фонд, озаглавленный «Волнения, вызванные недостатком продовольствия в 1846–1847 гг.»⁴ В шести единицах хранения соответствующие дела собраны по отдельным департаментам в хронологическом порядке. Поскольку в подавлении этих беспорядков принимала участие армия, соответствующий фонд имеется и в Военном архиве под названием «Беспорядки, вызванные дороговизной хлеба»⁵. В восьми единицах хранения мы находим там аналогичные дела, распределенные, однако, не по департаментам, а по военным округам. Оба эти фонда являются исключительно ценной источниковедческой базой для изучения продовольственных волнений накануне революции 1848 г. На их основании может быть написана исчерпывающая монография, посвященная этому вопросу. Мы, разумеется, не имели ни времени, ни возможности подробно ознакомиться со всеми этими обильными материалами, да это и не входило в нашу задачу. Но даже поверхностное и выборочное ознакомление с этими фондами дает возможность прийти к некоторым общим выводам.

Прежде всего следует отметить, что в городах, и особенно в индустриальных центрах, основными участниками всех этих «беспорядков» и «волнений» были рабочие; во-вторых, все эти выступления были направлены против политического режима Июльской монархии, и, наконец, в-третьих, они носили ярко выраженный социальный характер. Почти повсеместно раздавались открытые угрозы в адрес «собственников»; во многих местах вывешивались плакаты, угрожавшие «буржуазии» расправой. В плакате, вывешенном в Нанси 24 февраля 1847 г., говорилось: «Граждане, вооружимся... лучше умереть от пули, чем от голода. К оружию, граждане! Да здравствует Республика!»⁶. В Дижоне во время продовольственных волнений 30 января 1847 г. раздавались возгласы: «Долой богачей, их нужно всех повесить!»⁷. В Памьере некто Пьер Мале публично призывал истреблять богачей: «Наступило время, нужно напасть на богачей, нужно всех их задушить»⁸. В городе Юссель аврале 1847 г. Появились плакаты, написанные от И рабочих, в которых заявлялось: «Лучше смерть, рабство»⁹. 22 января 1847 г. в городе Ниоре было вывешено следующее обращение¹⁰: «К рабочему народу: к оружию, несчастный народ, к оружию! Пробил час; гые хотят превратить нас в рабов ... горе им, горе скупщикам, предпочитающим видеть нас умираю-и от голода, чем работающими... К оружию! К оружию! Мы устали жить так, как живем теперь. Богачи, вам, предпочитающим, чтобы ваше зерно съели и, чем продавать его на месте, дабы снизить цены хлеб. Дрожите, подлые! Ваши головы в опасности, нужда заставляет нас покинуть наши лачуги, голод принуждает нас взять в руки оружие. Горе вам! Мы, рабочие, будем храбрыми! Последуем примеру наших братьев в Берри и Турене, не будем бояться огня наших братьев военных! Смерть полковнику 9-го стрелкового полка, если он прикажет открыть по нам огонь. К оружию! К оружию! Лучше смерть, чем подобное существование! Проснемся, так как сейчас мы еще спим. Смерть полицейским, если они превысят свои

полномочия. Ниор, ты погибнешь в огне, если цена на хлеб не снизится». Много аналогичных плакатов имеется и в Военном архиве, где мы находим как обращение «к пролетариям» с призывом не стрелять в солдат, а направлять свое оружие против скупщиков, так и предсказания неизбежности новой грандиозной революции.

Нет ничего удивительного в том, что этими охватившими всю Францию продовольственными волнениями пытались воспользоваться все оппозиционные политические партии. В районах Вандеи и Бретани их пытались Направить в выгодное для себя русло легитимисты, выдвигавшие лозунг: «Да здравствует Генрих V», — чтобы возродить шуанство. В городах этому движению стремились придать политический характер республиканцы. Одновременно как гражданские, так и военные власти со все большей тревогой отмечали растущую активность коммунистов и их агитацию среди рабочих. В ноябре 1846 г. лионский прокурор сообщал, что вследствие роста цен на хлеб рабочий класс ропщет и что его тайно подстрекают к волнениям¹². В феврале 1847 г. докладе министру юстиции гренобльский прокурор писал: «Я знаю, что в Лионе коммунисты пытались воздействовать на население. Они имеют приверженцев в достаточно большом числе также в Виенне, где я организую за ними тщательное наблюдение»¹³. Лиможский прокурор тоже сообщал: «Несомненно, что в Лиможе некоторые агитаторы стараются возбудить в рабочем классе недовольство против правительства, стремясь его убедить, что нужно свергнуть правительство, дабы народ был счастлив»¹⁴. В своем докладе военному министру по поводу волнений в городе Клюни, во время которых раздавались крики: «Долой буржуа, их надо уничтожить и отобрать их имущества», — командир 18-й дивизии писал 1 февраля 1847 г.: «Все происшедшие беспорядки являются результатом движения, подготовленного в течение последних дней коммунистами», причем, по его словам, агитация велась и лицами, прибывшими извне¹⁵. 25 марта 1847 г. министр внутренних дел сообщал министру юстиции: «Теперешнее положение в департаменте Нижней Сены весьма серьезно: дороговизна хлеба и промышленный кризис содействуют тому, что очень многочисленное и очень бедное рабочее население легко подвергается воздействию нужды и недоброжелательства. Коммунистическая партия искусно пытается извлечь пользу из этих досадных обстоятельств, и подстрекательство ее вожakov, видимо, приносит свои плоды, так как уже сейчас в различных местах одновременно происходят беспорядки и поджоги»¹⁶.

Продовольственные волнения не могли, разумеется, обойти стороной и столицу. О событиях, происшедших в конце 1846 г., мы имеем документальные свидетельства из двух источников — сообщений префекта полиции Делессера и материалов, хранящихся в упомянутом выше фонде Национального архива. Уже с лета 1846 г. Делессер в своих сводках отмечал растущую, бросающуюся в глаза агрессивность рабочих. Так, 10 августа он сообщал, что около восьми часов вечера двое рабочих в рабочих блузах сели у столика кафе на бульваре Капуцинок.

Когда хозяин кафе потребовал, чтобы они удалились, так как

непристойно одеты, они ушли, но вскоре вернулись со своими товарищами, проникли в кафе и вызвали беспорядки, в результате которых движение на бульваре было прервано, и потребовалось послать военный отряд из 150 пехотинцев, чтобы рассеять образовавшееся там «сборище». На следующий день, 11 августа, все это повторилось вновь: люди в рабочих блузах снова заняли кафе, и снова пришлось силой разгонять собравшуюся толпу, чтобы восстановить движение на бульваре¹⁷. Но это были лишь предвестники серьезных беспорядков, вспыхнувших в столице в конце сентября — начале октября.

Еще 30 сентября вечером, по донесению Делессера, в Сент-Антуанском предместье произошли волнения в момент, когда рабочие выходили из мастерских. Витрины двух булочных были разбиты, уличные фонари поломаны. Группы рабочих, принимавших участие в этих беспорядках, пели «Марсельезу» и пытались даже воздвигнуть баррикаду. Порядок был восстановлен лишь к часу ночи¹⁸. Генеральный прокурор в докладе министру юстиции от 2 октября¹⁹ сообщает следующие подробности о событиях этого вечера. Многочисленные рабочие, предвидя повышение цен на хлеб с 1 октября, закупали 30 сентября хлеб в большом количестве, так что к вечеру некоторые булочные оказались пустыми. Один из булочников имел неосторожность закрыть свою лавку раньше положенного времени. В результате образовалось сборище рабочих, которое становилось все более агрессивным. Толпа забросала камнями и ранила двух полицейских и одного муниципального гвардейца. Были совершены нападения и на другие булочные, которые не были закрыты, причем были разбиты витрины и ставни и взят хлеб. Были поломаны также газовые фонари и сделана попытка построить баррикаду, используя камни мостовой и разломанные ставни булочных. Баррикада была покинута и сборища постепенно рассеялись, лишь когда к месту происшествия были направлены два батальона 48-го полка. Было арестовано 12 человек.

1 октября вечером беспорядки возобновились. К шести-семи часам вечера вновь образовались группы рабочих, причем, по сообщению прокурора, они состояли главным образом из молодежи, которыми руководили люди зрелого возраста. В Сент-Антуанском предместье и в соседних кварталах они разбили множество газовых фонарей и напали на несколько булочных. Комиссары полиции во главе многочисленных патрулей прочесали со всех сторон Сент-Антуанское предместье и его окрестности, разгоняя группы и восстанавливая движение по улицам. К 11 ч. 30 мин. эта операция была закончена. Было арестовано еще 16 человек²⁰.

2 октября произошли новые выступления рабочих, причем беспорядки вышли далеко за пределы Сент-Антуанского предместья. По сообщению Делессера, дело обстояло так: «К 6 ч. 30 мин. на улицах Сент-Антуанского предместья образовалось большое скопление людей, состоящее из множества любопытных и людей в рабочих блузах подозрительного вида ... К 7 ч. 30 мин. образовались группы, которые начали петь "Марсельезу". Наконец, в 8 ч. на углу улицы Сент-Антуан они

остановили омнибус, потом его перевернули, чтобы построить баррикаду. Они хотели сделать то же с двумя дилижансами, когда подоспели отряды муниципальной гвардии и полицейских, которые арестовали 50 человек. Но к 10 ч. достаточно многочисленная банда перестроилась на улице Сент-Антуан, пересекла остров Сен-Луи и начала ломать фонари на набережных Сен-Бернар и Монтебелло, а от туда направилась в предместье Сен-Марсо. Многочисленный отряд полицейских, вышедший из префектуры полиции, настиг их на площади Мобер, рассеял и многих арестовал; все эти лица имели в карманах булжники и были вооружены палками»²¹.

В новом докладе министру юстиции, от 3 октября, генеральный прокурор, описывая события предыдущего дня, сообщал следующее. 2 октября вечером скопища были более многочисленными, чем в предыдущие дни, однако на этот раз они не нападали больше на булочные. На площади Бастилии и улице Сент-Антуан было арестовано 40 человек за сопротивление властям, а еще 14 были арестованы, когда они пытались соорудить баррикаду. Когда силы порядка заняли площадь Бастилии и Сент-Антуанское предместье, демонстранты отправились в другие кварталы, в частности в предместье Сен-Жермен. На улице Сен-Северен и площади Мобер камнями было разбито множество уличных фонарей. Были произведены новые аресты, причем один из арестованных нес палку с надетым на нее красным колпаком. Общее число арестованных достигло 69²².

В последующие дни движение пошло на убыль. 3 октября вечером в Сент-Антуанском предместье было относительно спокойно, не считая отдельных враждебных возгласов, нескольких брошенных камней и попытки атаковать воинский отряд в целях освобождения одного арестованного²³.

События, происшедшие в Париже, весьма характерны. Они начались в связи с продовольственным кризисом, дороговизной хлеба, но сразу же вылились в политические выступления. Если сперва громили булочные, то 2 октября демонстрация носила уже чисто политический характер, причем демонстранты не только пели «Марсельезу» и пытались строить баррикады, но и стремились выйти за пределы Сент-Антуанского предместья и проникнуть в центральные кварталы города.

Совершенно очевидно, что стихийные выступления рабочих против дороговизны старались направить в политическое русло представители левой оппозиции. По сообщению генерального прокурора, 1 октября действия молодых рабочих, составлявших основную массу демонстрантов, направлялись людьми более зрелого возраста. 2 октября один из арестованных на площади Мобер, 18-летний рабочий Десартин, заявил, что их действиями руководил один человек, внешность которого он описал; под его предводительством демонстранты и направились из Сент-Антуанского предместья на улицу Сен-Северен и площадь Мобер²⁴.

Все это звучит весьма правдоподобно, так как республиканцы и другие представители левой оппозиции, несомненно, пытались использовать недовольство рабочих, вызванное продовольственным

кризисом. Даже и после этих событий Делессер повторно это утверждал. В донесении от 28 октября он писал: «Заправили беспорядков и анархисты удваивают свои усилия, чтобы вызвать волнения среди разных классов. Поджигательные сочинения, расклеиваемые плакаты — все используется, чтобы возбудить умы. События в Швейцарии (где в то время шла гражданская война. — А.И.), дороговизна хлеба, даже наводнения — все служит для этого предлогом». 30 октября он сообщал: «Большая афиша, озаглавленная "Речь Марата к народу", содержащая различного рода подстрекательства, была вчера вывешена в разных местах с явной целью использовать к выгоде анархистов дороговизну хлеба»²⁵.

Не вызывает сомнения, что, наряду с республиканцами, в этой агитации активно участвовали и коммунисты. Донесения префекта полиции свидетельствуют, что все эти годы коммунистическая агитация в Париже, как и во всей Франции, не прекращалась. Еще 5 июля 1845 г., говоря о радикальной партии, сгруппированной вокруг журнала «Реформа», Делессер писал: «Эта партия стремится сблизиться с коммунистами, которые не жалеют усилий для расширения своей пропаганды среди низших классов. Именно коммунистическая партия содействовала потрясениям в Швейцарии, волнениям в Германии и стремится внедриться у нас всеми возможными средствами...»²⁶. Префект полиции, как видим, уже понимал, что коммунистическое движение не ограничивалось одной Францией, а распространялось на целый ряд европейских стран. В феврале 1846 г. в одном из своих донесений он специально касался этого вопроса: «Это в Германии, особенно в Пруссии, и несчастной Швейцарии их доктрины (коммунистов. — А.И.) производят наибольший эффект среди низших классов. В Брюсселе существует центр этой разрушительной доктрины, который посылает эмиссаров и отправляет свои письменные обращения во Францию, в Германию, Англию и даже в Соединенные Штаты»²⁷. Речь шла о созданном Марксом и Энгельсом в Брюсселе коммунистическом корреспондентском комитете, поддерживавшем активные связи с социалистическими и коммунистическими группами, рабочими организациями и отдельными деятелями ряда европейских стран. Как видим, деятельность этого комитета вызывала уже большую тревогу у французских полицейских властей, которые теперь с еще большим опасением следили за коммунистической агитацией во Франции. Агитация эта непрерывно продолжалась, и в конце 1846 г. Делессер вынужден был констатировать: «Агенты анархии продолжают стремиться вызвать волнения среди рабочего класса и проповедовать коммунистические идеи. Эти происки распространяются даже на сельские местности»²⁸.

В своей деятельности и агитации коммунисты, в том числе и члены подпольных коммунистических группировок, блокировались по отдельным конкретным вопросам с социалистами различных направлений и даже с мелкобуржуазными радикалами, группировавшимися вокруг газеты «Реформа». Так, начиная с 1844 г. они совместно

пропагандировали среди рабочих идею подачи петиций палате депутатов и палате пэров с требованием «организации труда». Разумеется, термин «организация труда» был очень расплывчатым, и коммунисты, социалисты типа Луи Блана и мелкобуржуазные демократы трактовали его по-разному. Но все они были заинтересованы в этой политической кампании. В ноябре 1844 г. Делессер докладывал: «Теперьшний план анархистской партии состоит в том, чтобы вызвать брожение среди рабочих всех промышленных городов королевства, начиная с Парижа, побуждая рабочих представлять петиции палатам с требованием организации труда»²⁹. В декабре того же года он сообщал: «Анархическая партия продолжает с настойчивостью свою агитацию, распространяя как в Париже, так и в главных промышленных городах Франции петиции относительно организации труда; нельзя отрицать, что в результате этого среди рабочего класса царит большое возбуждение»³⁰. 5 августа 1845 г. префект полиции констатировал: «За последнее время наблюдается значительное увеличение числа социалистических брошюр самого вредного духа относительно организации труда, внушающих рабочему классу, среди которого они распространяются, самые ложные идеи»³¹. Эта петиционная кампания (в ней принял участие и такой коммунистический орган, как «Фратерните») давала возможность коммунистам под популярным лозунгом пропагандировать свои собственные идеи.

Иногда поводом для совместных выступлений являлись и внешнеполитические события. Таковым было, например, краковское восстание 1846 г. 9 марта 1846 г. члены различных тайных обществ, «исповедующих самые радикальные взгляды», попытались устроить в Опере манифестацию в поддержку этого восстания, пытались петь «Варшавянку» и «Марсельезу»; пятеро из них были арестованы³². 12 марта Делессер писал: «Обычные сторонники беспорядков и анархии пользуются этим поводом (краковским восстанием. — А.И.), чтобы вызвать волнения среди рабочих, молодых людей и простаков, которых легко увлечь за собой»³³. Насколько полицейские власти были перепуганы использованием коммунистами, наряду с другими радикально-демократическими течениями, такого рода внешнеполитических событий для своих политических целей, свидетельствует следующий, поистине анекдотический факт: в одном из своих донесений Делессер характеризовал «движение, имевшее место в Галиции» как «движение скорее коммунистическое, чем политическое»³⁴.

Каково же было положение в подпольном коммунистическом движении, принимавшем активное участие во всех этих политических кампаниях и манифестациях и продолжавшем вести коммунистическую пропаганду? Судя по донесениям префекта полиции, положение, сложившееся в 1842—1843 гг., особенно после окончательного распада Общества трудящихся-эгалитариев, не изменилось и в последующие годы. Не существовало единых, чисто коммунистических, тайных обществ, а были лишь различные подпольные коммунистические группы. И в 1844, и в 1845, и в 1846 гг. (донесения префекта полиции за 1847 г., как мы знаем, не сохранились) Делессер постоянно говорил о

многочисленных тайных обществах, о различных фракциях тайных обществ. Правда, под тайными обществами он подразумевал и нелегальные республиканские организации, но все же несомненно, что он не знал о существовании какой-либо единой подпольной организации коммунистов. Вот для примера некоторые выдержки из его донесений за эти годы. «Различные фракции тайных обществ время от времени продолжают проявлять активность и поддерживать анархистское рвение»³⁵. «Тайные общества менее активны, чем обычно, хотя и продолжают собираться маленькими группами»³⁶. «Кажущееся спокойствие среди тайных обществ, стремящихся, однако, к достижению соглашения с другими враждебными партиями»³⁷. «Вновь появились симптомы волнения среди лиц, принадлежащих к рабочему классу и входящих в состав тайных обществ»³⁸. «Начинают появляться плохие симптомы среди людей, принадлежащих к тайным обществам»³⁹. «Состоялось несколько собраний лиц, входящих в тайные общества и принадлежащих к рабочему классу, всегда готовых разжечь порядки»⁴⁰. «Наблюдается некоторое оживление среди лиц, входящих в тайные общества, и коммунистических заправил. Они видятся друг с другом, сближаются между собой и стремятся объединять свои подрывные действия»⁴¹. Можно было бы умножить эти цитаты, но, думается, и этого достаточно, чтобы убедиться, что, сведениям полиции, имелись многочисленные подпольные организации, в том числе и коммунистические, которые, хотя подчас и стремились установить друг с другом контакт и действовать совместно, представляли фактически отдельные, самостоятельные группировки.

Следует сказать, что коммунисты-революционеры поддерживали связь между собой и иными способами. Шеню, вращавшийся в это время в их среде, сообщает, например, следующее. Под руководством старого коммуниста революционера Порнена многие коммунисты собирались в трактире одного виноторговца, расположенном у ставы Шопинет. Поэтому их регулярные собрания стал называть клубом Шопинет. Среди их участников Шевн», наряду с некоторыми новыми для нас именами - Виту, отца и сына, Эрбюле, Пельвилена, братьев Руссель и некоторых других, называет и таких лиц, как старый соратник Порнена Галлан и трех бывших членов подпольного руководящего комитета Общества коммунистов Лионна, Розье (речь идет, очевидно, о Жюле Розье), Велликюса, который, по словам Шеню, хотя ничего не делал, но непрерывно разглагольствовал⁴².

Шеню в книге, опубликованной уже после революции, в 1850 г., писал: «Вожаки различных коммунистических сект не ограничивались подобными совместными трапезами, поскольку необходимо было добиться полного осуществления системы. Им удалось снять дом по улице Ориллон, где поселились от 8 до 10 семейств из числа самых фанатических их приверженцев... Все было сделано общим»⁴³. Ж.Ж.Мей предложил даже установить общность женщин, начав с его собственной жены. «Общность женщин была таким образом признана благодаря самоотверженности гражданина Мея, и она была осуществлена, как все

остальное, в многочисленных общинах, которые обосновались в Менильмонтане и Бельвиле... В некоторых из этих общин были созданы библиотеки, состоявшие из коммунистической литературы. Г.Розье предпочитал философию, так же как и г.Порнен. Этот последний разъяснял Руссо, ставя ему в упрек только одно: он был, по его словам, чересчур деистом. В этих общинах под предлогом занятий занимались также конспирацией»⁴⁴.

При всей одиозности де ла Одда Шеню внушает еще большее отвращение. Де ла Одд с самого начала был платным полицейским осведомителем. Он, правда, часто высмеивал участников тайных обществ, дабы оправдать свою неблагоприятную роль доносчика, но не клеветал на них. Шеню же был ренегатом в самом прямом смысле этого слова и не останавливался перед самой гнусной ложью, чтобы оклеветать своих бывших соратников. До каких абсурдов он при этом доходил, видно, например, из следующего. Консидер, по его словам, был полицейским агентом-provokатором, предупредившим будто бы власти о покушении на короля, которое намерен был совершить Дармес. Тогда «друзья короля» решили его подменить и в карету, которая направлялась в Сен-Клу, вместо короля сели два его адъютанта. Именно в эту карету и выстрелил Дармес⁴⁵. Здесь, что ни слово, то ложь. Прежде всего Дармес принял решение совершить покушение на короля именно в этот день, 15 октября 1840 г., лишь за час до того, как он выстрелил в королевскую карету. Консидер, как это было неопровержимо доказано во время процесса, ничего не знал и не мог знать об этом. В карете находился не какой-то адъютант, а сам Луи-Филипп. Дармес выстрелил в момент, когда карета на углу площади Конкорд приостановилась, поскольку король хотел приветствовать находившийся там гвардейский пост. Эта чудовищная ложь понадобилась Шеню, чтобы оклеветать Консидера, с которым он имел личные счеты. Учитывая эту заведомую лживость Шеню, и следует дать должную оценку его заявлениям об установлении «общности женщин» в коммунистических общинах, организованных в Париже. Лживость этого заявления видна хотя бы из следующего. По его словам, эту «общность» предложил не кто иной, как Мей. Но ведь во второй половине 40-х годов (а именно о них и идет речь в книге Шеню) Мея уже не было в живых. Видимо, Шеню знал о позиции журнала «Юманитер», в котором активное участие принимал Мей, и поэтому решил приписать ему установление «общности женщин» в коммунистических общинах, стремившихся, по его словам, полностью установить коммунистическую «систему». Он хотел этим подтвердить широко распространенную клевету о том, что подлинный коммунизм предусматривает и эту «общность».

Какое же зерно истины содержится все же в сообщении Шеню? Видимо, то, что во второй половине 40-х годов в Париже, в частности в Менильмонтане и Бельвиле, имелись в различных домах какие-то ячейки, объединявшие коммунистов-революционеров. Вряд ли, конечно, это были коммунистические общины, так как все приверженцы революционного коммунизма решительно выступали против создания

таких общин в условиях существующего общественного строя. Вернее, это были центры, где была сосредоточена коммунистическая литература и где собирались коммунисты. В этих своего рода маленьких клубах читались и обсуждались доклады на различные теоретические темы. Но весьма возможно, что они действительно служили одновременно прикрытием конспиративной деятельности подпольных коммунистических организаций.

Чтобы составить себе правильное представление о подпольном коммунистическом движении в последние годы Июльской монархии, следует ознакомиться с деятельностью так называемой «большой ассоциации», или Общества новых времен года, и с происшедшим в ней расколом. Мы видели уже, что «большая ассоциация» являлась организацией, к которой формально примыкали как коммунисты, так и республиканцы-демократы, причем роль последних в ее руководящем комитете все более возрастала, особенно после вхождения в ее состав Флокона. Хотя Флокон вскоре и вышел из этого комитета, но его покинули и два видных представителя коммунистического течения — Луи Гере и Дютерт, т.е. два бывших члена руководящего комитета Общества коммунистов. Затем в комитет вошли Коссидьер и два близких к нему человека — Леутр и Гранмениль, а также некто Леру — все четверо не коммунисты, а мелкобуржуазные демократы. Вместе с Буавеном и де ла Оддом, двумя членами прежнего комитета, этот новый комитет из шести членов предпринял было попытку активизировать «большую ассоциацию» и реорганизовать ее на принципах карбонаризма, но из этого ничего не получилось. Очень скоро комитет покинули Коссидьер, Леутр и Леру.

Де ла Одд, в книге которого и содержатся все эти сведения о внутренних переменах в руководящем комитете Общества новых времен года, дает очень откровенную характеристику деятельности или, вернее, бездеятельности этого общества и его руководящего органа. Он называет это общество «полуорганизацией, позволявшей людям думать, что они принадлежат к тайному обществу, которое, однако, не имело никакой реальной силы. Члены каждой группы часто собирались, но скорее для того, чтобы пить и петь, чем для того, чтобы конспирировать; их собирали официально время от времени лишь для того, чтобы зачитать очередную директиву». Эти директивы составлял не кто иной, как сам де ла Одд, который с откровенным цинизмом признается, что высокопарные слова, на которые он не скупился, имели целью лишь обосновать заключение, которое всегда сводилось к призыву не предпринимать никаких политических действий, не вести публичной пропаганды, не заготавливать оружие и боеприпасы. Он приводит в этой связи и типичное заключение, характерное для всех подобного рода директив: «Не следует больше компрометировать ассоциацию губительными инициативами. Комитет решил, что ассоциация должна дожидаться больших народных волнений, чтобы продемонстрировать свою мощь; тогда она выступит, бросит свой меч на весы и одержит блистательную победу...

Нужно приучиться к трудной, но необходимой добродетели, а

именно к смирению. Лишь этой ценой будет достигнута победа». К тому же директивы комитета появлялись все реже и реже. Первоначально они рассылались каждый месяц, а затем лишь в два-три месяца раз. Наконец, было решено вообще отказаться от подобных печатных директив. Де ла Одд столь же цинично признается, что целью всего этого было без излишнего шума подготовить роспуск «ассоциации», т.е. положить конец ее призрачному существованию. «Процесс незаметного скрытого разложения давал свои результаты; связь членов между собой и вожаков групп с комитетом достаточно ослабела, собрания носили формальный характер, а конспирация превращалась в фикцию». По словам де ла Одда, полиции ничего не стоило положить конец всей этой эфемерной деятельности «Новых времен года». Добавим от себя, что это было ей тем более легко, что от самого де ла Одда полиция знала все об этой ассоциации и ее руководящем комитете. Но она ничего не делала. Де ла Одд объясняет это следующими соображениями. Полиция держала в своих руках «ассоциацию, которой предназначено было умереть, будучи потихоньку удушенной», а в противном случае могли бы возникнуть вместо нее с десяток жизнеспособных обществ; ее открытый разгром пробудил бы мятежников, побудил бы многих молодых людей превратиться в заговорщиков⁴⁶.

Дело не изменилось и после того, как к трем оставшимся членам комитета — Гранменилю, Буавену и де ла Одду — присоединился Альбер (Мартен), будущий член Временного правительства. Де ла Одд дает следующую характеристику его тогдашним общественно-политическим взглядам. «Его идеи имели коммунистическую направленность; но он не признавал ни Кабе, ни Бабефа; на деле он примыкал лишь к принципу, не принимая никакой доктрины. Кроме того, он был достаточно воздержан, чтобы не требовать абсолютной и немедленной общности, как некоторые одержимые той эпохи». Де ла Одду не стоило большого труда убедить Альбера, что коммунистические идеи пугали население и что необходимо было, чтобы ассоциация стояла бы от них в стороне. Именно при участии Альбера и было принято решение воздержаться от публикации каких-либо директив вообще.

«Большая ассоциация», влачившая эфемерное существование, продолжала все более разлагаться. Фактически все эти годы она являлась лишь фиктивным прикрытием отдельных, по существу не связанных между собой подпольных групп и организаций. При этом ее руководство, состоявшее теперь в основном из мелкобуржуазных республиканцев-демократов, давно отказалось от каких-либо лозунгов коммунистического характера. Казалось бы, сбывались надежды полицейских властей на ее мирную и тихую кончину.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Ведь формально к этой «большой ассоциации» примыкали и многие подпольные коммунистические организации и многие коммунистические деятели. Сперва де ла Одду и его сообщникам в руководящем комитете удавалось ими манипулировать. Но в 1847 г. произошел давно подготавливавшийся взрыв. Коммунисты-революционеры поняли наконец, что их все это

время водили за нос. «Безоговорочные коммунисты немедленных действий», пользуясь терминологией де ла Одда, открыто и демонстративно порвали с «Новыми временами года». Первую группу «диссидентов» возглавил врач Лакамбр, который вскоре был арестован. Но затем произошел второй, более крупный раскол. Вождями «диссидентов» были Луи Гере и Велликюс, а также Кюло, Флотт, Тюрмель, отец и сын Биту и ряд других лиц. В конце концов им удалось сплотить вокруг себя от 400 до 500 человек⁴⁷.

В другой своей книге де ла Одд говорит по этому поводу следующее: «В тот же период (в 1847 г. — А.И.) произошел раскол в "Новых временах года". Непризнанные апостолы, вожаки без войск, ораторы кабаков, внесли расстройство в старую ассоциацию, которую они пытались разложить, дабы подобрать ее осколки. Эти козни были делом рук с дюжины лиц: то были Лакамбр, врач без клиентуры; Тюрмель, виноторговец; Кюло, рабочий-саломщик; Барбар, портной; Виту-отец и Виту-сын; Фере, по прозвищу Мустах; Шампань, Потье, Велликюс, Шеню и другие — все бешеные коммунисты. Они упрекали комитет в умеренности его принципов и использовали по его адресу знаменитый эпитет: усыпители... Все это дало свои результаты: некоторые группы дезертировали и присоединились к диссидентам». Накануне Февральской революции это «диссидентское общество» насчитывало 500 человек⁴⁸.

Среди руководителей «диссидентов», имена которых называет де ла Одд, были старые, уже известные нам коммунисты-революционеры, а также лица, принявшие в дальнейшем активное участие в революции 1848 г. Луи Гере и Велликюс были в свое время членами руководящего комитета Общества коммунистов, Фере, по прозвищу Мустах, еще в 1842 г. был одним из руководителей подпольной коммунистической организации, доктор Лакамбр после революции стал заместителем председателя основанного Бланки клуба Центральное республиканское общество, казначеем которого являлся Флотт.

Не следует, однако, полагать, что новое «диссидентское общество», к которому примкнули 400—500 человек, представляло собой единую, сплоченную организацию. По словам де ла Одда, «никакая организация их не объединяла; имелись лишь группы, признававшие только своих вожаков, и вожаки, договаривающиеся друг с другом»⁴⁹. Другими словами, подпольные коммунистические группы, официально порвавшие с «Новыми временами года», не создали единой, монолитной организации, а, как и раньше, лишь поддерживали между собой контакт и действовали фактически самостоятельно. Но то, что в 1847 г. коммунисты-революционеры вновь открыто порвали с мелкобуржуазными республиканцами-демократами, имело немаловажное значение с точки зрения размежевания общественно-политических сил накануне Февральской революции 1848 г.

II

22 ноября 1846 г. королевский прокурор Орлеана выехал по делам в Блуа, но, получив извещение, что накануне в Туре произошли серьезные беспорядки, спешно направился туда. Вернувшись ночью в Блуа, он тут

же написал министру юстиции пространный доклад о событиях в Туре⁵⁰.

Беспорядки в Туре были одним из проявлений продовольственных волнений, которые к тому времени охватили всю Францию. Уже за несколько дней до этого во многих близлежащих коммунах начались бурные выступления. Жители угрозами и силой пытались препятствовать «свободной перевозке зерна». Образовались многочисленные «банды», которые ходили по деревням, «угрожая и применяя насилие к земледельцам и парализуя торговлю». Разгоняемые в одних местах, они отправлялись в другие. Власти вынуждены были вызвать из Тура регулярные войска, так как местная жандармерия оказалась бессильной справиться с этими выступлениями. Но 21 ноября волнения перекинулись в самый город Тур. Еще утром там были расклеены плакаты с требованием установить цену на хлеб в 30 су; они подстрекали народ против префекта и мэра, которые изображались как главари скупщиков. Волнения вспыхнули в три часа дня на хлебном рынке, где собралось и много крестьян из окрестных деревень. В полицейских и в представителей властей стали бросать камни. Сам мэр получил ранение. У одного улана было рассечено лицо бутылкой, которой ударила его по голове «одна из мегер, участвовавшая в бунте». Из этого видно, что в этом «бунте» принимали участие не только мужчины, но и женщины. На следующий день, 22 ноября, на улицах появились толпы, состоявшие большей частью из безработных, среди которых активно действовали агитаторы. Они «вопили», требуя хлеба по 30 су, ломали уличные фонари, бросали камни в полицейских. Поскольку нельзя было рассчитывать на национальную гвардию, большинство которой отказалось выступить против демонстрантов, были вызваны уланы и пехотинцы, т.е. регулярные воинские части, рассеявшие эти сборища.

В конце своего донесения прокурор писал: «Я имею пока что лишь смутные сведения, но я уверен, что коммунизм сыграл первостепенную роль в этих беспорядках. Тур является очагом коммунизма. Я не знаю, какой апостол этой секты там действовал, но его проповеди принесли, несомненно, свои плоды; коммунизм распространился в мастерских, среди государственных служащих, в государственных учреждениях; коммунисты объединяются, собираются, сговариваются...». Исходя из этой установки, следствие по делу о событиях в Туре сразу же пошло по пути «разоблачения» «коммунистической ассоциации» в этом городе. К этому властей побуждало и то обстоятельство, что в то время в Туре находились многие политические заключенные или лица, осужденные в прошлом по политическим делам. Самым видным из них был Бланки. Бланки, приговоренный в 1839 г. к пожизненному заключению, был по состоянию здоровья переведен, как и Алоиз Юбер, из тюрьмы Мон-Сен-Мишель в турецкую тюрьму, а оттуда — в городскую больницу. Несмотря на то что он был амнистирован еще в 1844 г., он оставался там и в 1846 г., когда в Туре произошли описанные выше события. Поэтому следственные власти сразу же заинтересовались его деятельностью. Уже 26 ноября был произведен обыск у одного жителя близлежащей коммуны Риш, у которого, по имевшимся сведениям, хранились письма и бумаги Бланки.

Обыск этот, однако, оказался безрезультатным. Но дальнейшие поиски дали возможность обнаружить несколько черновиков проекта ассоциации, будто бы филантропической, но на самом деле преследовавшей «политические и социальные цели». Тот же проект был найден и у некоего Бонена, который, по убеждению властей, был казначеем и архивистом коммунистической ассоциации. Были произведены многочисленные аресты. Сам Бланки был вновь взят под стражу⁵¹. Месяц спустя, 23 декабря 1846 г., королевский прокурор представил министру юстиции новый подробный доклад, в котором как бы подводил итоги следствия по этому делу⁵². Он прежде всего заявлял, что существование «коммунистической ассоциации» в Туре можно считать вполне доказанным. Надлежало, однако, установить, имела ли какая-либо связь между деятельностью этой ассоциации и событиями в Туре и его окрестностях: «Не были ли волнения в деревенской местности, насилия, совершенные в окрестностях, а также бунт 21 ноября на рынке в Туре вызваны в первую очередь деятельностью этих людей беспорядка, разрабатывающих на своих тайных собраниях самые пагубные доктрины и ведущих активную коммунистическую пропаганду... по внушению и под хорошо замаскированным руководством Бланки, Юбера и некоторых других выдающихся представителей партии». На этот основной вопрос прокурор давал по существу отрицательный ответ. «Я считаю теперь достоверным, что ассоциация и различные инциденты и волнения в департаменте Эндр-и-Луары связаны лишь морально, что исключает прямое участие и сообщничество с юридической точки зрения». Далее он писал, что эта коммунистическая ассоциация не только не организовала все эти беспорядки, но и сама была застигнута ими врасплох и поэтому не имела даже времени подготовить свое активное вмешательство, так как вскоре все было кончено. Несомненно, что определенная связь между этими волнениями и деятельностью коммунистической ассоциации имеется, поскольку «анархические принципы», распространяемые в течение длительного времени в Париже, Лионе, Туре и других местах, извратили среди нуждающихся и невежественных классов самые общепринятые понятия о собственности и необходимой общественной иерархии. «Но столь же верно, что в имевших место выступлениях мы не можем обнаружить прямой импульс со стороны Бланки, Юбера и им подобных».

Что касается коммунистической организации в Туре, то, по словам прокурора, дело обстояло следующим образом. Подобного рода общество было создано в этом городе еще в 1842 г. Эта «обширная ассоциация», состоявшая из отдельных групп, объединявших по 11 членов, сперва имела официальной целью «диктовать закон хозяевам» в отношении заработной платы, «но вскоре стала очагом пропаганды коммунизма и его утопий». Каждая группа имела своего вожака или председателя, а каждый член имел свой номер и платил взносы; председатели групп собирались вместе на тайные собрания, на которых решались все вопросы. Землекоп Руже, сообщивший следствию все эти сведения, утверждал, что, хотя он еще два года назад покинул эту ассоциацию, она

продолжала существовать все это время. Хотя эта организация, судя по приведенным данным, носила скорее характер нелегального компаньонажа, чем политического тайного общества, прокурор был уверен, что именно она и послужила основой «коммунистической ассоциации», действовавшей в Туре в 1846 г. под названием Общество пирушек.

Относительно этой организации прокурор приводил следующие данные. До последних событий власти не знали о существовании в Турени какого-либо тайного общества, хотя «присутствие Бланки и Юбера, терпимость, с которой к ним относились, частое посещение некоторыми лицами этих двух политических осужденных и вызвали некоторое опасение». Однако в момент беспорядков в Туре некто Уден сообщил властям, что состоит в Обществе пирушек, возглавляемом Виейфоном, рабочим-басовщиком. Именно он первый подал Бланки идею об организации этого общества, а тот, в свою очередь, предложил Удену в него вступить. Название этого общества было придумано лишь с целью сбить с толку полицию. Общество собиралось то в одном кафе, то в другом, и там действительно распевали песни, «но в то же время велись оживленные беседы почти исключительно на политические темы, о необходимости революции, о будущем коммунизма и об эгалитарной системе, которая наконец обеспечит трудящимся золотой век». На основании этого доноса тогда же, 21 ноября вечером, полиция ворвалась в одно кафе, где должны были собраться в этот день члены общества; но те, видимо узнав, что они были преданы, успели разойтись.

На следующий день, 22 ноября, они собрались в кафе, расположенном вне города, откуда и следили за тем, что происходило на площади у мэрии. Некоторые из них отправились туда, чтобы принять участие в беспорядках, но других их же сотоварищи уговорили не разжигать движение, которое не имело шансов на успех. В последующие дни следствие сумело установить личность большинства членов этой организации и получить доказательства, «что из своего убежища в городской больнице Бланки и Юбер наставляли с давних пор всех тех, которых они могли к себе привлечь... и внушали своим приверженцам самые откровенные революционные идеи; всегда взирая лишь на Париж, они выжидали удобный случай для организации беспорядков, однако даже накануне они не предвидели волнений, которые в связи с дороговизной хлеба вспыхнули в Турени, буквально у них под носом».

Таковы были данные предварительного следствия. И на этот раз для проверки этих данных нам на помощь приходит Кабе, сообщающий много важных подробностей. В своей очередной брошюре, посвященной этому делу⁵³, он писал следующее. В Туре было много коммунистов; почти все они принадлежали к трудящемуся классу. Первоначально они были икарийцами, сторонниками легальной и мирной пропаганды. Но когда в Туре оказались политические деятели, осужденные как революционеры, то положение изменилось: «этих несчастных рабочих» стали повседневно агитировать и толкать на революционный путь. Среди политических осужденных, находившихся в Туре, Кабе называет имена Бланки, Юбера,

Дюпотти, Беро, Беаса и Виейфона. Действительно, обстоятельства сложились так, что в то время в Туре находились не только осужденные по политическим процессам коммунисты, вроде Бланки, Юбера, Беаса, но и демократические деятели, вроде бывшего редактора газеты «Журналь дю пепль» Дюпотти. Виейфон, который, по словам Кабе, не был сам коммунистом, основал с согласия Бланки Общество пирушек под названием «Сыновья дьявола»; члены этого общества имели различные условные прозвища и собирались в разных кафе и трактирах, в которых распевали «коммунистические и революционные песни». Бывшие икарийцы, вовлеченные в эту организацию, подписали совместно с Виейфоном и Беасом письмо к Кабе с требованием отстранить «корреспондента», т.е. уполномоченного «Попюлера» в Туре доктора Демулена, и передать распространение икарийских публикаций в руки упомянутого «молодого Беаса, политического осужденного». Кабе ответил на это обращение резким письмом, текст которого он приводит в своей брошюре. «Я хочу объяснить с вами откровенно, — писал он, — вы сильно изменились... вы прониклись революционным духом... я убежден, что вас вводят в заблуждение и компрометируют подобно многим другим, которые были введены в заблуждение и скомпрометированы в прошлом». Далее Кабе обрушивался на Беаса, которого он лично знал и рассматривал как своего врага, резко нападавшего на его произведения.

14 сентября 1846 г. упомянутая группа турских коммунистов написала ему новое письмо, выступив с защитой Беаса, который, по их словам, критикуя его произведение «Истинное христианство», лишь пользовался своим законным правом. Из этого же письма Кабе узнал, что «эти господа» посещали Бланки (с которым он не имел никаких связей) чаще, чем Юбера, брошюру которого он опубликовал. Кабе еще строил иллюзии, будто Юбер был к нему идейно близок. Но важно не это, а то, что он подтверждает связи турских коммунистов как с Бланки, так и с Юбером. Впрочем, и сам Кабе уже начал к тому времени сомневаться в преданности Юбера. В той же самой брошюре он несколько далее писал: «Мы знали также, что некий влиятельный революционер (очевидно, речь идет о Бланки. — А.И.) сделал все возможное, чтобы разлучить с нами... несчастного Юбера, льстя ему, играя на его гордости, упрекая его, одного из самых знаменитых революционеров-мучеников, в том, что он отклоняется от своего пути, слепо следуя за усыпителем», т.е. за Кабе.

Не будем подробно излагать дальнейшую переписку Кабе с турскими «диссидентами». Их письмо от 12 октября, под которым стояли 49 подписей, и ответное письмо Кабе от 18 ноября свидетельствовали о полном разрыве между ними. Хотя одновременно Кабе получил из Тура и адрес, подписанный 44 икарийцами, оставшимися ему верными, было уже несомненно, что значительная часть бывших икарийцев перекинулась в революционный лагерь. «Мы ясно видели, — писал Кабе в своей брошюре, — что в Туре образовалась революционная партия или, вернее, группировка, которая стремилась вовлечь коммунистов». Но он не знал, что «коммунисты-диссиденты» вошли в созданную там

организацию — Общество пирушек.

Дело турских коммунистов рассматривалось с 26 по 29 апреля 1847 г. в уголовном трибунале города Блуа⁵⁴. К судебной ответственности было привлечено 27 человек. Трое из них, а именно Бланки, Беро и Беас, уже до этого привлекались к суду по политическим процессам, все остальные были рабочими. Несмотря на то что предварительное следствие установило непричастность коммунистов к волнениям на продовольственной почве в Туре и окрестных деревнях, обвинительное заключение пыталось вновь связать эти беспорядки с деятельностью созданной в этом городе нелегальной коммунистической организации. В нем говорилось, что волнения в Туре 21—22 ноября 1846 г. были вызваны не только дороговизной хлеба, а что эти беспорядки произошли также под влиянием пагубных доктрин, там распространявшихся и приведших к созданию нелегальной ассоциации. «Стало известно, что собрания, на которых присутствовали почти исключительно рабочие, собирались по твердо определенным дням под председательством одного из них. На этих собраниях, прикрывавшихся личиной певческого общества, обсуждали вопрос о распространении коммунистических доктрин и о социальной эмансипации рабочих». Каждый из членов имел свое прозвище, такое, как «эгалитари», «санкюлот» и т.п.

В своих показаниях Уден (тот самый, который первым сообщил полиции сведения об Обществе пирушек) заявил следующее: «Я вместе с некоторыми товарищами, которые свели меня с Бланки, пять или шесть раз посетил его в турецком госпитале. Часто в наших разговорах речь шла о коммунизме, который Бланки весьма одобрял. Он предложил мне примкнуть к ассоциации "пирушек". Бланки мне говорил: "Вы все, сколько вас есть, должны поддерживать крестьян". — "Но, — возражал я ему, — нас же не столь много". — "Полноте, — говорил Бланки, — от вас не требуют многого, примите лишь меры, чтобы, если в Париже начнется движение, помешать отправке войск гарнизона в Париж"... Я часто ходил на собрания Общества пирушек; там пели песни, затем говорили о коммунизме, утверждали, что, распространяя его, можно будет свергнуть правительство... В дни беспорядков, когда я сказал в кафе, что мы не вооружены, один из членов общества ответил: "Но оружие можно получить, когда нужно будет, его можно найти в арсенале"». Владелец одного кафе, Тисье, показал, что у него имели место собрания. «Я слышал, о чем шла речь, — говорили о коммунистах». Другие обвиняемые, признаваясь, что они регулярно собирались вместе, отрицали, однако, что они были членами тайного общества. Виейфон отказался от своих показаний, данных им, — по его словам, под влиянием депрессии, вызванной длительным тюремным заключением, но все же вынужден был признать, что у него был конфискован список членов ассоциации, а также тексты песен, в которых имелся, в частности, следующий куплет: «Мы хотим, чтобы равенство, наш прекрасный сон, было бы осуществлено, чтобы во Франции наконец установилась общность». Во время допроса Беас признал, что распространял коммунистическую литературу. На вопрос, распространял ли он

коммунистические доктрины, он ответил: «Всеми своими силами; это мои убеждения».

В своем выступлении прокурор стремился доказать, что в 1846 г. в Туре была создана нелегальная ассоциация, и счел нужным обратиться к рабочим с нападением, «чтобы они не впадали в заблуждения, в которые их стремятся вовлечь и которые ведут лишь к потрясениям и беспорядкам, провоцируемым людьми, больше заботящимися о своих честлюбивых проектах, чем о благосостоянии рабочих». Из выступлений защитников следует отметить выступление адвоката Бланки Дэна, который обосновывал коммунистические доктрины, объясняя их распространение тяжелым положением рабочих.

В своей упомянутой брошюре Кабе, излагая этот процесс, приводит и некоторые дополнительные детали, не включенные в официальный отчет. Так, например, он приводит слова Бланки, который в связи с настойчивыми вопросами прокурора ко всем обвиняемым, являются ли они коммунистами, воскликнул, что в свое время столь же настойчиво допытывались у преследуемых, являются ли они христианами. Интересно и следующее заявление прокурора: Бланки, находясь в турецком госпитале, «принимал там непрерывно множество рабочих... он беседовал с ними о коммунизме». Его посещали также Дюпотти, Бери и Беас. В своей брошюре Кабе приводит и полный текст вынесенного трибуналом приговора. Уголовный трибунал признал доказанным, что в Туре была организована ассоциация, «вожаки которой, признанные сторонники коммунизма, отличались чрезмерной приверженностью к этой политической системе». Было организовано общество, под названием «Общество пирушек», или «Лирическое общество сыновей дьявола», истинной целью которого было распространение доктрины коммунизма и вербовка прозелитов. Это общество имело председателя и заместителя председателя, избранных голосованием, выработало письменный регламент, имело список своих членов, плативших членские взносы особому казначею, твердо фиксированные дни и часы своих собраний. Далее в приговоре перечислялись различные места, в которых собирались члены общества с начала сентября по конец ноября 1846 г. Общее число членов составляло от 50 до 60 человек. Считая недоказанным, что Бери входил в состав этой нелегальной ассоциации, а Бланки, хотя и содействовал своими советами и инструкциями ее организации, не имел фактической возможности присутствовать на ее собраниях, трибунал оправдал этих двух обвиняемых. Беас был приговорен к шестимесячному тюремному заключению, Виейфон — к трехмесячному, Уден, Лепретр, Бонен, Буше, Гийе, Дюпен, Бийон, Лебре, Гайар — к двухмесячному, Жоли, Ламброн, Жу, Леруа, Руайе, Лебретон, Леконт, Блондо и Виктор Мишель — к одному месячному, Сард, Ламбер, Санже, Помар, Ледрю, Карре и Роже — к пяти дням тюрьмы.

В связи с этим процессом в Блуа была опубликована брошюра «Коммунисты Тура. Полицейские преследования в Блуа»⁵⁵. В этой брошюре помещены статьи по поводу дела турецких коммунистов, напечатанные в местной газете «Курье де Луар-э-Шер», в фульеристском

органе «Демократа пасифик» и в газете «Реформа». В этих статьях доказывалось, что весь этот процесс был подстроен, что показания Удена, на которых было основано все обвинение, были показаниями полицейского агента-provokatora, что в сущности преследовали людей за их коммунистическое мировоззрение, несмотря на гарантированную конституцией свободу мнений. «Демократа пасифик» специально подчеркивала, что суд не допустил даже защиты коммунистических доктрин; действительно, председатель трибунала пять раз прерывал адвоката Бланки, когда он пытался изложить суть коммунистического учения, так что тот не смог даже закончить свое выступление. В упомянутых выше статьях говорилось также, что власти ошиблись в своих расчетах, что процесс лишь содействовал распространению коммунистических идей. Одновременно указывалось на недопустимое отношение к приговоренным к тюремному заключению турецким коммунистам, с которыми обращаются в тюрьмах не как с политическими заключенными, а как с уголовными преступниками. Газета «Курье де Луар-э-Шер» в номере от 13 июня 1847 г. протестовала еще и против того, что, несмотря на оправдание Бланки, в Блуа была установлена слежка за всеми его передвижениями и встречами с различными лицами. В брошюре было опубликовано письмо Бланки прокурору от 12 июня по поводу принятых против него мер полицейского надзора; он заявлял в этом письме, что предпочитает быть вновь заключенным в тюрьму.

«Попюлер» в свою очередь, в номере от 9 мая 1847 г.⁵⁶ делал следующие выводы из процесса в Блуа. Процесс этот показал, что часть коммунистов Тура, пренебрегая советами и рекомендациями журнала, дала вовлечь себя в общество, среди вожаков которого были полицейские агенты (один или даже два), сумевшие их надуть и одурачить, что эти же коммунисты во время беспорядков 21–22 ноября предыдущего года по наущению этих агентов-provokatorов не только собрались в кафе, но и вышли на улицу, «что тем самым они дали возможность общественному мнению и юстиции обвинить их в том, что они являлись подстрекателями и организаторами мятежа, даже в том, что они были виновны в заговоре или по крайней мере в организации тайного общества в целях установления общности с помощью насилия», скомпрометировав этим коммунизм и всех коммунистов, стремящихся будто бы к созданию тайных обществ и мятежам.

В связи с этими выводами «Попюлера» 18 турецких коммунистов, включая и некоторых лиц из числа осужденных, а также корреспондента «Фратерните» — столяра Кюяра, направили Кабе резкое письмо с протестом. Кабе опубликовал это письмо в «Попюлере», в номере от 18 июня⁵⁷; заявляя, что оно написано под влиянием «ультракоммунистов», он повторил свои обвинения в адрес тех турецких коммунистов, которые под воздействием революционной агитации были, по его словам, обмануты provokatorами и безумцами и совершили очень серьезные и компрометирующие ошибки.

Был ли Уден, главный свидетель обвинения, полицейским агентом, специально посланным полицией к турецким коммунистам, или же он дал

свои показания из страха за самого себя, не имеет, в сущности, принципиального значения; не столь важно и то, действительно ли Виейфон не был коммунистом, хотя и писал «коммунистические и революционные песни», отрывки из которых были зачитаны на суде. Важно и существенно другое. Совершенно несомненно, что часть, и притом значительная, турецких коммунистов, вначале примыкавших к икарыйскому движению, перешла к осени 1846 г. на революционные позиции. Этому содействовала как общая политическая обстановка в стране, так и активная деятельность в Туре находившихся там политических заключенных и лиц, осужденных по различным политическим процессам. Среди них были не только демократические деятели, вроде Дюпотти, но и коммунисты, в том числе Бланки и Юбера. Оба они находились в то время в турецком госпитале, хотя Бланки, амнистированный за два года до этого, не являлся больше политическим заключенным, каковым продолжал оставаться Юбер. Кстати сказать, к тому времени последний, видимо, уже не был лежащим больным. Это видно из того, что еще 6 января 1846 г. члены административной комиссии Тура просили префекта сообщить министерству внутренних дел об образцовом поведении «политического заключенного Юбера, находящегося на лечении в госпитале», который принял самоотверженное участие в тушении возникшего там пожара⁵⁸. Многие турецкие рабочие коммунисты посещали как Бланки, так и Юбера. Но, несомненно, что главную и активную роль играл Бланки. Именно он содействовал организации в сентябре 1846 г. «Общества пирушек». Общество это, в состав которого вошли не только несколько десятков турецких рабочих-коммунистов, но и некоторые находившиеся в то время в Туре коммунисты-революционеры, такие, как высланный туда из Парижа Беас, не было тайным обществом в прямом смысле слова. Но совершенно бесспорно, что эта организация носила политический характер и под видом певческого общества занималась политикой и вела коммунистическую пропаганду. Бесспорно и то, что в этой организации господствовали революционные настроения и что она объединяла коммунистов, стоявших на революционной платформе. Конечно, оно не имело никакого отношения к вспыхнувшим в Турени, в том числе и в самом городе Туре, беспорядкам, связанным с продовольственным кризисом. Члены общества не только не были организаторами этих выступлений, но, более того, как метко заметил прокурор, взирав всецело на Париж в ожидании грядущей революции, они не заметили своевременно революционного брожения, возникшего у них под носом. Бланки, который советовал им поддерживать крестьян, тоже думал в первую очередь лишь о том, как предотвратить отправку войск местного гарнизона в Париж в случае революционных событий в столице. Поэтому беспорядки в Туре 21–22 ноября 1846 г. застали их врасплох. Правда, 22 ноября некоторые члены общества, пользуясь словами «Попюлера», «вышли на улицу». Но было уже поздно. К вечеру этого дня волнения были уже подавлены.

Процесс турецких коммунистов показал рост революционных настроений среди рабочего класса не только в Париже, но и в провинции,

отход от мирного икарыйского движения значительной части рабочих-коммунистов и переход их на позиции революционного коммунизма. Турское дело свидетельствовало и об активизации политической деятельности видных коммунистов-революционеров, вроде Бланки и Юбера, в преддверии революции 1848 г., в которой им предстояло принять непосредственное участие.

III

16 января 1847 г., в 4 часа дня, на улице Сент-Оноре, в доме № 383, на пятом этаже, были совершены кражи в двух квартирах. Были украдены серебряные часы и 20 франков. Тут же на месте преступления был арестован Жан-Луи Крузе, рабочий-литейщик. Вскоре был арестован и его сообщник, тоже рабочий, Эжен Генней. Обоих арестованных повели в тюрьму трое полицейских. Проходя по мосту Пон-о-Шанж, Генней вынул внезапно из своего пальто нож-кинжал и бросил его на землю. В момент, когда шедший рядом с ним полицейский бригадир обернулся, дабы посмотреть, что произошло, Генней выхватил пистолет и застрелился.

На следующий день префект полиции сообщил королевскому прокурору, что в 1846 г. ряд лиц, многие из которых были известны своими республиканскими убеждениями и в свое время входили уже в состав тайных обществ, образовали новую ассоциацию под названием «материалисты», ставившую себе целью немедленное осуществление режима общности с помощью воровства, убийств и поджогов. Так возникло дело «коммунистов-материалистов». Это судебное дело, как и другие, по известной уже нам причине не сохранилось в Архиве департамента Сены. В Национальном архиве имеется фонд, состоящий из отчетов председателей судов присяжных по отдельным департаментам. Однако в соответствующих единицах хранения за 1847 г.⁵⁹ нет отчета о летней сессии суда присяжных департамента Сены, на которой рассматривалось это дело. Но подробное изложение обвинительного заключения было напечатано не только в официальной «Газет де трибюно»⁶⁰, но и в ряде других газет, в том числе и в «Попюлере»⁶¹.

Вскоре после ареста Крузе был арестован сапожник Готье, который после произведенного у него обыска сразу же начал давать показания. Он заявил, что еще в возрасте 16 лет был завербован в Общество прав человека членом центрального комитета этого общества Делантом. Затем он состоял членом Общества времен года. Накануне покушения Кениссе он был арестован, но затем отпущен за отсутствием улик. В феврале 1846 г. сапожник Делонь, с которым он был близок, повел его к сапожнику Жавело, который снова вовлек его в революционную деятельность. На этот путь он вступил и под влиянием Крузе, который свел его с литейщиком Дежобом; на квартире последнего читали и комментировали работу Прудона о собственности, а также работы Кабе, Дезами и аббата Констана о коммунизме.

Арестованный одновременно с Готье сапожник Шабан сперва оспаривал его показания, но после того как ему предъявили найденное у него при обыске письмо к Геннейю, с которым он поддерживал связь с 1842 г., а также после очной ставки с Готье он тоже сделал признание. В

1839 г. он проживал в меблированных комнатах по улице Омери, 6, большинство жильцов которых были республиканцами; там он познакомился с сапожником-пруссакон Аустеном, вскоре осужденным на 15-летнее заключение за участие в восстании, возглавленном Бланки и Барбесом. В апреле 1840 г. и сам Шабан попал в тюрьму за незаконное хранение оружия. Вскоре он вошел в состав тайного общества трудящихся-эгалитариев. После того как в конце 1848 г. оно было распущено, он временно отошел от революционной деятельности. Но затем Готье познакомил его с Крузе, который вместе с Геннейем дал ему прочесть произведения Прудона, Дезами и Констана. Крузе передавал ему также наставления и инструкции, которые он сам получал от Дежоба, Жавело, Жибо и Санса.

Крузе, сперва все отрицавший, ознакомившись с признаниями Шабана и Готье, дал следующие показания. Три года назад он работал как литейщик в мастерской некоего Кенеля, где некоторые его сотоварищи давали ему читать «Попюлер», а также «Кодекс общности» Дезами. Так он стал коммунистом и вступил в сношения с виноторговцем и содержателем меблированных комнат Кофино, одним из самых ревностных пропагандистов коммунизма. У него Крузе и познакомился с Жибо, а также с Дежобом, который одновременно был и портье одного дома в тупике Сен-Пьер, в районе Маре; в январе 1846 г. тот предложил ему, поскольку он искал жилище, комнату в этом доме. С этого времени связи Крузе с Дежобом стали более тесными, а Жибо, также часто приходивший к Дежобу, внушал ему вместе с последним принципы материалистов. Во время беседы, состоявшейся 3 февраля 1846 г., Дежоб следующим образом резюмировал эти принципы. В современной социальной структуре все плохо, необходимо реорганизовать общество на новых началах, ликвидировать частную собственность, частную семью. Чтобы достичь этого, нужно применить новые средства, так как прежние оказались негодными. Для этого необходимы деньги, которые следует добыть всеми возможными средствами.

В июле 1846 г. в одном трактире на площади Сент-Опортюн по инициативе Жавело состоялось собрание, в котором приняли участие Крузе, Готье, Шабан, Генней, Жавело, Делонь и Лефевр, а также еще два-три человека. Вначале была заслушана речь Крузе, которую он предвзвительно зачитал Шабану, признавшись ему, что она была составлена Сансом и Жибо. В речи говорилось о необходимости ниспровержения существующего общественного строя и упразднения права собственности и наследования. Затем зашла речь о новых средствах, которые надлежало применить для достижения этого. Баррикады себя не оправдали; необходимо использовать бомбы и другие аналогичные средства, организовать пожары в различных пунктах Парижа и, в то время как правительственные силы были бы брошены на борьбу с этими пожарами, выступить и устроить новую Варфоломеевскую ночь. Но для этого необходимы денежные средства. Жибо считал, что необходимо 15 тыс. франков, а Лефевр утверждал, что достаточно и трех тысяч. Подобные суммы можно раздобыть лишь путем кражи; материалисты не

должны иметь предрассудков; присваивать деньги, чтобы содействовать освобождению и счастью человечества, — дозволенное и похвальное действие.

Наиболее активным в осуществлении намеченных мероприятий оказался Генней. Он изготовил два зажигательных фитиля, чуть не поплатившись жизнью; одновременно он предложил Крузе и Готье план ограбления в городе Куломье (в департаменте Сены и Марны), где он раньше работал, дома богатого собственника-хлеботорговца. Этот план не был, однако, осуществлен. Вскоре, в сентябре, представилась новая возможность, а именно ограбление в Бельвиле бывшего торговца Мишо, продавшего свое дело и получившего большую сумму денег. Но эта попытка также сорвалась. Геннейю, Готье, Крузе и Шабану удалось все же совершить около 12 краж, до того как в январе Крузе и Генней были пойманы. Украденные деньги, а также деньги, реализованные путем заклада краденых вещей, были отложены, дабы быть использованными в целях осуществления вышеизложенных проектов. По показаниям Крузе и Готье, эти деньги были переданы Дежобу. Готье подтвердил это и на очной ставке с Дежобом, а на последнем допросе дополнительно сообщил, что и деньги, находившиеся у застрелившегося Геннейя, также согласно договоренности должны были быть переданы или Сансу, или Дежобу.

К этим данным, изложенным в обвинительном заключении, следует добавить сведения, содержащиеся в одном архивном деле более позднего времени. В фонде Национального архива, где хранятся прошения об амнистии, имеется дело под номером 5283 62, относящееся к 1848— 1849 гг. Сразу же после революции 1848 г., 25 февраля, была объявлена амнистия, и все политические заключенные были выпущены на свободу. Среди них были и осужденные по процессу «коммунистов-материалистов», за исключением трех лиц — Крузе, Готье и Шабана. Уже 27 февраля они совместно обратились по этому поводу с протестом. Однако, как явствует из письма генерального прокурора от 28 марта на имя министра юстиции, их ходатайство о распространении на них амнистии было отклонено; хотя прокурор признавал, что в 1846—1847 гг. они вместе с другими обвиняемыми по этому делу участвовали в заговоре в целях свержения Июльской монархии и что это было политическим правонарушением, но в то же время он указывал, что эти лица были осуждены и за уголовные преступления, а именно кражи, и поэтому не подлежали амнистии. Но с такой интерпретацией были согласны не все представители новых властей. 5 мая супрефект Дуланса обратился к новому префекту департамента Соммы, назначенному после революции, с письмом, в котором, называя Крузе, Готье и Шабана «добрыми малыми», заявлял, что считает несправедливым вынесенный им приговор, и, говоря о Готье, напоминал префекту, что в 1834 г. тот находился вместе с ним в тюрьме.

Еще в марте Крузе лично от своего имени подал подробное прошение на имя министра юстиции, в котором, говоря, что он всегда был республиканцем и революционером и поэтому примкнул к кружку

«материалистов», рассказывал следующее: «Когда на собрании на площади Сент-Опортюн было выдвинуто предложение о кражах, то под влиянием экзальтации я, как и другие, принял его, хотя я в то же время предлагал выйти с оружием в руках на улицу. Однако мои возражения были отвергнуты, причем говорили то, что я слышал много раз после добровольного роспуска трудящихся-эгалитариев, к числу которых я принадлежал, а именно, что система баррикад изжила себя, что и наилучшим образом подготовленное восстание будет подавлено в течение двух часов, что, следовательно, нужно осуществить революцию с использованием химических средств, таких, как зажигательные бомбы и бомбы, наполненные газом, способным вызвать удушье; утверждали, что все эксперименты были уже проделаны в малом масштабе, но, чтобы осуществить их в крупном, нужны деньги; предполагалось уничтожить аристократию, легислатуру и всех тех, кто мог помешать революционному движению; хотели также приобрести печатный станок, чтобы печатать изложение доктрины материалистов и широко распространять ее по всей Франции; для всех этих целей и хотели собрать 15000 франков... Они говорили нам, что индивидуальная собственность является непрерывным воровством, что частная семья — источник всех гражданских распри, что брак — это цепь, которую человек добровольно носит всю свою жизнь, что все чувства являются предрассудками, что самоотверженности не существует, что гуманность и мораль — пустые слова, лишённые смысла, что честь — это понятие, о котором говорится лишь в словарях... они утверждали, что в политике все средства хороши и что красть, дабы ниспровергнуть тиранов и восстановить общество, основанное на общем счастье, — это дозволенное и похвальное действие».

В конце 1848 г. Крузе, переведенный вместе с Готье и Шабаном из Дуланса в тюрьму Бисетр в Амьене, написал новое обращение, на этот раз на имя «президента Французской республики»⁶³. О себе он писал следующее: «Начиная с 1834 г. я принадлежал к республиканцам; я ознакомился с республиканскими принципами в секции Брута Общества прав человека; став убежденным республиканцем, я последовательно входил во все тайные общества, вплоть до Общества трудящихся-эгалитариев». Далее он вновь подробно описывал собранно «материалистов» на площади Сент-Опортюн, на которое его привел Готье и где разрабатывались новые планы низвержения существующего строя, для чего нужны были деньги, «но, так как мы все были рабочими и без средств, мы могли пожертвовать в этих целях лишь собой». По его словам, «Генней, человек весьма экзальтированный и застрелившийся в момент своего ареста, был именно тем человеком, который предложил добыть необходимые денежные средства с одним лишь условием, чтобы его по спрашивали, откуда он их добыл», и это предложение было принято. Далее Крузе излагал принципы «материалистов» так, как они были им изложены в предыдущем обращении.

Наконец, в упомянутом деле имеется и третье обращение Крузе, помеченное 15 января 1849 г. и адресованное «принцу Луи-Наполеону

Бонапарту, президенту Французской республики». «К 1846 г., — писал он, — среди масс царил полная анархия, и большая часть бедных рабочих находилась в состоянии возбуждения, которое и побудило их осуществить революцию; вожди партий пользовались этой лихорадкой, чтобы вербовать солдат революции; в этих условиях некоторые вожаки коммунистов, называвшихся материалистами, каждую неделю организовывали тайные собрания; я был приведен на такое собрание одним гражданином, который познакомился со мной еще в секциях Общества трудящихся-эгалитариев, к которому я также принадлежал». Далее Крузе, рассказывая о новых планах подготовки революции, писал, что для этого было необходимо 3000 франков. Сперва предложили совместно собрать эту сумму, но так как все они были бедны, то это предложение отпало. «Тогда и было решено применить крайние средства; нам предложили добыть деньги всеми возможными способами, говоря, что в политике все средства хороши и что красть отнюдь не преступление, когда кражи совершаются не для личного присвоения, а для ниспровержения деспотизма и установления образа правления, основанного на принципах Общего Счастья». Далее Крузе вновь пересказывал принципы «материалистов», более подробно излагая на этот раз их взгляды на семью и брак: «Частная семья должна быть упразднена, потому что она приводит к раздроблению привязанностей, нарушает гармонию и братство, которых только и должны объединять людей, и становится причиной всех гражданских распри, что, следовательно, брак должен быть упразднен, так как это несправедливое установление, которое превращает в рабство то, что природа создала свободным, и устанавливает индивидуальную собственность, нарушая тем самым гармонию общности, не допускающей никакой собственности».

У обвиняемых при обысках была конфискована не только коммунистическая литература, но и различного рода рукописи, характеризующие их общественно-политические взгляды. Такова, например, была переписанная Жавело песня, озаглавленная «Кража собственников», найденная также и у Жибо. «Народ, поднимись на ноги! Разве ты не слышишь набат, призывающий к тревоге. Разбей свои цепи, возьми в руки меч, обрушся на королей, вонзи твоё оружие им в сердце! Пусть твоя нивелирующая рука умертвит порочных людей, живущих за счет пота несчастных пролетариев... Приобретенные права, столь почитаемые всюду, являются лишь кражей со стороны собственников. Подлинные права принадлежат тем, кто все производит, а между тем, народ, ты изнемогаешь в нужде. Нужно лишь одно слово, открыто провозглашенное на завоеванной земле, чтобы она была преобразована, и это слово — реституция!» Такой же призыв к восстанию, «дабы человек не имел больше хозяев», содержался и в «Новой марсельезе», найденной у Дежоба. Среди найденных у Жавело рукописных выдержек из различных произведений имелась и следующая выдержка из какой-то брошюры: «Мы хотим все превратить в национальную собственность». Среди рукописных заметок Кофино, озаглавленных «Основы права равенства»,

имелись и такие высказывания: «Повсюду лишь западни и убийства; горсточка крупных воров и миллионы ограбленных. Наследование является аморальным; наследование является, кражей; наследование неизбежно ведет к убийству». Вернемся, однако, к обвинительному заключению. Ссылаясь на материалы следствия, оно утверждало, что ассоциация «коммунистов-материалистов» существовала задолго до собрания, состоявшегося в июле 18-16 г. на площади Сент-Опортюн; в нем даже заявлялось, что эта ассоциация возникла еще в 1841 г. в результате раскола между коммунистами. При этом делалась ссылка на Кабе, который еще в 1842 г. говорил о двух категориях коммунистов, одна из которых признает семью и брак и ведет мирную пропаганду, а другая требует упразднения семьи и брака, взывая к материализму и насилию. В этой связи в обвинительном акте цитировались выдержки из брошюр Пийо, упоминалось о Бельвильском банкете и произнесенных там тостах, говорилось о работах Констана. Далее утверждалось, что печатным органом «коммунистов-материалистов» был сперва журнал «Юманитер», а затем те же доктрины стал проповедовать журнал «Фратерните 1845 г.», из которого приводились некоторые выдержки. Процесс «коммунистов-материалистов» состоялся в суде присяжных департамента Сены с 13 по 16 июля 1847 г.⁶⁴ Перед судом предстало десять человек: Жан-Луи Крузе, 29 лет, литейщик; Шарль-Клод Готье, 30 лет, сапожник; Луи-Жозеф Шабан, 26 лет, сапожник; Антуан Дежоб, 40 лет, литейщик; Теодор Дюфур, 40 лет, литейщик; Феликс-Дезире Лефевр, 43 лет, повар; Жан Кофино, 46 лет, виноторговец и владелец меблированных комнат; Франсуа Жибо, 27 лет, плотник; Леонар Делонь, 26 лет, сапожник; Жан-Луи Жавело, 40 лет, сапожник. Одиннадцатый обвиняемый по этому делу, Жан Сане, успел скрыться и поэтому не присутствовал на суде. Допрос обвиняемых, преследовавший, в частности, цель установить взаимную связь между ними, который мы не станем подробно излагать, дал следующие основные результаты. Готье вновь подтвердил, что он состоял в Обществе прав человека, а затем в Обществе времен года, куда его ввел студент Беро, осужденный в 1839 г. за изготовление поджигательных бомб; после этого он являлся членом Общества трудящихся-эгалитариев, «существовавшего до 1843 г.». Он показал, что «коммунисты-материалисты» собирались в различных трактирах, каждый раз меняя место своих собраний, дабы сбить с толку полицию. Их целью было упразднить собственность и семью, установить общность всей земли. Он заявил, что коммунисты разделяются на спиритуалистов, главным представителем которых является Кабе, и на материалистов, которые, однако, знакомы и с произведениями Кабе, наряду с «Системой природы» (очевидно, имеется в виду «Кодекс природы» Морелли), и с произведениями Констана и Прудона. Жавело отрицал показания Готье, хотя и заявил, что по своим убеждениям является республиканцем-коммунистом. Выяснилось, что он уже был арестован в связи с событиями 12–13 мая 1839 г., но месяц спустя выпущен на свободу и что в конце января 1847 г. он участвовал на банкете, посвященном годовщине казни Людовика XVI. При допросе

Делонья было установлено, что он также входил в Общество времен года, а 13 сентября 1840 г., во время всеобщей забастовки в Париже, был арестован и приговорен к тюремному заключению на полтора года за незаконное хранение оружия. После этого как иностранец (он был бельгийцем) он был выслан из Франции, но вскоре вернулся из Бельгии под чужим именем и поселился в Бельвиле, в одном доме с Готье. Лефевр, по его собственному признанию, являлся активным членом комитета помощи политическим заключенным. Дюфур был связан с Дежобом, Геннейем и Кофино. Последний послал его в 1845 г. на собрание «коммунистов-материалистов», основавших журнал «Фратерните 1845 г.». Он признал, что знаком с «Кодексом общности» Дезами. Допрос Дежоба и Жибо, тесно связанных с отсутствующим Сансом, не дал ничего нового, поскольку они все отрицали. Но они не могли опровергнуть выдвинутые против них обвинения, тем более что именно у них были найдены рукописи, выражавшие их революционно-коммунистические настроения. При обыске у Санса было обнаружено их письмо от 13 декабря 1846 г. довольно двусмысленного содержания. Они не могли отрицать и того факта, что у Жибо имелся трактат по военной пиротехнике, специально посвященный производству зажигательных бомб и снарядов, переданный им затем Дежобу. Кофино, признавая, что он коммунист, пытался изобразить себя сторонником мирной пропаганды. Но он вынужден был признать, что Кабе в брошюре «Сорванные маски» под псевдонимом Леграна подразумевал именно его, Кофино. А мы уже знаем, что Кабе обрушивался на него как раз за то, что он был «откровенным материалистом», связанным с «ультракоммунистами», в частности с Велликусом и Брижем, что он был одним из основателей «Юманитера», а затем пытался наладить издание нового журнала в противовес «Попюлеру». Кофино не смог опровергнуть и то, что он был одним из главных основателей «Фратерните 1845 г.». Сане не мог быть допрошен, поскольку находился в бегах, но найденные у него при обыске материальные улики, в частности упомянутое выше письмо, свидетельствовали о его тесном общении с Дежобом и Жибо. Кроме того, были найдены и его собственноручные заметки об использовании синильной кислоты.

В своем выступлении прокурор обрушился па всю коммунистическую литературу, чьи пагубные доктрины и ответственны в конечном итоге за деятельность «коммунистов-материалистов». Другими словами, прокурор всячески пытался поддержать выводы обвинительного акта, стремившегося превратить этот процесс в процесс над коммунизмом вообще. Не довольствуясь выпадами против революционно-коммунистических идеологов, вроде Пийо, Дезами и Констана, а также против революционно-коммунистических органов, таких, как «Юманитер» и «Фратерните 1845 г.», обвинение пыталось возложить ответственность за «заговор» «коммунистов-материалистов» даже па мирный икарыйский коммунизм. «Коммунизм, даже тот, который хочет действовать легальными средствами... уже благодаря тому, что он полностью отрицает право собственности, является зародышем крайних выводов, к

которым пришли и которые осуществляют на практике материалисты: последние на деле лишь наиболее последовательные логики коммунистической партии».

Жюри признало Готье, Шабана, Крузе и Жибо виновными не только в участии в незаконной ассоциации, но и в кражах. Жавело, Дюфур, Делонь, Лефевр, Кофино и Дежоб были признаны виновными лишь в заговоре в целях низвержения правительства. Суд приговорил Кофино к семилетнему тюремному заключению, Жавело и Жибо — к шестилетнему, Дежоба, Делонья и Лефевра — к пятилетнему, Дюфура, Крузе и Шабана — к трехлетнему, а Готье — к двум годам тюрьмы.

Процесс «коммунистов-материалистов» вызвал большой общественный резонанс. Он происходил всего за семь месяцев до начала революции 1848 г. в накаленной политической обстановке, в условиях все обострявшегося кризиса режима. Намерение властей использовать этот процесс для нанесения удара не только по коммунистическому движению в целом, но и по всей оппозиции было слишком очевидным. Об этом свидетельствовал обвинительный акт, составленный генеральным прокурором Деланглем, где не только «моральная ответственность» за это дело возлагалась на все течения коммунистической мысли, вплоть до икарыйского коммунизма, но и делался открытый намек на мелкобуржуазных демократов, группировавшихся вокруг газеты «Реформа», поскольку с ней был связан Кофино, которая, по утверждению обвинительного заключения, проповедовала те же доктрины. Поэтому, хотя, по свидетельству «Фратерните», «общин тон прессы по поводу этого процесса был самым неблагоприятным и самым несправедливым»⁶⁵, многие органы печати подчеркивали абсурдность такого рода обобщений. Даже такая буржуазная газета, как «Сизэль», не скупясь на выпады против коммунизма, указывала на принципиальное различие между «коммунистами-материалистами» и икарыйцами, ведущими мирную пропаганду⁶⁶.

Многие провинциальные газеты выражали сомнение в справедливости предъявленных на процессе обвинений. Газета «Курье де ла Кот-д'Ор» заявляла, что в числе обвиняемых было трое воров, будто бы развращенных чтением произведений Кабе и Прудона, что доказывает лишь, что они никогда не читали этих произведений и занимаются клеветой⁶⁷. Газета «Сантинель де Байон» утверждала, что на этом процессе были искусственно объединены два различных дела: дело нескольких воров с делом лиц, обвиняемых в заговоре в целях низвержения существующего политического строя, что обвинение осуждало произведения и журналы, не имевшие к этому процессу никакого отношения, суть которых оно искажало и на которых оно клеветало⁶⁸. Газета демократической оппозиции «Реформа» не могла, разумеется, игнорировать выдвинутые против нее обвинения. Утверждая, что она не разделяет коммунистическое мировоззрение, а защищает идейное наследство монтаньяров, газета в то же время оправдывала обвиняемых по делу «коммунистов-материалистов». Это обстоятельство специально отметил Ф. Энгельс. В статье «Газеты "Reforme" и "National"»,

опубликованной 30 декабря 1847 г. в «Deutsche-Brusseler Zeitung», он писал: «Мы благодарны "Reforme" за то, что она столь энергичным образом отстаивала подлинную демократию против "National". Мы благодарны ей за то, что она в борьбе с этой газетой защищает коммунизм. Мы с удовлетворением отмечаем, что она всегда защищала коммунистов, когда их преследовало правительство. Из всех парижских газет одна только "Reforme" выступила с защитой коммунистов-материалистов, когда г-н Делангль учинил над ними судебную расправу. Г-н Кабе в то время чуть ли не оправдывал действия правительства против материалистов»⁶⁹.

Действительно, позиция Кабе во всем этом деле была более чем двусмысленной. Он поспешил еще до процесса в связи с опубликованием обвинительного заключения напечатать в «Попюлере» открытое письмо генеральному прокурору Деланглю⁷⁰. Заявляя, что он также в свое время был прокурором и депутатом, он резко протестовал против отождествления его последователей с коммунистами-материалистами. Но, подчеркивая это, он не только не защищал этих последних, а обзывал их «коммунистами немедленных действий», «революционерами», «ультракоммунистами», как бы подтверждая тем самым выдвинутые против них обвинения в «заговоре». Он заявлял, что он всегда боролся против этих людей. Именно он, игнорируя «ненависть и гнев слепых революционеров», в течение последних шести лет осуждал мятежи и покушения. После процесса Кабе опубликовал в «Попюлере» статью «Размышления об этом деле»⁷¹, которое, по его мнению, должно было бы послужить наглядным уроком для революционеров. В нем участвовали «трое несчастных, которых пороки, лень, расточительство, разврат побудили к воровству и преступлению». Подобного рода революционеры стремятся к революции, «лишь чтобы удовлетворить свои материальные страсти». Коммунисты-икарийцы столь радикально отличаются от «коммунистов-материалистов», что намерены даже эмигрировать и основать Икарию, «дабы те их больше не компрометировали». В своей ненависти к революционному коммунизму Кабе и на этот раз переходил все границы дозволенного, и Ф.Энгельс был, безусловно, прав, заявляя, что он «чуть ли не оправдывал действия правительства против материалистов».

Иную позицию занимала в этом вопросе «Фратерните 1845 г.». Еще в июньском номере, в ежемесячной хронике, журнал протестовал против утверждений обвинительного акта, что воровство является логическим следствием коммунистической доктрины. Что сказал бы прокурор, если бы кто-либо, следуя тому же методу, стал бы доказывать, что теперешние скандалы в верхах являются логическим следствием существующей конституции? Журнал протестовал также против утверждений, что «Фратерните» является преемницей «Юманитера» и проповедует те же доктрины. Достойно сожаления, что религиозная, монархическая и даже социалистическая пресса, за исключением газеты «Реформа», повторяют гнусную клевету на коммунизм⁷². После процесса в журнале было опубликовано обращение к генеральному прокурору «ра-

бочих-редакторов "Фратерните"⁷³. Заявляя, что они никогда не были ни прокурорами, ни депутатами (намек на велеречивое обращение Кабе), они решительно выступали в защиту коммунизма. Если современная коммунистическая литература приводит, по мнению прокурора, к крайним выводам, если считать частную, собственность незыблемым установлением, не подлежащим обсуждению, то почему бы не привлечь к ответственности также Мабли, Морелли и Руссо; почему не дойти даже до Христа и его апостолов. Почему прокурор не думает о «крайних выводах», которые делаются из принципа частной собственности? «Позвольте же добраться до источника зла, рассматривать и обсуждать принципы частной собственности, позвольте даже доказывать, что в своих крайних выводах этот роковой принцип имеет прямое отношение к повседневному скандалам и гнусностям; почему торгуют совестью, должностями, голосами и влиянием? Разве все это делают не из-за золота? Как приобретают собственность? Вы утверждаете, что трудом. Но этого почти никогда не бывает, так как труд угнетен, поработен лицами, имеющими золото. Золото – вот верное средство и необходимое условие приобретения собственности. Следовательно, собственность не является столь священной вещью, как вы это провозглашаете».

Нельзя стремиться сохранить неизменной существующую форму общества. Нельзя провозглашать право собственности так, как оно сформулировано в гражданском кодексе, неприкосновенной и нерушимой социальной догмой, нельзя под предлогом сохранения настоящего жертвовать будущим, душить всякий прогресс, запрещать изучение проблемы организации общества. Собственность и в прошлом меняла свои формы: почему же она не может из индивидуальной превратиться в коллективную? Почему же доктрины, это доказывающие и стремящиеся положить конец существующим невзгодам путем более справедливого распределения труда и социальных благ, должны подвергаться гонениям? Ведь тем самым ставится под сомнение принцип индивидуальной собственности. Если он так превосходен, если только он и может быть основой общества, то к чему бояться его критики сторонниками коммунизма? Нельзя приостановить поступательное движение социальной истины ни обвинительными актами с грозными анафемами, ни тяжелыми наказаниями, ни какого бы то ни было рода запретами. Нельзя делать из коммунизма пугало. В своем обращении редакторы снова заявляли резкий протест против отождествления «Фратерните» с «Юманитером». «Фратерните» не только не проповедует принципы «Юманитера», но, наоборот, выступает против них.

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении данные о деле «коммунистов-материалистов». Какие же выводы они позволяют сделать? Прежде всего следует, разумеется, решительно отвергнуть все утверждения обвинительного акта о причастности к этому «заговору» всего коммунистического движения в целом, о «моральной ответственности» всех коммунистических идеологов и всей коммунистической и даже демократической прессы. Это шитое белыми нитками обвинение преследовало вполне определенные политические цели дискредитации

не только коммунистического и рабочего движения, но и всей демократической оппозиции. Столь же недоказательно было и утверждение, что ассоциация «коммунистов-материалистов» была основана еще в 1841 г., т.е. что она непрерывно существовала все эти годы, хотя материалы самого процесса с несомненностью свидетельствуют, что эта подпольная организация возникла лишь летом 1846 г.

Однако следует признать, что в ее состав вошли, пользуясь терминологией Кабе, «ультракоммунисты», принимавшие и до этого активное участие в революционно-коммунистическом движении и являвшиеся в предыдущие годы членами различных тайных обществ. Кофино, который, по утверждению Шеню, был главой «коммунистов-материалистов»⁷⁴, или, во всяком случае, играл руководящую роль, был одним из связанных с Велликюсом и Брижем «ультракоммунистов», которых Кабе еще задолго до этого предавал анафеме и считал своими злейшими врагами. Кофино был также одним из основателей «Юманитера», а затем и «Фратерните 1845 г.»; со слов его адвоката Селье мы знаем, что на первых порах он был даже казначеем этого нового журнала. Сانه являлся не только одним из основателей «Юманитера», но и ближайшим сотрудником Шаравэ и вместе с ним и Пажем редактировал этот журнал, а затем был привлечен к судебной ответственности по делу «юманитариев»⁷⁵. Мы хорошо знаем также, кем был Дюфур. Еще в июле 1840 г. он был принят в тайное Общество трудящихся-эгалитариев, активно участвовал в подготовке покушения Кениссе, был привлечен к судебной ответственности по этому делу⁷⁶, приговорен к тюремному заключению и амнистирован лишь в 1844 г. Жавело арестовывался еще в связи с майским восстанием 1839 г. Делонь в свое время был членом Общества времен года, а в сентябре 1840 г. принял участие во всеобщей забастовке в Париже, в связи с чем был арестован и приговорен к тюремному заключению.

Что касается идейных установок «коммунистов-материалистов», то они принадлежали к тому крылу революционного коммунизма, которое придерживалось материалистического мировоззрения. Более того. Изложенные в обращениях Крузе взгляды «коммунистов-материалистов» свидетельствуют, что они по ряду основных вопросов придерживались воззрений «юманитариев», разделяли их «основные принципы». Они также требовали упразднения семьи и брака, почти дословно повторяя аргументацию «юманитариев» о том, что индивидуальная семья ведет к раздроблению привязанностей, чем нарушает гармонию и братство, которые должны царить в условиях общности, что брак превращает в рабство то, что природа сделала свободным, и устанавливает индивидуальную собственность. Они также отрицали такое чувство, как самоотверженность, объявляли предрассудками любые моральные принципы. Это и неудивительно. Ведь их руководитель Кофино был одним из основателей «Юманитера», а Санс – одним из его редакторов и активным членом редакционного комитета, разработавшего «основные принципы юманитариев».

Тут может возникнуть один вопрос. Ведь Кофино стал затем одним

из основателей «Фратерните 1845 г.», причем на собрании учредителей по его предложению принял участие и Сане. Между тем в связи с процессом «коммунистов-материалистов» тогдашние редакторы «Фратерните» решительно протестовали против утверждений обвинительного акта, что их журнал является преемником «Юманитера» и защищает те же принципы. Что же тут правильно и что нет? «Фратерните 1845 г.» также был революционно-коммунистическим органом, и в этом смысле он являлся преемником не только «Юманитера», но и «Эгалитера», «Коммюнотера», «Травай». Однако в 1847 г. он находился уже в руках «спиритуалистов», которые отмежевывались от материализма, а в вопросе о браке и семье и в других теоретических вопросах отнюдь не разделяли воззрений «юманитариев», как их не разделяли, впрочем, и наиболее выдающиеся теоретики революционного коммунизма материалистического направления, начиная с Дезами и кончая Майером. Но не следует забывать, что «Фратерните 1845 г.» была основана не только «спиритуалистами», а и материалистами, бывшими основателями «Юманитера», среди которых были Кофино и Сане. Лишь осенью 1845 г., как мы знаем, произошел раскол, материалисты были изгнаны, и журнал полностью перешел в руки «спиритуалистов».

Однако основная проблема, связанная с процессом «коммунистов-материалистов», это следующая: были ли на этом процессе, как об этом писали или намекали некоторые газеты, искусственно объединены два различных дела: дело нескольких воров и дело лиц, обвиняемых в заговоре в целях низвержения существующего строя? Другими словами, были ли посажены на скамью подсудимых, наряду с коммунистами, три обыкновенных вора, дабы скомпрометировать коммунистическое движение и политических противников режима? При всей соблазнительности подобного утверждения для разоблачения недостойных методов, которые в период Июльской монархии действительно подчас применялись властями для расправы со своими политическими противниками, на этот вопрос следует дать отрицательный ответ. Ни Крузе, ни Готье, ни Шабан, ни Генней не были обыденными ворами. До этого они ни разу не обвинялись в кражах или каких-либо уголовных преступлениях. Наоборот, они были столь неопытными, что сразу же попались при первых же попытках совершения ограблений, причем в момент ареста Генней покончил жизнь самоубийством, что вряд ли сделал бы обыкновенный воришка. Все эти рабочие были до этого членами различных тайных обществ, участвовали в республиканских заговорах и коммунистическом движении. Крузе в 1834 г. входил в секцию Брута Общества прав человека, а затем в последующие тайные общества, включая и Общество трудящихся-эгалитариев. Будучи сперва республиканцем, он, ознакомившись с коммунистической литературой, в частности с «Кодексом общности» Дезами, стал убежденным коммунистом. Он был старым знакомым Кофино. Готье еще в шестнадцатилетнем возрасте был завербован в Общество прав человека, а затем был членом Общества времен года и Общества трудящихся-эгалитариев. 12 сентября 1841 г. он был арестован в трактире на улице Сен-Дени вместе с группой

«эгалитариев» и «юманитариев», руководивших оттуда выступлениями рабочих на площади Шатле⁷⁷. Он читал коммунистическую литературу, включая работы Кабе, Дезами и Констан. Шабан был членом Общества трудящихся-эгалитариев в течение всего периода его существования и также знаком с произведениями Дезами и Констан. Наконец, никто не мог опровергнуть и тот факт, что они с самого начала, с первого же собрания в июле 1846 г. в трактире на площади Сент-Опортюн, входили в ассоциацию «коммунистов-материалистов» и присутствовали на их еженедельных встречах.

Что же побудило этих рабочих вместе с покончившим самоубийством Геннеем заняться кражами, окончившимися для них столь плачевно? Ответ на этот вопрос мы находим как в материалах следствия, так и в обращениях Крузе. Подпольная группа «коммунистов-материалистов», разочарованная прежними неудачами революционных выступлений против режима Июльской монархии, искала новых путей революционной борьбы. «Метод баррикад» представлялся им устаревшим. Любая борьба на баррикадах могла, по их убеждению, всегда быть подавлена правительственными силами. Нужно было поэтому прибегнуть к изготовлению бомб и зажигательных снарядов, чтобы осуществить революционный переворот совершенно другими способами. Но для этого нужны были денежные средства. Неизбежно вставал вопрос, а как их раздобыть. Вспомним, что в этой группе «коммунистов-материалистов» верховодили бывшие «юманитарии» и что «основные принципы» последних откровенно пропагандировались на их собраниях. А эти «принципы» вплотную подвели к идее экспроприации.

Несомненно, большое влияние оказала и книга Прудона, провозглашавшая собственность воровством. Недаром с этой книгой были знакомы многие из обвиняемых, которые даже ссылались на нее. Мелкобуржуазно-анархическое учение Прудона питалось теми же социальными корнями, что и левацкие загибы «юманитариев». Неудивительно поэтому, что «коммунисты-материалисты» пришли вскоре к выводу о допустимости экспроприации для осуществления революционных целей, низвержения существующего общественного строя и реорганизации общества на новых началах, обеспечивающих «общее счастье». Эта идея экспроприации вылилась, однако, на практике в организацию мелких краж у частных лиц, что и привело к разгрому организации «коммунистов-материалистов» и дало правительственным властям весьма удобный повод для дискредитации всего революционно-коммунистического движения.

IV

Мы знаем уже, что в 1847 г. произошел раскол в Обществе времен года. Несколько сот коммунистов-подпольщиков окончательно порвали с этой организацией, влачившей и до этого призрачное существование. Новому «диссидентскому» обществу не удалось создать единую монолитную организацию: оно, как и прежде, состояло из отдельных подпольных групп, одной из которых и являлась, очевидно, ассоциация «коммунистов-материалистов». Но имелись и другие группы, также

разрабатывавшие различного рода проекты революционного переворота. Сперва они хотели приурочить революционное выступление к празднованию годовщины Июльской революции 1830 г. и наметили его на 28 июля, но от этого плана пришлось отказаться. «Однако, — пишет де ла Одд, — этот замысел был только отсрочен. Головы вновь воспламенились, люди были возбуждены и раздражены, воинственный клич раздавался во всех трактирах, и вожди, припертые к стене, вынуждены были во второй раз объявить, что они готовы действовать». Были сделаны попытки собрать необходимые денежные средства, которые, однако, закончились неудачей. Но революционное выступление все же готовилось. Де ла Одд и Альбер были в курсе этого проекта. По словам де ла Одда, Альбер, сам проявлявший нетерпение, склонялся к соглашению с руководителями коммунистов-«диссидентов», чтобы рискнуть начать битву. Но де ла Одд переубедил его. На собрании, состоявшемся в Монмартре, на котором присутствовали вожаки «диссидентского общества», де ла Одду и Альберу удалось отговорить их от немедленного выступления. Далее де ла Одд сообщает, что вскоре образовалась «маленькая группа упрямцев», во главе которых стояли Кюло, Биту, Велликюс и другие, решившие все же действовать и поэтому приступившие к изготовлению бомб и зажигательных снарядов. Они разрабатывали различные планы: думали то взорвать Тюильри, то палату депутатов, то совершить покушение на короля, то во время какого-нибудь официального праздника организовать взрыв и убить всех сановников. «Бомбы г.Кюло и компании были очень хорошо известны г.Пинелю, генеральному секретарю префектуры, занимавшемуся политическими делами. Он точно знал, как их изготовляли. Однажды утром, получив сведения, что заговорщики намеревались испытать некоторые из них в Бельвиле, он послал своих агентов, которые захватили как снаряды, так и тех, кто их изготовлял»⁷⁸.

Шеню, со своей стороны, излагает это дело следующим образом. Уже после ареста «социалистов-материалистов» он присутствовал на собрании в одном трактире, на котором Велликюс предложил избрать комитет, а затем назначить двух революционных агентов для руководства новой ассоциацией; когда число ее приверженцев достигнет тысячи, следует начать восстание. В состав этого комитета были избраны путем голосования Фере, по прозвищу Мустах, Пуатье, Виту-отец, Кюло и Велликюс. Было решено начать изготовление бомб, чем занялся Кюло. Несколько дней спустя они пошли вместе с Кюло, чтобы провести испытание бомб, но по дороге на них набросились полицейские. Кюло и Биту были арестованы, ему же, Шеню, удалось бежать. В этом деле был замешан и Консидер. Он сумел так настроить всех обвиняемых, что они стали изображать Шеню как главного организатора этого заговора⁷⁹. Напомним, что в своей книге Шеню сводил личные счеты с Консидером и без зазрения совести клеветал на него.

Как дело обстояло на самом деле и когда произошли эти события, мы знаем из доклада генерального прокурора Делангля министру юстиции от 29 мая 1847 г.⁸⁰ Делангль сообщал, что 15 мая и в

последующие дни в Париже были арестованы 15 человек, обвиняемые в принадлежности к тайной ассоциации и заговоре против особы короля. У одного из них, Кюло, в момент его ареста у заставы Сен-Дени была найдена самодельная бомба. Такая же бомба, закопанная в землю, была найдена неподалеку от его жилища в пригороде Сен-Дени. Можно считать установленным, что эти бомбы были изготовлены как экспериментальные Кюло и рабочим-ткачом Биту из материалов, добытых для них их сообщниками. Эти лица уже произвели несколько испытаний подобных снарядов и думали использовать эти бомбы для покушения на жизнь короля. «Арестованные до настоящего времени лица, по большей части рабочие разных профессий, были уже раньше участниками различных других тайных обществ, а некоторые из них — Общества материалистов, главные члены которого вскоре предстанут перед судом присяжных. Многие уже подвергались судебным преследованиям за политические правонарушения, в частности Консидер, который обвиняется вместе с врачом Гуженом-Дебовивьо в снабжении Кюло и Биту фосфором, необходимым для изготовления взрывающихся бомб. Некий Лакамбр, недавно осужденный за хранение оружия, видимо, также принимал активное участие в организации этого нового тайного общества, но до сих пор не удалось его арестовать».

Итак, как видим, дело происходило в мае 1847 г., еще до процесса «коммунистов-материалистов», но уже после разгрома их организации, причем, по сведениям прокурора, некоторые из арестованных по «делу о бомбах» входили до этого в состав и этой организации. Это звучит правдоподобно, поскольку и «коммунисты-материалисты», и участники нового заговора стояли, по существу, на одних и тех же позициях, а именно считали необходимым использовать для революционных выступлений самодельные бомбы. Хотя, по словам де ла Одда, они намерены были использовать эти бомбы для самых различных целей, начиная со взрыва Тюильри и палаты депутатов и кончая убийством всех сановников, прокурор в своем докладе ссылаясь на более конкретную и, очевидно, более реалистичную цель — покушение на короля. Как бы то ни было, бомбы эти предназначались, несомненно, чтобы спровоцировать и облегчить революционное восстание в Париже. Среди участников «заговора» мы находим имена почти всех лиц, которые, по словам де ла Одда, и осуществили раскол «Новых времен года», и возглавили «диссидентов» — Лакамбра, Кюло, Велликюса, Фере, отца и сына Биту, Флотта, Шеню.

Процесс по «делу о бомбах» состоялся лишь в октябре в шестой палате уголовного трибунала Парижа⁸¹. Думается, что нет надобности в деталях рассказывать об этом процессе. Подсудимые обвинялись как в создании незаконной ассоциации, так и в «заговоре». Но обвинение располагало, по существу, лишь одной уликой, а именно бомбами, найденными у Кюло. Домашние обыски у арестованных не дали ничего существенного. Были найдены письма, свидетельствующие только о личных связях между отдельными обвиняемыми; была конфискована и коммунистическая литература. Подсудимые все отрицали, заявляя, что

не существовало никакой тайной ассоциации, хотя они иногда и обсуждали вместе «социальные вопросы», что фраза, содержащаяся в письме Виту-отца к своей жене: «Я участвую в заговоре, а заговорщик ежедневно рискует головой», — была только шуткой. Они утверждали, что изготовляли бомбы не для использования в антиправительственных целях, а для заработка денег. Адвокаты, главным из которых был Селье, не отрицая, что обвиняемые собирались подчас вместе, указывали на различие между собраниями, отнюдь не запрещаемые законом, и ассоциацией, имеющей устав, соответствующих руководителей, преследующей определенную цель. Из судебных прений интересно отметить лишь заявление обвиняемых, что они поддерживали между собой контакт также и в целях создания нового журнала, очевидно революционно-коммунистического направления, под названием не то «Пепль», не то «Ами дю пепль», что, весьма возможно, соответствовало действительности.

В своем выступлении прокурор вынужден был признать, что теперь гораздо труднее доказать существование тайной ассоциации. Раньше такие ассоциации имели устав, публиковали директивы, распространяли циркуляры и т.п. Теперь же, учитывая уроки прошлого, они избегают этого, предпочитают все делать устно и не оставлять письменных следов. Кроме того, тайные общества сознательно раздробились, чтобы легче и незаметнее проводить свою деятельность. Но деятельность их не стала от этого менее опасной, так как и теперь они намерены на развалинах общества водрузить знамя равенства. В этой связи прокурор обрушивался на коммунизм вообще, не делая никакого различия (на что сетовал Кабе в «Попюлере») между коммунистами, сторонниками насилия, и икаррийцами. Прокурор также пытался установить связь между этой новой тайной ассоциацией, существование которой он считал несомненным, и тайным обществом «коммунистов-материалистов». Уголовный трибунал, оправдав нескольких обвиняемых, приговорил 16 подсудимых, в том числе Кюло, Фере, Лакамбра, Виту-отца, Виту-сына, Флотта, Велликюса, а также заочно Шешо, к различным срокам тюремного заключения.

«Дело о бомбах» было последним политическим процессом над членами подпольных коммунистических организаций, состоявшимся всего за четыре месяца до Февральской революции 1848 г.

V

Если уже в конце 1841 г. коммунистическое движение стало объектом яростных нападок буржуазной печати, буржуазных политиков, правительственных властей, то в последующие годы, особенно накануне революции 1848 г., страх перед коммунизмом принимал все большие масштабы. В июне 1846 г. «Фратерните», констатируя безоговорочную поддержку центром правительства Гизо и разоблачая подлинную сущность мнимой оппозиции Тьера и Одилона Барро, писала: «Все эти люди испытывают глубокое беспокойство, охвачены смутным предчувствием; они чувствуют, что повсюду распространяется дух равенства, который грозит охватить всю Францию и именно против этого народного моря они и пытаются воздвигнуть плотину»⁸². «Перед лицом все

возрастающего числа коммунистов, — писал журнал в декабре 1847 г., — беспокойство окончательно овладело людьми, живущими привилегией». В своем страхе буржуазия замышляет против сторонников равенства суровые меры. Журналисты, подкупленные или ослепленные, клеветают на коммунистов, пытаясь натравить на них как крупных, так и мелких собственников. В это дело включились и судебные власти⁸³. «С некоторых пор повсеместно как в Париже, так и в провинции, как за границей, так и во Франции привилегированные всех оттенков нападают на коммунизм и коммунистов с большей или меньшей сдержанностью, свирепостью или яростью»⁸⁴.

«Попюлер» со своей стороны пытался следующим образом резюмировать атаки на коммунизм и повседневные преследования, которым подвергались коммунисты: «Вот епископы, которые со своей армией кюре и во главе с папой, злоупотребляя духовной властью, клеймят коммунизм, извращая его и клеветая на него в своих энцикликах, посланиях, проповедях, на амвоне и в исповедальнях, отлучая его от церкви и проклиная его, используя против него свое влияние на отцов и матерей, на женщин и чересчур доверчивых крестьян. Вот собственники, богачи, капиталисты, промышленники и хозяева, объединяющиеся для искоренения коммунизма, отвергая или изгоняя трудящихся-коммунистов, лишая их работы и хлеба. Вот правительственная власть со своими прокурорами и жандармами, со своими префектами и мэрами, со своими домашними обысками, арестами и процессами, с произволом и злоупотреблениями своих агентов, с маневрами и уловками своей полиции, запугивающая население, возбуждающая опасную ярость против коммунистов. Вот газеты, даже демократические, даже социалистические, становящиеся соучастниками этого преследования»⁸⁵.

Полиция не только бдительно следила за подпольными коммунистическими группировками, засылая в них своих агентов и провокаторов. Судебные инстанции не только приговаривали их участников к суровым наказаниям даже без каких-либо веских доказательств. Любой процесс над ними они пытались превратить в процесс над коммунизмом в целом. Сама идея коммунизма рассматривалась теперь как нечто преступное. Если в 1841 г. произвело сенсацию выступление Букли, посвятившего свою традиционную ежегодную речь на открытии очередной сессии Королевского суда Парижа яростным нападкам на коммунизм, то в последующие годы подобные выступления судебных властей стали обыденным явлением. Так, например, в 1844 г. лионский прокурор, осуждая коммунизм, назвал его «отвратительной доктриной»⁸⁶. Так, в январе 1846 г. другой представитель прокуратуры на открытии сессии Королевского суда Лиона вновь резко обрушился на «утопию абсолютной общности»⁸⁷. Так, 27 ноября 1846 г. на открытии сессии Королевского суда Парижа председательствовавший Бервиль выступил с очередными нападками на коммунизм⁸⁸. В конце 1847 г. генеральный прокурор при Королевском суде в Риоме Мирай произнес при открытии сессии суда речь, всецело посвященную коммунизму. Извращая содержание коммунистического

учения, он стремился доказать, что коммунизм — это отрицание свободы, что он неизбежно ведет к деспотизму, и призывал к бдительности, чтобы предотвратить эту опасность⁸⁹.

Власти не ограничивались только речами. Желая запугать население и настроить общественное мнение против коммунизма, они не только использовали процессы, такие, как, например, процесс «коммунистов-материалистов», чтобы изображать коммунистов как воров, поджигателей и убийц, но и прибегали к открытым провокациям. В своем мартовском номере 1847 г. «Фратерните» писала: «По коммунизму не только ведут беглый огонь официальными напыщенными речами, на него не только клеветает продажная пресса; некоторые его неприятели, чтобы сделать его одиозным в глазах людей, не стыдятся прибегать к отвратительным махинациям. Несомненно, в этих целях последнее время на стенах столицы расклеиваются подстрекательные афиши и улицы усеяны своего рода листовками того же содержания. Эти афиши и листовки призывают к восстанию, требуют раздела земель и указывают на поджоги как средство достижения этого... Чего же добиваются враги коммунизма? По нашему мнению, следующего. Хотя существует кардинальная разница между разделом земель и коммунизмом, но, рассчитывая на невежество большинства людей, отождествляющих эти два столь диаметрально противоположных принципа, надеются, используя это заблуждение обывателей, навлесть на коммунизм осуждение и тем самым превратить самую безупречную доктрину в пугало для общества, которое она намерена возродить, "воспрепятствовать ее распространению и навлесть на ее поборников общественную неприязнь"⁹⁰.

17 августа 1847 г. парижский прокурор писал министру юстиции: «Две взрывающиеся коробки снова были найдены на улицах вечером 10 и 11 августа. Одна из этих коробок была подобрана 10 августа в 10 часов вечера на бульваре Пуассоньер. На следующий день, около того же времени, некий Тульжеро, проходя по Итальянскому бульвару, недалеко от улицы Лафит, увидел падающий к его ногам предмет, который, коснувшись земли, взорвался»⁹¹. В подобные петарды, которые в 1847 г. находили на улицах Парижа, и были вложены листовки с призывом к восстанию, что также должно было свидетельствовать о «коммунистическом заговоре» и дискредитировать коммунистов. Но даже Шеню в своей книге вынужден был признать, что коммунисты не имели никакого отношения к этим петардам, которые будто бы разбрасывал по вечерам некий маньяк⁹². Можно, однако, сильно сомневаться в существовании такого маньяка. Упомянутые выше афиши, как и эти петарды с вложенными в них листовками, имели, несомненно, одно и то же происхождение. От них так и разило полицейской провокацией. Такого рода провокации, организуемые полицейскими властями, гармонично сочетались с громовыми речами прокуроров и преследовали ту же цель дискредитации всего коммунистического движения, возбуждения ненависти к нему среди различных слоев населения, прежде всего среди мелкой буржуазии и крестьянства (знаменитый «раздел

земель»). Эти провокации имели, несомненно, и другую цель, на которую указывал Ф.Энгельс в статье «Движение за реформу во Франции», написанной в ноябре 1847 г.: «Правительство жаждет бунта и провоцирует его всеми возможными средствами. Полиция подбрасывает небольшие бомбы, начиненные подстрекательными к мятежу листовками, которые после взрыва бомбы разлетаются по улицам»⁹³.

Поскольку самый идеал коммунизма рассматривался теперь как преступный, то различные лица все чаще подвергались преследованиям не за свои поступки, а за свои убеждения. Теперь подвергались преследованиям не только сторонники революционного коммунизма, но и икарийцы. И над ними все больше сгущались тучи. В ноябре 1847 г. икарийцы Сен-Кантена, собравшиеся за городом не то для прогулки, не то для организации банкета, были привлечены к судебной ответственности по обвинению в незаконной ассоциации. Таким образом, создавался прецедент для причисления к «незаконным ассоциациям» всех икарийских организаций, которые, разумеется, ничего общего не имели с тайными обществами. Удар наносился, следовательно, и по икарийскому движению. Это было ясно хотя бы из того, что в связи с этим делом сам Кабе получил повестку, предписывавшую ему явиться 8 декабря к следователю трибунала Сен-Кантена для дачи показаний по обвинению в том, «что он является подстрекателем незаконных собраний, имевших место в окрестностях Сен-Кантена, поскольку он дал инструкции организовать эти собрания, побуждая к распространению коммунизма»⁹⁴.

Да, как это ни кажется диким и несурзным, под угрозой судебного преследования находился теперь даже Кабе, тот самый Кабе, который все эти годы столь упорно боролся против «ультракоммунистов», обливая их грязью за их революционные настроения, который выступал против тайных обществ, и еще в мае 1847 г. доказывал с пеной у рта всю «опасность» революции, грозящей социальным катаклизмом, и заявлял, что, будучи противником революции, он выступает также против покушений, мятежей и заговоров, обычно ей предшествующих⁹⁵, наконец, тот самый Кабе, который склонял своих сторонников покинуть Францию и отправиться в далекую Америку, дабы основать там Икарию! Но власти уже настолько боялись коммунизма, что решили теперь учинить судебную расправу даже над человеком, который все эти годы фактически содействовал им в их борьбе против революционного движения, только потому, что он пропагандировал столь ненавистную им коммунистическую идеологию.

14 января 1848 г., т.е. всего за месяц до революции, префектура полиции представила докладную записку, посвященную деятельности Кабе⁹⁶. В ней анализировалась переписка этого «упорного анархиста», попавшая в руки властей в результате обыска, произведенного у него на квартире по требованию следователя трибунала Сен-Кантена. Переписка эта, восходящая к 1841 г. и охватывающая последующие семь лет, была огромной и составляла 160 досье. Она доказывает, говорилось в этой докладной записке, что «в течение этого периода все минуты этого

человека были посвящены осуществлению его дела, распространению и торжеству его теорий». «Его доктрины вербуют приверженцев в первую очередь среди рабочего класса. Индустриальные города Лион, Руан, Марсель, Тулуза. Гренобль, Сен-Кантен, восточные департаменты (те, которые граничат с Швейцарией, такие, как Верхний Рейн, Вогеzy, Дуб) поставляют более многочисленный контингент коммунистов, чем все другие места. Радостные перспективы, которые Кабе сумел придать своей икарийской республике, прельщают воображение рабочих, рассматривающих установление коммунизма главным образом как конец их тяжелого труда». Далее в докладной записке делался следующий вывод: «Если что-либо и можно заключить из этой корреспонденции, так это то, что утопии Кабе внушили рабочим глубокое отвращение к своему положению и ненависть к иерархической организации общества, в условиях которого они должны жить. Подобные доктрины являются очень активными стимулами разложения, и, какие бы предосторожности ни предпринимал Кабе, рекомендуя своим приверженцам не прибегать к мятежу, чтобы получить удовлетворение за мнимый вред, наносимый обществом, люди, которых убеждают, что социальные институты являются их врагами, близки к тому, чтобы стать революционерами». Так подготавливался судебный процесс против главы икарийской школы.

Светским властям усердно помогали и власти духовные. «В Париже, в Лионе, в Реймсе, в Нанте, в Тулузе — всюду, — писал по этому поводу "Попюлер", — священники прилагают невероятные усилия, чтобы парализовать коммунизм и овладеть рабочими, детьми, женщинами, солдатами, обещая им помощь, денежные ссуды, работу, должности и т.д. и т.п. Они не пренебрегают никакими средствами, будь то музыка, пение, лотереи, чтобы привлечь их в церковь и в исповедальни... Нам известны видные представители церкви, которые лично убеждали неимущих рабочих отказаться от коммунизма, не скупясь на обещания, обещая им денежные авансы и дары, чтобы они могли завести дело, обещая обеспечить их клиентурой, обещая даже их женить. С другой стороны, многие из них ходят повсюду, угрожая разорением, потерей клиентуры и даже адом»⁹⁷.

Не следует, однако, полагать, что с коммунизмом боролись только правительственные власти, только сторонники режима Июльской монархии, начиная с буржуазных политических деятелей и кончая католической церковью. Против него открыто выступали теперь и представители как буржуазно-республиканской, так и мелкобуржуазно-демократической оппозиции. Достаточно сказать, что с осуждением коммунизма выступал даже такой видный представитель «крайне левых», как Ледрю-Роллен. Еще в 1845 г. он осудил коммунизм и коммунистов не только па одном политическом процессе в суде присяжных города Анже, но и в своей речи на собрании избирателей Манса, опубликовав эту речь в газете «Реформ»⁹⁸. В конце 1846 г. с аналогичными нападками выступил и другой столп республиканской оппозиции, Араго, что побудило «Фратерните» опубликовать подробный ответ под заголовком «Атаки на коммунизм»⁹⁹.

В кампании против коммунизма продолжала принимать активное участие и пресса. Газеты и журналы самых различных направлений осуждали коммунистическую идеологию, а подчас и прямо клеветали на нее, не скрывая своего страха перед ростом коммунистического движения. Габриэль де Мортилье, известный впоследствии археолог и участник революции 1848 г., гордившийся своим антиклерикализмом и радикализмом, в основанном им в 1845 г. «демократическом» журнале «Ами дю пепль», в котором говорилось и о грядущей революции, и о победе демократии, и о тяжелом положении трудящихся классов, и о необходимости «организации труда», и о многих других хороших вещах, так, например, отзывался о коммунистах: «Коммунисты многочисленны, они насчитывают много сторонников среди необразованных людей... если произойдет сильное потрясение, они кинутся вперед; им нечего терять, а они могут все выиграть; ничем не сдерживаемые, они предадутся всем эксцессам. Возрождая сцены эпохи Террора, они будут купаться в крови и утолять свое бешенство с помощью многочисленных жертв... Опасайтесь всех этих ужасов... Чрезмерное равенство ведет к коммунизму, самому жестокому порабощению»¹⁰⁰. Если нечто подобное говорилось в «левом», «демократическом» журнале, то не следует удивляться аналогичным высказываниям в самых различных органах буржуазной прессы, начиная с «солидного» журнала «Ревю де дё монд» и кончая оппозиционной газетой «Националь», которая 20 сентября 1847 г. в статье о коммунизме писала: «Ужасаются коммунизма; этот призрак заменил теперь призрак 93 г....это поток, увлекающий весь рабочий класс в пропасть. При первом же изменении в политической организации этот поток выступит из берегов и разрушит на своем пути собственность, семью, отечество»¹⁰¹. Прав был поэтоту «Попюлер», когда в декабре в своем обзоре прессы указывал: «По-прежнему изображают коммунизм как почти неизбежный в будущем! Определенно, это кошмар прессы. Коммунизмом сперва пренебрегали, а теперь все о нем говорят»¹⁰².

Конечно, следует учитывать, что многие такого рода высказывания о неизбежности коммунизма и его страшных следствиях преследовали явную цель запугать население, в первую очередь собственников. Но сама эта цель свидетельствовала о реальном страхе буржуазных политиков и их идейных оруженосцев перед широким распространением коммунистической идеологии, особенно среди рабочего класса, и революционно-коммунистическим движением. И несомненно, был прав фурыеристский журнал «Демократа пасифик», когда еще в 1843 г. писал: «Слепые консерваторы, стремящиеся сохранить прошлое, на самом деле имеют основание тревожиться из-за успехов революционного коммунизма; это, действительно, их истинный враг»¹⁰³.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.7, с.12.

2 La Fraternelle de 1845, N 22, 1846, oct, p.181—183.

3 Ibid., N 23, 1846, nov., p.196.

4 Archives Nationales, BB19, 37—42. Troubles causes par la disette des vivres 1846—1847.

5 Service historique de l'armee de terre, E5, 152–159. Troubles occasionne par la cherte des grains.
 6 Archives Nationales, BB19, 39.
 7 Ibid., BB19, 38.
 8 Ibid.
 9 Ibid.
 10 Ibid., BB19, 40.
 11 Service historique de l'armee de terre, E5, 157, 158.
 12 Archives Nationales, BB19,38.
 13 Ibid.
 14 Ibid.
 15 Service hislorique de l'armee de terre, li3, 159.
 16 Archives Nationales, BB18, 1451–1459.
 17 Archives Nationales, F7, 3893. Донесения Делессера от10 и 11 августа 1846 г.
 18 Ibid. Донесение Делессера от 30 сентября 1846 г.
 19 Archives Nationales, BB19, 40.
 20 Archives Nationales, F7, 3983; BB19, 40. Донесение Делессера от 1 октября 1846 г. и доклад генерального прокурора министру юстиции от 2 октября.
 21 Ibid., F7, 3983.
 22 Ibid., BB19, 40.
 23 Ibid., F7, 3983. Донесение Делессера от 3 октября Ш(! г.
 24 Ibid.
 25 Ibid., Fr. 3983. Донесения Делессера от 28 и 30 октября 1846 г.
 26 Донесение Делессера от 5 июля 1845 г.
 27 Донесение Делессера от 18 февраля 1846 г.
 28 Ibid. Донесение префекта полиции от 23 декабря 1846 г.
 29 Ibid.. Fr, 3892. Донесение префекта полиции от 19 ноября 1844 г.
 30 Ibid. Донесение префекта полиции от 11 декабря 1844 г.
 31 Ibid., Fr, 3893. Донесение префекта полиции от 5 августа 1845 г.
 32 Ibid. Донесение префекта полиции от 9 марта 1846 г.
 33 Ibid. Донесение префекта полиции от 12 марта 1840 г.
 34 Ibid. Донесение префекта полиции от 7 марта 1846 г.
 35 Ibid., F7, 3892. Донесение от 18 января 1844 г.
 36 Ibid. Донесение от 24 января 1844 г.
 37 Ibid. Донесение от 28 марта 1844 г.
 38 Ibid. Донесение от 30 ноября 1844 г.
 39 Ibid., F7, 3893. Донесение от 29 января 1845 г.
 40 Ibid. Донесение от 4 августа 1846 г.
 41 Ibid. Донесение от 1 декабря 1846 г.
 42 Chenu A. Les conspirateurs ou les societes secretes. Deuxieme part. P., 1850, p.113–115.
 43 Ibid.
 44 Ibid., p.117-119.
 45 Ibid., p.97-98.
 46 Hodde L. de la. Hisloirc ties sociolus secretes et du parti republican de 1830 a

1848. P., 1850, p.354–368.
 47 Ibid., p.369-373.
 48 Hodde L. de la. La Naissance de la Republique en fevrier 1848. P., 1850, p.21,23.
 49 Hodde L. de la. Histoire des societes secretes, p.373–374.
 50 Archives Nationales, BB19,39.
 51 Ibid., BB19,39.
 52 Ibid.
 53 Cabet E. Le voile souleve sur le proces communisfe a Tours et Blois. P., 1847. — BN,8° R, 18074(31).
 54 См. подробный отчет: Gazette des Tribunaux, 1847, 29, 30 avr., 1 mai. Материалы по делу турецких коммунистов имелись в Национальном архиве, в единице хранения BB18 1441. Однако это дело под номером 1992 не было мной там обнаружено, и архивистами, проверявшими этот фонд, было зарегистрировано как утерянное.
 55 Les communistes de Tours. Persecutions de police a Blois. Blois. 1847. —BN, Lb31, 4338.
 56 Le Populaire, 6-eme annee, N 6, 1847,9 mai, p.297.
 57 Ibid., N 16, 1847, 18 juill., p.338.
 58 Archives Nationales, BB24, 286–326, N 6540.
 59 Archives Nationals, BB20, 138–141.
 60 Gazette des Tribunaux, 1847, 14 juill., p.925–926.
 61 Le Populaire, 6-eme annee, N 12, 1847, 20 juin, p.320–321.
 62 Archives Nationales, BB2, 327–347, N 5283.
 63 Обращение это помечено 24 ноября 1848 г. Но ведь Луи-Бонапарт был избран президентом лишь 10 декабря. Поэтому одно из двух: или это явная ошибка и следует читать 24 декабря, или Крузе написал свое обращение накануне президентских выборов, даже еще не зная, кто будет избран.
 64 Gazette des Tribunaux, 1846, 14, 15,17. juill.
 65 La Fraternite de 1845, N 3132, 1847, juill.-aout, p.267.
 66 Le Populaire, 6-eme annee, N 18, 1847, 1 aout, p.345.
 67 Ibid.
 68 La Fraternite dc 1845, N 3132, 1847, juill.-aout, p.267.
 69 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.4, с.382–383.
 70 Le Populaire, 6-eme annee, N 12, 1847, 20 juin, p.381.
 71 Ibid., N 18, 1847, 1 aout, p.345.
 72 La Fraternite de 1845, N30. 1847. juin, p.256.
 73 Ibid., N 3132, 1847, juill.-aout, p.261–263.
 74 Chenu A. Op.cit, p.48.
 75 См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг., с. 197–198, 215–216, 230, 234, 247, 249.
 76 Там же, с. 29-35, 251–253.
 77 Иоаннисян А.Р. Указ.соч., с.248.
 78 Hodde L. de la. Op.cit., p.374–378.
 79 Chenu A. Op.cit., p.58–59.
 80 Archives Nationals, BB18, 1452, N 3846.
 81 Gazette des Tribunaux, 1847,7,8,10, 12, 13, 14 oct.; Lo Populate,7-eme annee, N

- 3, 1847,7 nov., p.400.
- 82 La Fraternite de 1845, N 18, 1846, juin, p.153.
- 83 Ibid., N 36, 1847, dec, p.297.
- 84 Ibid., N 28, 1846, oct., p.183.
- 85 Le Populaire, 6-eme annee, N 6, 1847,9 mai, p.297.
- 86 Ibid., 4-eme annee, N 1, 1844, 22 aout, p.147.
- 87 Ibid., 5-eme annee, N 5, 1846, 24 janv., p.213.
- 88 Ibid., 6-eme annee, N 3, 1846, 27 nov., p.255.
- 89 Ibid., 7-eme annee, N 36, 1847, 5 dec. На это выступление «Фратерните» сочла нужным дать пространный ответ, на который мы уже ссылались.
- 90 La Fraternite de 1845, N 27, 1847, mars, p.232.
- 91 Archives Nationales, BB18. 1454, N 4298.
- 92 Chenu A. Op.cit., p.69.
- 93 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.4, с.363.
- 94 Le Populaire,7-eme annee, N 36, 1847, 5 dec; La Fraternite de 1845, N 36, 1847, dec, p.300.
- 95 Le Populaire, 6-eme annee, N 6, 1847,9 mai, p.297.
- 96 Archives Nationales, BB18, 1451, N 3598.
- 97 Le Populaire 4-eme annee, N 3, 1844, oct., p.152.
- 98 Ibid., 5-eme annee, N 4, 1845, 21 dec.
- 99 La Fraternite de 1845, N 22, 1846, Oct., p.183—185.
- 100 Le Populaire, 5-eme annee, N 4, 1845, 21 dec, p.209.
- 101 Ibid., 7-eme annee, N 27, 1847, 3 Oct., p.381.
- 102 Ibid., N 37, 1847, 12 dec, p.420.
- 103 Ibid., 3-eme annee, N 6, 1843, 12 nov.

Заключение

Уже в 1840—1841-гг. утопический коммунизм получил во Франции широкое распространение. Это было непосредственно связано с успехами промышленной революции, развитием капиталистической экономики, ростом рабочего класса и подъемом рабочего движения, чему особенно содействовал промышленный кризис 1839 г. Именно в 1840—1841 гг. были опубликованы все основные произведения главных коммунистических идеологов того времени — Лаотьера, Констана, Кабе, Пийо и других. Лишь Дезами опубликовал свой «Кодекс общности» в 1842 г. Именно в 1840—1841 гг. появляются многочисленные органы коммунистической прессы — «Эгалитер», «Юманитер», «Травай», «Коммюотер», «Фратерните», «Попюлер». В июле 1840 г. на коммунистическом банкете в Бельвиле коммунисты публично выступили на политической арене, заявили о себе как о новой политической силе, намеренной принять активное участие в общественно-политической жизни страны. Именно в 1840—1841 гг. впервые возникают коммунистические организации — Общество трудящихся-эгалитариев с его двумя фракциями, организация «юманитариев». Все они принимают непосредственное и активное участие в рабочем движении, в частности во всеобщей стачке в Париже в

сентябре 1840 г. и в рабочих волнениях, имевших место год спустя. Уже в это время оформляются два направления в коммунистическом движении — «мирный» икарийский коммунизм Кабе, являвшийся преемником французского оуэнизма 20—30-х годов, и революционный коммунизм, возникший еще во второй половине 30-х годов под непосредственным воздействием традиций бабуизма, изложенных Буонарроти в его книге о заговоре равных. Именно революционно-коммунистическое движение и привело к созданию коммунистических тайных обществ «эгалитариев» и «коммунистов», как и аналогичных тайных обществ в Лионе и других городах. Именно оно играло все более возрастающую роль в революционном рабочем движении.

Разгром тайных обществ после всеобщей стачки в Париже и рабочих волнений в сентябре 1841 г., после покушений Дармеса и Кениссе, привел к временному спаду революционно-коммунистического движения. В 1843 г. даже формально прекратило свое существование Общество трудящихся-эгалитариев. С 1842 г. фактически существовали лишь отдельные подпольные коммунистические группы. Все они были так или иначе связаны с Обществом новых времен года, к которому примыкали и различного рода революционно-республиканские подпольные организации, но эта «большая ассоциация» влачила лишь эфемерное существование, прекратив даже вскоре публикацию директив, которые до этого были единственным связующим звеном между ее руководящим комитетом и отдельными подпольными группировками. Только незадолго до революции, в 1847 г., коммунистические подпольные организации официально порвали с Обществом новых времен года и организовали новое «диссидентское общество». Но и это общество так и не превратилось в единую, монолитную организацию.

Не следует, однако, полагать, что различного рода подпольные коммунистические группировки бездействовали. После временной растерянности, вызванной арестом многих видных представителей «эгалитариев» и «коммунистов» и судебными процессами по делам Дармеса, Кениссе и юманитариев, они вскоре, уже со второй половины 1842 г., возобновили свою активную деятельность. Деятельность эта выражалась не только в устной агитации среди рабочих на улицах, площадях, набережных Парижа, в распространении листовок и других «подрывных» публикаций. Как о том свидетельствуют различные судебные процессы тех лет, они не ограничивались революционной пропагандой, а готовили революционные выступления, готовили грядущую «политическую и социальную революцию». При этом следует отметить два момента. С одной стороны, подпольное коммунистическое движение принимало все более непосредственное участие в политической жизни страны, поддерживало контакт с другими оппозиционными группировками, в том числе с различного рода социалистическими течениями, и участвовало в их совместных действиях. Примером может служить петиционная кампания с требованием «организации труда». Но в то же время следует констатировать, что в среде коммунистов-подпольщиков усиливались и

левацкие настроения. Разочарование в прежних методах борьбы, в открытых выступлениях и баррикадных боях, стремление к немедленным революционным действиям, влияние мелкобуржуазно-анархической идеологии побуждали их разрабатывать планы террористических актов, способных без промедления развязать революцию. Именно это и привело «коммунистов-материалистов» к идее экспроприации в целях финансирования такого рода революционной деятельности. Недаром среди таких подпольщиков были и многие бывшие юманитарии. Левацкий уклон в революционно-коммунистическом движении, нашедший в 1841 г. свое выражение в движении юманитариев, еще более усилился в последующие годы.

В революционно-коммунистическом движении шла борьба между двумя мировоззрениями: материализмом и «спиритуализмом». Эти различные мировоззренческие установки находили свое проявление и в подходе к различным конкретным вопросам, в частности к вопросу о браке и семье. Если сторонники материализма, как правило, требовали полной ликвидации этих общественных институтов, «спиритуалисты» высказывались за их сохранение. Но все эти идейные разногласия отнюдь не были существенными и решающими. Всех представителей революционно-коммунистического движения объединяло стремление осуществить революционным путем преобразование общества на коммунистических началах, а это и было главным и основным. Об этом свидетельствует история «второго» и «третьего» «Фратерните», переходившего попеременно из рук материалистов в руки «спиритуалистов», что не меняло, однако, его политической линии, его общественно-политических установок. Основной водораздел между коммунистами тех лет проходил не по признаку их принадлежности к материалистам или «спиритуалистам», а обуславливался их приверженностью к икарийскому или революционному коммунизму. Принципиальная противоположность между икарийским и революционным коммунизмом ярко проявлялась еще в 1840–1841 гг. Кабе, отказавшийся даже участвовать в Бельвильском банкете, и тогда уже метал громы и молнии против тайных обществ, осуждал «коалиции», «мятежи» и «беспорядки», клеймил «ультракоммунистов». Революционно-коммунистические органы печати, в свою очередь, резко осуждали его недостойное поведение, его «доносы» и стремление монополизировать коммунистическую доктрину. Но в то время некоторые коммунисты-революционеры поддерживали еще личные отношения с Кабе, а Дезами даже сотрудничал с ним и писал статьи для «Попюлера». В 1842–1843 гг. коммунисты-революционеры в лице Дезами, Велликюса, Кофино и многих других окончательно порывают с Кабе. Этот разрыв знаменовал собой полное размежевание между мирным и революционным коммунистическим движением.

Разгром в 1840–1841 гг. тайных обществ «эгалитариев» и «коммунистов», судебные процессы и репрессии против сторонников революционного коммунизма, безусловно, содействовали росту икарийского движения. В 1843 г. Ф.Энгельс в статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», говоря о «трудящихся

эгалитариях» и «юманитариях», писал: «Обе эти партии, как и две-три другие, просуществовали весьма недолго, и главная масса французских рабочих очень скоро обратилась к принципам, которые проповедовал г-н Кабе — "Pere Cabet" (отец Кабе), как его называют, — и которые стали известны на континенте под именем икарийского коммунизма»¹. Действительно, в 1842–1843 гг. икарийский коммунизм получает довольно широкое распространение и икарийские организации охватывают густой сетью всю Францию. В октябре 1844 г. «Попюлер» оценивал число икарийцев минимум в 40 000, и, видимо, это была более или менее точная цифра и к икарийским организациям, на самом деле, примыкало несколько десятков тысяч человек. Разумеется, коммунистов-подпольщиков было значительно меньше. Мы знаем, что даже в период расцвета коммунистических тайных обществ, в 1840–1841 гг., общее их число составляло всего несколько сот человек.

Но эти цифры не должны вводить нас в заблуждение, заслонять и прикрывать реальную действительность. Прежде всего не все революционно настроенные коммунисты, даже такие, как, скажем, Дезами и Пийо, непосредственно входили в состав тайных обществ. Тем более в 1842–1847 гг. не все сторонники революционного коммунизма примыкали к тем или иным подпольным группировкам. Но главное заключается не в этом. Самым примечательным являются внутренние процессы, происходившие в самом икарийском движении. Было бы непростительной иллюзией полагать, что все лица, примыкавшие к икарийским организациям, были всегда и везде слепыми последователями Кабе и безоговорочными сторонниками мирного пути. Часто икарийские организации становились лишь прикрытием для революционной деятельности. Под благовидным предлогом легальной пропаганды икарийского коммунизма, распространения «Попюлера» и сочинений Кабе создавались если и не тайные общества в прямом смысле этого слова, то организации, стоявшие на революционной платформе. Революционный дух широко распространялся среди икарийцев, особенно в крупных городах. Процессы тулузских коммунистов в 1843 г. и «лионских библиотек» в 1844 г. наглядно это продемонстрировали. Внутренняя коррозия икарийского движения зашла так далеко, что в 1847 г. Кабе, человек самовлюбленный и преисполненный иллюзий относительно своей руководящей роли и своего непререкаемого авторитета, вынужден был публично признать, что «ультракоммунисты» часто выдают себя за икарийцев и вовлекают «простофиль» в революционное движение.

Чем дальше шло время и чем меньшие плоды приносила мирная пропаганда Кабе, тем большее разочарование охватывало значительные слои икарийцев, что содействовало распространению среди них революционных настроений. Это и было, безусловно, одной из основных причин, побудивших Кабе за несколько месяцев до революции резко изменить тактику и выдвинуть свой план организации икарийских поселений в Америке, фактически признав тем самым крах икарийского движения в том виде, в каком оно существовало и развивалось в

предыдущие годы. Хотя под влиянием Кабе находились еще тысячи людей, часть которых ему удалось даже «отправить в Икарию», но совершенно несомненно, что среди икарийцев все больше распространялись революционные настроения. Еще в 1845–1846 гг. Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» писали: «Немногие выступившие со времен Бабефа коммунистические буржуа, которые были неревolutionны, — весьма редкое явление; огромное же большинство коммунистов во всех странах проникнуто революционным духом»². Этот вывод был справедлив прежде всего в отношении Франции. Если накануне революции 1848 г. нелегальные коммунистические организации и не носили массового характера и численность коммунистов-подпольщиков была ограничена, то все же бесспорно, что большинство коммунистов, включая и значительную часть икарийцев, были уже проникнуты революционным духом.

В 1842–1847 гг. пропаганда коммунистических идей не прерывалась. Правда, из крупных теоретических трактатов был опубликован лишь «Кодекс общности» Дезами, который как бы завершал цикл произведений различных представителей коммунистической мысли, вышедших в свет в предыдущие годы. В этот период пропаганда коммунизма велась главным образом путем его популяризации с помощью различных брошюр и альманахов, а также периодических органов. Нельзя отрицать, что некоторые из бесчисленных брошюр Кабе, посвященных защите коммунистических принципов, а также статьи в «Попюлере» играли в этом отношении положительную роль, содействуя распространению коммунистического мировоззрения. Но в этой пропаганде активное участие принимали и представители революционного коммунизма, и их печатные органы. «Альманах общности» Дезами, Мея и Гея, брошюры Брижа, «Политическая и социальная система равных» Баллона, «План образцовой коммуны» Велликюса, брошюра Юбера, «альманахи-катехизисы» Прэ — все эти издания, безусловно, также содействовали пропаганде коммунистических идей. «Фратерните» 1842–1843 гг. продолжала систематическую популяризацию коммунистического мировоззрения, все более открыто выражая революционно-коммунистические настроения, а «Фратерните 1845 г.», издававшаяся в течение трех лет, вплоть до революции, непрестанно пропагандировала идеи революционного коммунизма. Коммунистические идеи пропагандировались и в ряде провинциальных изданий, и в различных других органах печати; они оказывали воздействие даже на представителей других социальных течений, в частности на левых фурийеристов, таких, как Эдуар де Помпери. А бывший фурийерист Вильгардель своими опубликованными в эти годы трудами содействовал обоснованию коммунистического идеала.

В теоретическом отношении коммунистическая литература 1842–1847 гг. не дала ничего принципиально нового. Даже Дезами и другие идеологи революционного коммунизма продолжали обосновывать коммунизм чисто рационалистически, ссылаясь на свойства и потребности человеческой природы. Они так и не сумели решить

основной вопрос, а именно дать коммунизму подлинно научное обоснование. Задача, поставленная еще в 1840 г. Пийо, — превратить коммунизм из утопии в науку — так и не была решена. Французский коммунизм оставался коммунизмом ненаучным, утопическим. Но те положительные черты, которые были характерны для французской революционно-коммунистической идеологии еще в 1840–1841 гг., продолжали находить свое яркое выражение и в последующие годы. Это относится прежде всего к критике капиталистического общества, разоблачению его истинной классовой сущности, анализу классовых противоречий, противопоставлению пролетариата, рабочих капиталистам и промышленникам, к признанию решающей роли пролетариата в грядущей революции. Дезами в своем основном трактате призывал «пролетариев» осуществить «социальную революцию». «Альманах общности» в обращении к трудящимся призывал «рабочий класс» не быть пассивным оружием в руках буржуазии, как то было в предыдущих революциях, а взять власть в свои руки для полного преобразования общества. «Фратерните 1845 г.» анализировала систему производства в современном обществе, всецело подчиненную интересам владельцев капитала. Журнал разоблачал классовые противоречия капиталистического общества, говорил о борьбе между «капиталистами и трудящимися», о битвах между «трудом и капиталом». Основной общественной задачей он провозглашал освобождение эксплуатируемого ныне пролетариата. Он предрекал грядущую «грозу» и призывал рабочих готовиться к борьбе за свое «социальное освобождение». Если Дезами еще понимал термин «пролетариат» в очень широком смысле, то «Фратерните» почти всегда уже отождествляла пролетариат с рабочим классом. Вообще, многие статьи журнала подчас поражают четкостью своих формулировок и своим классовым подходом ко всем проблемам современности.

Следует специально отметить и еще одну характерную черту коммунистической литературы, и особенно коммунистической печати, этих лет, а именно все большее внимание, уделявшееся распространению коммунизма и социальным движениям в других странах. Даже «Попюлер» публиковал в каждом номере рубрики об «успехах коммунизма» в различных европейских странах. А «Фратерните», предрекая революцию не только во Франции, но и во всей Европе, давала подробную информацию о революционном социальном движении за рубежом, приводя даже соответствующие документы. Префект полиции Делассер недаром выражал в феврале 1846 г. беспокойство в связи с распространением коммунизма в Германии и Швейцарии и с деятельностью основанного Марксом и Энгельсом «брюссельского корреспондентского комитета», поддерживавшего связи с Францией, Германией, Англией. Коммунистическое движение все больше принимало общеевропейский характер, и французские коммунисты-революционеры все больше осознавали свою идейную связь с единомышленниками в других странах. По мере распространения коммунистических идей, по мере того как рабочий класс все более ими

проникался, во Франции все больше усиливался антикоммунизм. В 1840—1841 гг. и даже в 1842 г. власти допускали печатную и устную пропаганду коммунистических идеалов, хотя и внимательно следили за ней; в эти годы беспрепятственно были опубликованы и «Путешествие в Икарию» Кабе, и «Кодекс общности» Дезами, и брошюры Пийо и Майера, и работы Лаотьера и других коммунистических идеологов; в июле 1840 г. без всяких помех со стороны властей был организован коммунистический банкет. Но уже после всеобщей стачки в Париже, последующих рабочих волнений, после покушений Дармеса и Кениссе начались репрессии против коммунистических идеологов, связанных с деятельностью тайных обществ и революционной пропагандой. В числе прочих были арестованы и преданы суду Пийо и Нуаре. А с 1843 г. власти начинают возбуждать преследования за одну лишь пропаганду коммунистических принципов. Само отрицание права частной собственности рассматривалось уже подчас как уголовное преступление. Именно поэтому был привлечен к судебной ответственности и осужден на тюремное заключение Дезами только за распространение под новым названием «Альманаха общности». Именно поэтому повторно арестовывался и был предан суду Брэ за свои «альманахи-катехизисы». Конечно, полицейские и судебные власти не имели возможности сажать в тюрьму всех лиц, пропагандировавших коммунистическое мировоззрение, так как даже знаменитые «сентябрьские законы» о печати не давали на это права. Но их переписка между собой свидетельствует, что они охотно готовы были это делать под первым удобным предлогом. Дело дошло до того, что накануне революции они усердно собирали материалы, чтобы затеять судебный процесс против самого Кабе, опять-таки лишь за пропаганду им коммунистических идеалов. Католическая церковь, пользовавшаяся большим влиянием, особенно в деревнях, вела ожесточенную кампанию против коммунизма, пытаясь всяческими способами отвратить от него и рабочих. С осуждением коммунизма выступали политические деятели самых различных направлений, включая и представителей республиканско-демократической оппозиции, вроде Ледрю-Роллена. Против коммунизма выступала, за единичными исключениями, и вся пресса. Антикоммунистическая кампания в печати, начавшаяся еще в конце 1841 г., непрерывно продолжалась все эти годы. Таким образом, уже накануне революции образовался по существу единый фронт против коммунизма, что отражало изолированность рабочего класса и рабочего движения, не имевшего никаких союзников даже в среде мелкой буржуазии и крестьянства.

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т.1, с.530.

2 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, С; 214.